

Годъ 19-й.

Кн. LXXV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1907, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. В. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Пилука.

МОСКВА.

Поставл. Двора Его Величества Т-во Скор. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО
Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамонтовскій пер., с. д.

1908.

Печатано съ разрѣшенія Совета Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографии.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Дунгане. Свадьба (Цюй-си-фуръ). <i>Θ. В. Пояркова</i>	1
II. О былинномъ царѣ Калинѣ. <i>Вс. Θ. Миллера</i>	69
III. Нѣкоторыя замѣчанія о роли загадки въ сказкѣ. <i>Е. Н. Елеонской</i>	78
IV. По поводу замѣтки Андрѣ о новомъ этнографическомъ музеѣ въ Антверпенѣ. <i>В. Н. Харузиной</i>	91
V. Смѣсь:	
1. Изъ свадебныхъ обрядовъ и повѣрій Ярославской губерніи. <i>И. В. Костоловскаго</i>	104
2. Праздникъ воскресенія до христіанства. <i>Д. Н. Аина</i>	108
3. Нѣсколько пѣсенъ лиро-эпическаго характера. <i>А. В. Мар-</i> <i>кова</i>	118
4. Баксы. <i>А. А. Диваева</i>	123
VII. Критика и библиографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
Weissenberg: 1) Das neugeborenes Kind bei den südrussischen Juden; 2) Krankheit und Tod bei d. s.-r. Juden; 3) Palästina in Brauch u. Glauben der heutigen Juden. <i>В. Н. Х—ой</i> (126).—Handbook of American Indians north of Mexico. <i>А. Н. Максимова</i> (129).—Feilberg. The corpse—door: a Danish survival. <i>Е. Н. Е—ой</i> . (131).—Anthropological Essay presented to E. V. Tylor. <i>А. Н. Максимова</i> (133).—Вольтеръ. Латышскіе отрывки. <i>В. Н. Х—ной</i> (134).—Ветуховъ. Заговоры, заклинанія, обереги. <i>Е. Н. Е—ой</i> (134).—Лоренцъ. О померельскомъ языкѣ. <i>В. Н. Х—ой</i> (135).—Спераскій. Изъ литературы древняго Египта. Вып. I. Разсказъ о двухъ братьяхъ. <i>А. В. М—ва</i> (136).—Тахтаровъ. Очерки по исторіи первобытной культуры. <i>В. Н. Х—ой</i> (137).—Радловъ. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ. Часть IX. Нарѣчія урянхайцевъ, абаканскихъ татаръ и карагасовъ. <i>Э. К. П—ю</i> . (138).—Зачиняевъ. Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній. <i>В. Н. Х—ой</i> (138).—Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія И. Р. Г. О. Томъ VIII, вып. 1 <i>Е. Н. Е—ой</i> (139). Зеленинъ Руская соха. <i>В. Б.</i> (140).—Абрамовъ. Старообрядцы на Вяткѣ <i>Вл. Б.</i> (141).	

	<i>Стр</i>
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	142
3. Новости этнографической литературы	143
VIII. Хроника:	
Некрологи: Антоновичъ, Богиничъ, Файсонъ, Гауптъ, Дезупъ.—Congrès préhistorique.—Научныя экскурсія и занятія финскихъ ученыхъ.—Новыя работы Л. Я. Штернберга.—Лекціи по русской исторической географіи.—О средневѣковомъ армянскомъ городѣ Ани.—Этнографическое отдѣленіе Кавказскаго музея.—Этнографія Алтая.—О напѣвахъ алтайскихъ инородцевъ и монголовъ.—Народности о-ва Майотты.—Игра въ веревочку.—Указатель къ «Онежскимъ былинамъ».—Премія по этнографіи.	148
IX. Объявленія	163

Дунгане селенія Каракунузъ Пишпекскаго уѣзда Семирѣченской области.

(этнографическіе очерки ¹⁾).

II.

Свадьба (Цюй-си-фуръ).

Съ приближеніемъ дня свадьбы, въ домѣ родителей невѣсты идутъ дѣятельныя приготовленія и спѣшныя работы, какъ до заготовкѣ и окончанію приданаго невѣстѣ, такъ и по усиленной заготовкѣ и закупкѣ различныхъ припасовъ къ должному, приличному приему гостей, каковыхъ на этотъ разъ приглашается очень много. За послѣдніе, остающіеся до свадьбы, немногіе дни усиленно шьется бѣлье и прочая одежда для молодой, и если оказывается недостаточно собственныхъ рукъ, то приглашаются за плату опытные, искусныя портнихи и мастерицы. Вся эта работа лежитъ исключительно на женщинахъ, отецъ же доставляетъ лишь все необходимое и требуемое и заботится исключительно о приобрѣтеніи въ возможно большемъ количествѣ различныхъ съѣстныхъ продуктовъ, для чего закупаетъ скотину, преимущественно хорошо откормленныхъ быковъ; одного быка для болѣе или менѣе порядочной свадьбы обыкновенно бываетъ недостаточно, а требуется не менѣе двухъ,

¹⁾ Въ *Этнографическомъ Обзорѣ* 1903 года в. № 2 помѣщена моя статья подъ названіемъ „Сватовство у дунганъ“. Статья эта исключительно относится къ дунганамъ селенія Каракунузъ, какъ и всѣ имѣющія послѣ появиться статьи будутъ имѣть своимъ предметомъ жизнь дунганъ только названнаго селенія. Настоящая же статья является ея продолженіемъ, какъ 2-я ея глава, подъ общимъ оглавленіемъ: „Дунгане“.

Авт.

а также нѣсколько барановъ; онъ хлопочеть о заготовленіи въ достаточномъ количествѣ и всѣхъ прочихъ припасовъ для такого важнаго случая, и обо всемъ этомъ совѣтуется со своей женой и ближними родственниками, чтобы не ошибиться, не промахнуться въ расчетъ. Нѣкоторые изъ родственниковъ часть хлопотъ и заботъ принимаютъ на себя. Люди зажиточные, богатые обыкновенно не покупаютъ скотины, а обходятся своею, лишь бы только это не отразилось убыточно на хозяйствѣ.

Въ домѣ жениха идутъ также дѣятельныя приготовления, но здѣсь расходовъ предстоитъ уже меньше, такъ какъ главныя и крупныя затраты были произведены еще во время *ся-о-ли-рѣ* и *та-ли*, о чемъ говорилось въ предыдущей главѣ. Теперь же родителямъ жениха остается произвести одинъ расходъ, исключительно почти весь идущій на приемъ и угощеніе приглашенныхъ гостей.

Со дня сватовства и, въ частности, со дня полученія большихъ подарковъ (*та-ли*, *сунъ-ли*) и до свадьбы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проходитъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, — но больше проходитъ мѣсяцевъ. Въ теченіе такого продолжительнаго времени подъ вліяніемъ постоянныхъ разговоровъ съ матерью, какъ бы ни была невеста молода, она уже постепенно свыкается съ мыслию, что ей въ скоромъ времени предстоитъ разстаться съ родительскимъ домомъ и сдѣлаться членомъ новой семьи, до того, быть-можетъ, совершенно ей неизвѣстной; съ мыслию о разставаніи свыкается она частію и подъ вліяніемъ бесѣдъ наединѣ со своими преимущественно молодыми родственницами, не такъ давно еще вышедшими замужъ; но невеста болѣе бодро и спокойно смотритъ на предстоящую перемѣну, имѣющую съ нею произойти въ недалекомъ будущемъ, когда рѣзко измѣнится какъ ея личная жизнь, такъ и ея общественное положеніе. Поэтому съ нѣкотораго времени она начинаетъ принимать болѣе дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ и событіяхъ, происходящихъ въ домѣ ея родителей, особенно въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касаются лично до нея самой. Молодая дѣвушка, выходящая замужъ, едва ли не въ первый разъ въ домѣ родителей выражаетъ свое мнѣніе, свою волю, подаетъ свой голосъ, и къ ея мнѣнію, къ ея голосу родители серьезно и внимательно прислушиваются, потому что

она уже «взрослая» въ ихъ глазахъ; поэтому всѣ заявленія и требованія молодой дѣвушки отцомъ и матерью, по возможности, исполняются безпрекословно (такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось слышать). Дѣлаемая приготовленія все болѣе и болѣе поглощаютъ вниманіе молодой дѣвушки, она входитъ во вкусъ ихъ, всѣмъ интересуется и старается уже о томъ, чтобы войти въ домъ будущаго своего мужа, по возможности, поприличіе, чтобы у нея все было, чтобы въ первое время не подвергнуться насмѣшкамъ или упрекамъ со стороны своихъ новыхъ родственниковъ, главнымъ же образомъ со стороны своихъ родственницъ, почему относительно своего приданаго, какъ его качества, такъ и количества, невѣста слѣдитъ очень внимательно, и мать по этому поводу постоянно съ ней совѣтуется. Какъ у другихъ народовъ, такъ и у дунганъ между матерью и дочерью въ подобныхъ случаяхъ, происходятъ пререканья и размолвки, и дочь по адресу матери иногда посылаетъ упреки.

Намъ, между прочимъ, удалось записать слѣдующій діалогъ, происходящій между матерью и дочерью по поводу приданаго.— Дочь, упрекая мать, говорить: «У меня нѣсколько братьевъ и невѣстокъ, всѣ они богаты, постоянно они одѣты въ лучшія платья и т. д.». «Прошу, дочь»,—отвѣчаетъ мать:—«остановись... перестань, напрасно меня не укоряй, прежде выслушай: свекровь твоя прислала тебѣ тридцать два лянъ (около трехъ фунтовъ) серебра, а сколько есть у меня, то все принадлежитъ тебѣ, все отдаю тебѣ. Даю тебѣ красныхъ шелковыхъ кофть три пары и изъ бѣлаго шелка двѣ пары, башмаки разноцвѣтные, башмаки большіе и малые безъ счета, ими наполнены два кожаные сундука. Нанятые плотники дѣлали для тебя столы и кресла; одинъ орѣховый столъ разукрашенъ узорами; одна пара оловянныхъ бапокъ для румянъ. Будетъ тебѣ мѣдный тазъ съ цвѣтомъ му-танъ, а также стойка (въ родѣ нашего туалета), куда будешь ставить зеркало. Всѣ гребешки сдѣланы изъ краснаго дерева. Мѣдные подсвѣчники, вычищенные, сіяютъ, ихъ три пары. Одна пара серебряныхъ браслетъ вѣсомъ въ три лянъ. Перстней двѣ пары. Кофть обиходныхъ простыхъ пять штукъ и такихъ же штановъ пять паръ. Одна пара серегъ изъ чистаго золота. Для головы полное инъ-хо (такъ называется полное головное украшеніе), оно сдѣлано изъ чистаго серебра. Бѣлыхъ и красныхъ

кошемъ по четыре штуки и столько же подушечныхъ наволочекъ, вышитыхъ шелкомъ. Одѣяль изъ краснаго сукна двѣ пары. Синихъ и красныхъ рубахъ по десяти штукъ. Румянь бѣлыхъ и красныхъ полный ящикъ. Мыла пять фунтовъ (цую-чжо, какое-то растение, имѣющее свойство мылиться). Щипчики для орѣховъ изъ стали также будутъ. Хорошихъ чашекъ десять штукъ, ложекъ (китайскія ложки — палочки) также десять паръ. Будутъ еще мѣдныя ложки и вилки изъ желтой мѣди, урыльникъ изъ красной мѣди. Бѣлыхъ полотенецъ въ три аршина одно. Двѣ пары платковъ изъ чернаго шелка. Будетъ также у тебя приборъ, обдѣланный въ золото, въ которомъ ты найдешь копоушки, зубочистки, щипцы для выдергиванія волосъ на губахъ, въ носу и для выдергиванія занозъ. Занавѣсокъ на двѣ двери изъ синяго полотна четыре штуки, сѣрыхъ стеганыхъ занавѣсокъ для зимы одна штука. Все это я отдаю тебѣ, дочь моя, и еще дамъ тебѣ много другого: матери твоей ничего не нужно».

Независимо отъ того прямого интереса, который представляетъ этотъ отвѣтъ, изъ него, между прочимъ, мы видимъ, что дунгане, живя въ Китаѣ, въ домашней своей обстановкѣ пользовались исключительно чисто китайскими предметами, а именно: вся домашняя мебель, серебряныя и золотыя головныя украшенія, а также вся безъ исключенія одежда, ея форма и покрой, всѣ приборы и принадлежности для стола, туалета и проч. и проч.— все это было чисто-китайское. Еще въ бытность дунганъ въ Китаѣ, они пользовались предметами, которые сдѣланы были руками ненавистныхъ имъ китайцевъ. И по переходѣ своемъ въ Россію, дунгане въ домашнемъ своемъ обиходѣ продолжаютъ пользоваться тѣми же самыми предметами. Указываю на это обстоятельство потому, что дунгане—ревностные мусульмане-фанатики и, какъ извѣстно, страшно ненавидятъ китайцевъ, но не брезгаютъ нисколько пользоваться китайскими вещами.

Дунгане, какъ-то намъ приходилось видѣть неразъ, даже ради такого важнаго событія, какъ свадьба, никогда не измѣняютъ обстановки и вида своихъ жилищъ: все въ нихъ остается по-прежнему, какъ и въ обыкновенный день. Въ комнатахъ также преспокойно въ одномъ углу лежитъ кукуруза, какъ она лежала ранѣе и до этого, въ другомъ углу стоитъ въ калахъ пшеница, рядомъ съ нею находятся лопаты, текмени и другія орудія неза-

мысловатаго дунганскаго хозяйства. Въ комнатѣ, отведенной для молодыхъ, такъ же не дѣлается никакихъ перемѣнъ къ лучшему, если не считать того, что уберутъ съ кана старыя одѣяла и кошмы и замѣнятъ ихъ новыми, вотъ и всѣ перемѣны, которыя дѣлаются внутри, въ томъ числѣ и въ комнатѣ, предназначенной для молодыхъ. Для такого выходящаго изъ ряда событія дунгане не считаютъ также нужнымъ измѣнять и наружный видъ своихъ саклей, послѣднія и въ этотъ день остаются одинаково сѣрыми и угрюмыми, какъ и самыя ихъ владѣльцы, къ побѣлкѣ своихъ домовъ они никогда и ни въ какихъ случаяхъ не прибѣгаютъ, да это имъ совершенно и не извѣстно. Во дворѣ, въ сараяхъ (въ послѣднихъ нерѣдко помѣщается часть гостей, въ томъ числѣ солидные и важные муллы и ахуны) такъ же ничего не убирается, а напротивъ, все въ нихъ остается въ прежнемъ порядкѣ, и по наружному виду двора или дома нельзя заключить, что здѣсь сегодня будетъ происходить важное семейное торжество, если не считать того, что часть двора еще наканунѣ отгораживается чѣмъ или цыновками, гдѣ будутъ обѣдать приглашенные гости. Правда, въ нѣкоторыхъ домахъ въ день свадьбы, съ ранняго утра можно видѣть высокоперетянутыя и притомъ черезъ весь дворъ (это бываетъ только въ домѣ жениха) веревки, на которыхъ хозяева, въ знакъ радости, довольства, развѣшиваютъ куски яркой матеріи, по преимуществу красной (главнымъ образомъ, излюбленный дунганами нашъ кумачъ или французъ, какъ они его называютъ; названіе это позаимствовано ими отъ русскихъ), а также куски бумажной матеріи синяго цвѣта, — послѣдній цвѣтъ также пользуется у дунганъ широкимъ вниманіемъ и поэтому онъ у нихъ въ большемъ ходу. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ можно видѣть красующимися на тѣхъ же веревкахъ развѣшанные различные костюмы, какъ-то: халаты, штаны и кофты краснаго или синяго цвѣта, большіе и малые башмаки, вышитыя разноцвѣтнымъ шелкомъ и т. п. Но подобную картину можно встрѣтить, какъ я замѣтилъ, не въ каждомъ случаѣ. Обыкновенно же многочисленная толпа ребятишекъ, еще задолго до того времени, когда начнутъ сѣзжаться гости, наполняетъ дворы жениха и невѣсты въ ожиданіи предстоящаго угощенія. Одѣты они нѣсколько лучше и чище, нежели въ остальные дни. Такъ какъ свадьбы происходятъ большею частью осенью и зимою, то на всѣхъ дѣтяхъ можно

видѣть ватныя кофты и такіе же штаны, на ногахъ ихъ — башмаки, обтянутые чернымъ плюсомъ и вышитые бѣлымъ шелкомъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ подошвами башмаковъ привязаны тонкими веревочками вокругъ ногъ деревянныя дощечки, во всю ширину которыхъ снизу въ двухъ мѣстахъ (спереди и сзади) прибиты небольшія вертикально поставленныя перегородки, это дѣлается для того, чтобы сберечь свою щегольскую и нарядную обувь. Такія своеобразныя и безспорно дешевыя калоши употребляются только въ грязную и ненастную погоду, но чтобы ходить въ нихъ было удобно, этого сказать нельзя. На головахъ у всѣхъ дѣтей расшитыя разноцвѣтнымъ яркимъ шелкомъ новыя шапочки, которыми они и щеголяютъ другъ передъ другомъ. Присутствіе множества нарядныхъ дѣтей—это, пожалуй, будетъ одна изъ тѣхъ примѣтъ, по которой каждый дунганинъ, помимо всякихъ сообщеній или приглашеній, безошибочно заключаетъ, что въ такомъ домѣ въ этотъ день имѣетъ происходить какъ-либо важное семейное празднество. Беззаботно и весело предаются дѣти своимъ незамысловатымъ играмъ, а еще болѣе они счастливы потому, что на сегодняшній день избавились отъ скучнаго и монотоннаго ученія, что хотя въ этотъ день крѣпкая палка съ широкимъ основаніемъ (на подобіе нашей лопаты, только въ меньшемъ видѣ), которою вооруженъ ихъ суровый учитель-мулла, не будетъ гулять по ихъ спинамъ и ладонямъ. Радостное настроеніе дѣтей, ихъ веселый говоръ и смѣхъ, пестрые и яркіе ихъ костюмы рѣзко выдѣляются на сѣромъ, желтомъ фонѣ всей остальной домашней обстановки дунганскихъ жилищъ. Въ толгѣ этихъ ребятишекъ нерѣдко находятся и взрослые парни, между которыми часто можно встрѣтить и жениха, спокойно играющаго съ ними, особенно если онъ молодой. При видѣ его, беззаботно веселящагося со своими сверстниками, никому изъ постороннихъ и въ голову не придетъ, что здѣсь находится женихъ, герой дня, но среди всѣхъ остальныхъ онъ выдѣляется болѣе лучшимъ, а главное нѣсколько особеннымъ нарядомъ, о чемъ скажу послѣ.

Для за два-за три до свадьбы родственники, друзья и знакомые несутъ жениху и невѣстѣ подарки, каждый изъ нихъ несетъ своей родственной или знакомой сторонѣ, если же кто знакомъ одинаково хорошо съ обѣими сторонами, находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ той и другой, или же приходится род-

ственникомъ обѣимъ, то таковыя обязательно дѣлають подарки жениху и невѣстѣ. Подарки эти состоятъ въ слѣдующемъ: одинъ дарить хорошій халатъ, другой несетъ башмаки (хай) или ичиги съ калошами, иной — вышитую шапку или же дарить отъ пяти, десяти копеекъ до двадцати рублей и большіе деньгами, болѣе же бѣдные несутъ пять — шесть фунтовъ сухихъ фруктовъ (изюмъ, урюкъ, фисташки, орѣхи и т. п.) или же двѣ-четыре связки сухой лапши (гуань-мянь) или отъ пяти до десяти фунтовъ сырого мяса, но большинство отдѣляется четырьмя-пятью аршинами красной бумажной матеріи по преимуществу кумачомъ или французомъ; болѣе состоятельные дарятъ шелковыя матеріи разныхъ цвѣтовъ, но, главнымъ образомъ, преобладають красный и синій цвѣта, однимъ словомъ — каждый дарить по своему состоянію и по своимъ средствамъ, а также въ зависимости отъ степени родства и тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится даящій съ родителями жениха и невѣсты. Подарки эти, какова бы ни была ихъ цѣнность, обыкновенно несутъ на подносахъ. Подарки принимаетъ самъ хозяинъ дома, который каждому принесшему подарокъ кладетъ, въ свою очередь, на поднось нѣсколько сладкихъ хлѣбцевъ и горсти двѣ-три сушеныхъ фруктовъ. Поднось этотъ съ сладкими хлѣбцами и сушеными фруктами, которыми хозяинъ отдариваетъ своихъ гостей, называется хуй-пань, т.-е. возвратный поднось. Имена дарившихъ и то, что ими подарено, записывается аккуратно на красной бумагѣ, кѣмъ-либо изъ близкихъ родственниковъ или знакомыхъ жениха и невѣсты, и списокъ этотъ послѣ передается жениху для проверки. Списокъ этотъ называется ли-дань, т.-е. реестръ подарковъ. Такъ объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуетъ В. Ф. Ладыгинъ, прекрасный знатокъ быта китайцевъ и, въ частности, дунганъ; мнѣ лично этого обычая не пришлось видѣть. Я же видѣлъ слѣдующій порядокъ: каждый приглашенный на свадьбу гость, будетъ то родственникъ или знакомый, обязательно несетъ какой-нибудь подарокъ въ самый день свадьбы, каковой держитъ не на поднось, а прямо въ рукахъ, и таковой съ вѣжливымъ поклономъ вручаетъ хозяину, который, принявъ подарокъ, отвѣчаетъ такимъ же поклономъ съ выраженіемъ благодарности и еще разъ приглашаетъ гостя на свадьбу, послѣ чего принесшій проходитъ во дворъ и смѣшивается съ толпою ранѣе пришедшихъ гостей. Долженъ сказать, что въ

большинствѣ случаевъ хозяинъ встрѣчаетъ гостей у воротъ своего дома, но иногда и внутри двора близъ дверей дома. Насколько мнѣ приходилось видѣть, подарки дѣлаются вообще недорогіе, они не поражаютъ количествомъ своимъ и не отличаются особенною цѣнностью, такъ какъ дунгане — народъ расчетливый, крайне бережливый и довольно скупой. Подарки тѣ же, которые мы привели выше, но, главнымъ образомъ, отдѣлываются нашимъ недорогимъ кумачомъ или «французомъ», котораго въ иную свадьбу надариваютъ отъ ста до двухъ сотъ арш. и болѣе. Иные дарятъ и деньгами, но въ такомъ случаѣ ограничиваются по большей части однимъ рублемъ, рѣдко кто изъ болѣе зажиточныхъ даетъ два-три рубля. Подарки точно такъ же записываются на красной бумагѣ; записывающій сидитъ рядомъ съ хозяиномъ у воротъ дома. Все принесенное хозяева складываютъ въ одно мѣсто — въ сундучокъ или просто въ ящикъ, а за неимѣніемъ того и другого, кладется въ уголь.

Обыкновенно въ 9—10 часовъ утра начинаютъ собираться гости какъ въ домъ жениха, такъ и въ домъ невесты. Въ такое время можно встрѣтить, что мужчины, женщины и десяти-двѣнадцатилѣтнія (и большаго возраста) дѣвушки идутъ вмѣстѣ, при чемъ женщины и дѣвушки идутъ съ открытыми лицами. Одежда взрослыхъ мужчинъ и на этотъ разъ мало чѣмъ отличается отъ будничной, большинство мужчинъ прямо идетъ отъ работы: кто въ чемъ былъ, такъ и идетъ на свадьбу, но зато прекрасная ихъ половина вполне пользуется настоящимъ случаемъ, чтобы нарядиться во все лучшее и блеснуть передъ многочисленнымъ собраніемъ своими дорогими украшеніями и нарядами и тѣмъ представить себя въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, а особенно своихъ подрастающихъ дочерей. Замужнія молодыя дунганки тщательно убираютъ и украшаютъ свою голову, начиная съ прически, которую онѣ дѣлаютъ въ чисто-китайскомъ вкусѣ. Прическа эта бываетъ довольно фигурная и сзади имѣетъ видъ пѣтушинаго гребешка. На головѣ у нихъ цѣлый садъ красиво и изящно сдѣланныхъ искусственныхъ цвѣтовъ, среди которыхъ виднѣются серебряныя и золотыя украшенія своеобразной формы, въ ушахъ длинныя также золотыя или серебряныя серьги, нерѣдко доходящія почти до плечъ. Всѣ эти украшенія дѣлаются самими дунганями, но стьяль ихъ чисто-китайскій. Толстымъ слоємъ, по

обыкновенію, лежатъ бѣлила, румяна на лицѣ, ушахъ и шеѣ, на послѣдней одинаково какъ сзади, такъ и спереди. Верхняя одежда ихъ состоитъ изъ кофты (покрой китайской курмы) съ широкими рукавами и доходящей до талии или немного ниже, въ болѣе же холодное время кофту замѣняетъ длинный халатъ, также чисто-китайскаго покроя. Края рукавовъ, какъ кофты, такъ и халата, обыкновенно бываютъ обшиты шелковой тесьмой, этой же тесьмой вышить весь воротникъ (послѣдній обыкновенно дѣлается невысокій), подолъ и обѣ полы вдоль всего края отъ верху и до низу. Штаны у молодыхъ замужнихъ женщинъ изъ бумажной или шелковой матеріи по преимуществу краснаго цвѣта, у женщинъ же болѣе зрѣлаго возраста изъ синяго, голубого или сѣро-вато-чернаго цвѣта. Яркіе, нерѣдко красные башмаки, изъ бумажной матеріи или же изъ плиса, вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ. На груди зеркальце и приборъ, содержащій зубочистку, копушку и проч. Старухи-дунганки не бѣлятся и не румянятся; покрой платья ихъ тотъ же самый, что и прочихъ женщинъ, но онъ весь состоитъ изъ однообразнаго синяго или чернаго цвѣта, на головѣ нѣтъ никакихъ украшеній, а голову покрываютъ чернымъ или бѣлымъ небольшимъ бумажнымъ платкомъ, которому придаютъ форму косынки. Взрослыя дѣвушки, подрастающія невѣсты дѣлаютъ на головѣ сбоку одинъ только проборъ, волосы заплетаютъ въ одну косу, надъ лбомъ и надъ висками идетъ полукругомъ одинъ рядъ яркихъ цвѣтовъ, а у иныхъ цвѣты расположены въ два-три ряда: послѣднее считается щегольствомъ. У дѣвочекъ младшаго возраста нерѣдко приходится видѣть, что отъ впереди-лежащаго цвѣтка, расположеннаго вокругъ лба, висятъ, спускаясь, три-четыре отростка, изъ коихъ средній идетъ по самой срединѣ лба и доходитъ до переносицы, а боковые отростки цвѣтка лежатъ на вискахъ. Если бываетъ больше отростковъ, то таковые спускаются и на самые глаза. Въ ушахъ также золотыя или серебряныя серьги. Яркаго цвѣта кофты и по большей части узкіе, красные штаны, галоши которыхъ подобраны и завязаны на нѣсколько сантиметровъ выше лодыжекъ, и красные же шелковые маленькіе башмачки составляютъ весь нарядъ молодой дунганской взрослой дѣвушки.

Прибывшія женщины и дѣвушки проходятъ на женскую половину въ отдѣльное помещеніе, гдѣ онѣ по большей части и уса-

живаются на канѣ, поджавши подъ себя ноги. Хозяйка угощаетъ ихъ чаемъ, фисташками, простыми и миндальными орѣхами, дешевыми конфетами, маленькіе кусочки нашего сахара, нерѣдко грязные и пыльные, также входятъ въ составъ этого десерта. На свадьбѣ свободно участвуютъ дѣти обоюго пола и всякаго возраста. Такова въ общихъ чертахъ картина начала свадьбы, одинаковая какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты. А теперь пойдемъ въ домъ послѣдней и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Еще наканунѣ дня свадьбы, взрослые дѣвушки, дочери родственниковъ и хорошихъ знакомыхъ, собираются къ невѣстѣ и усаживаются вмѣстѣ съ ней въ отдѣльной комнатѣ на канѣ. Возлѣ невѣсты съ утра этого дня неотлучно сидитъ солидная и почтенная старуха, приставленная отъ родителей ея. Старуха эта на другой день должна сопровождать невѣсту въ домъ жениха, почему и называется шу-цинъ-ди-лао-по-цзы, т.-е. провожатая старуха. Собравшіяся подруги въ послѣдній разъ забавляютъ и развлекаютъ невѣсту разказами и разными шутками, каждая изъ подругъ старается быть находчивой и изобрѣтательной, чтобы невѣстѣ было нескучно, но еще болѣе усердно онѣ ѣдятъ и пьютъ, такъ какъ ихъ хорошо угощаютъ. Нерѣдко во время этихъ развлеченій своими подругами невѣста и всплакнетъ, но больше и чаще плачутъ ея отецъ и мать. Это посѣщеніе невѣсты подругами, означающее проводы и прощанье съ нею ея подругъ, у дунганъ называется цзо-канъ, т.-е. сидѣнье на канѣ.

Въ этотъ же день, въ полдень, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ отъ родителей жениха старуха съ большимъ краснымъ платкомъ, въ которомъ завязаны орѣхи, и съ женскимъ верхнимъ платьемъ (данъ-горъ). Платье это называется нинъ-и, т.-е. разлучающее съ роднымъ домомъ, съ родителями, платье. Еще при входѣ старухи во дворъ, какъ только ее завидятъ, родители невѣсты и ихъ родные, какіе въ это время случаются, и сама невѣста начинаютъ плакать, особенно сильно и долго плачутъ мать и невѣста, отецъ же въ это время находится по большей части во дворѣ, и хотя также много плачетъ, но продолжаетъ дѣлать распоряженія относительно приготовленій къ завтрашнему дню. Присланная отъ жениха старуха, войдя въ комнату, гдѣ находится невѣста, бросаетъ изъ платка привезенные орѣхи на дѣ-

вусекъ, послѣднія, кидаясь другъ черезъ друга, подбирають орѣхи, и каждая старается захватить себѣ больше, а если какой покажется, что на ея долю досталось мало орѣховъ, то отнимаетъ у другой, чѣмъ дѣвицы производятъ порядочный шумъ, суматоху и совсѣмъ въ это время позабываютъ о своей подругъ-невѣстѣ. Старуха, во время этой суматохи, съ легкой усмѣшкой и торжествующимъ видомъ, завязывая, закрываетъ голову и лицо невѣсты краснымъ платкомъ, что означаетъ, что съ этой минуты она, невѣста, уже не дѣвушка, а женщина. Сдѣлавъ это, старуха обращается къ подругамъ невѣсты, подсмѣивается и подтруниваетъ надъ ними, говоря, съ упрекомъ, какъ это онѣ такъ легко проглядѣли, просидѣли свою подругу, несмотря на то, что ихъ много, но тѣ, не обращая на это вниманія, пристають къ старухѣ, тормозятъ ее и просятъ еще орѣховъ; старуха отвѣчаетъ, что въ скоромъ времени она привезетъ еще больше орѣховъ, а также постарается тогда захватить и другихъ сластей, но только чтобы онѣ на будущее время лучше берегли своихъ подругъ, а то если будутъ такъ плохо беречь, то скоро во всей деревнѣ не останется ни одной дѣвушки, всѣ онѣ скоро выйдутъ замужъ и ей некому будетъ больше возить орѣховъ. Дѣвушки хохочутъ и говорятъ, что если такъ, то имъ ничего не нужно, и пусть она убирается подальше. Перекинувшись еще нѣсколькими веселыми словами и шутками, старуха уходитъ къ матери невѣсты, гдѣ ей оказываютъ полный почетъ и вниманіе и усердно угощаютъ. Старуха эта называется да-гай-ту-ди или шан-ту-ди, т.-е. покрывающая голову невѣсты. По уходѣ этой старухи, провожатая старуха, т.-е. шу-цинъ-ди-лао-по-цзы, та самая, которая приставлена къ невѣстѣ ея родителями, вмѣстѣ съ находящимися здѣсь дѣвушками снимаетъ съ головы невѣсты красный платокъ, расплетаетъ ея дѣвичью косу, и общими силами всѣ вмѣстѣ дѣлають ей женскую прическу, послѣ чего одѣвають въ платье замужней женщины, въ то самое платье, которое привезла изъ дома жениха старуха шанъ-ту-ди или да-гай-ту-ди. Невѣста во время этого одѣванья плачетъ, плачутъ вмѣстѣ съ нею и нѣкоторыя болѣе близкія ея подруги, а другія стараются утѣшать невѣсту. Подруги эти остаются весь этотъ день съ невѣстой, ихъ угощаютъ обѣдомъ, чаемъ и разными дешевыми сладостями, нѣкоторыя изъ нихъ остаются ночевать вмѣстѣ съ невѣстой.

Въ день свадьбы, рано утромъ, невѣсту убираетъ одна изъ родственницъ, особенно тщательно и долго она причесываетъ ея голову, причесываетъ такъ же, какъ и замужнюю женщину; общими силами этой родственницы и подругъ невѣстѣ умываютъ лицо, шею и руки, послѣ чего усердно ее бѣлятъ бѣлилами, послѣднихъ, конечно, нѣсколько не жалѣютъ, послѣ чего невѣсту одѣваютъ во все новое, самое дорогое и лучшее платье, приготовленное ея родителями; одѣваютъ такъ же, какъ и замужнюю женщину, и затѣмъ голову убираютъ цвѣтами, конечно, искусственными, надѣваютъ серебряныя украшенія или золотыя, если таковыя имѣются, на каждую руку по браслету, въ уши вдѣваютъ серьги. Такимъ образомъ, убранная и тщательно одѣтая, невѣста садится на канъ, лицомъ повернувшись въ уголькъ западной сторонѣ, лицо ея остается открытымъ, возлѣ нея неотлучно сидитъ ея провожатая старуха, шу-цинъ-ди-лао-по-цзы, — и нѣсколько болѣе близкихъ подругъ. Комната эта постепенно наполняется прибывающими женщинами и дѣвушками. Чѣмъ больше вокругъ невѣсты женщинъ и дѣвушекъ, тѣмъ для нея лучше, — значить, невѣста пользуется большимъ уваженіемъ, которое она, будучи дѣвушкой, заслужила, а такъ же и ея родителямъ. Вслѣдствіе присутствія многихъ гостей въ комнатѣ невѣсты господствуетъ полное оживленіе, но сама она не принимаетъ ровно никакого участія во всемъ происходящемъ вокругъ нея, она сидитъ молча и неподвижно и, какъ статуя, безучастно смотритъ въ уголь комнаты, иногда только вполголоса отвѣтитъ на какой-либо вопросъ, изрѣдка къ ней обращенный. Сидитъ она такъ неподвижно, что въ теченіе долгаго времени никуда не повернетъ головы и сама не шелохнется; въ эту минуту, глядя на нее, невольно приходитъ на мысль, что передъ нами не живой человѣкъ, а какой-нибудь истуканъ, и впечатлѣніе это еще тѣмъ болѣе усугубляется, что сама невѣста, въ данную минуту, усердно набѣленная, наармяненная и наряженная въ своеобразный костюмъ, напоминаетъ собою настоящую куклу. Когда невѣста будетъ совсѣмъ одѣта и убрана, объ этомъ даютъ знать въ домъ жениха, откуда, спустя немного, пріѣзжаетъ старуха, которая также называется шанъ-ту-ди или да-гай-ту-ди, т. е. покрывающая платкомъ голову, но уже не та старуха, которая была наканунѣ, а другая, она также покры-

ваетъ голову невѣсты платкомъ, но дѣлаетъ это въ день свадьбы, когда невѣста будетъ уже совѣмъ одѣта... Дворъ жениха и невѣсты постепенно наполняется прибывающими гостями.

Если невѣста въ послѣдніе дни, а особенно наканунѣ и въ день свадьбы, составляетъ предметъ особыхъ заботъ и вниманія, то нельзя того же сказать про жениха: на него мало или почти совѣмъ не обращается вниманія, въ средѣ гостей онъ почти не показывается, а сидитъ гдѣ-нибудь въ отдѣльной саклѣ или на заднемъ дворѣ со своими товарищами, которые безъ всякаго стѣсненія и излишней церемоніи то-и-дѣло надъ нимъ подсмѣиваются и подтруниваютъ—кто ущипнетъ его, а кто подъ видомъ особой дружбы заѣдетъ, и притомъ довольно чувствительно, кулакомъ въ спину, женихъ, не стѣсняясь, отвѣчаетъ тѣмъ же, дѣло между ними иногда доходитъ до порядочной свалки, въ которой жениху приходится получить немало чувствительныхъ дружескихъ ударовъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день онъ мало находитъ защитниковъ и сторонниковъ между своими же товарищами, наоборотъ, каждый изъ нихъ на прощанье старается оставить по себѣ память болѣе или менѣе значительными пинками или ударами. Иной разъ жениху было бы совѣмъ плохо, если бы на выручку его, услышавъ большой шумъ и крикъ, не являлись на помощь взрослые, которые своимъ вмѣшательствомъ и прекращаютъ ссору, начинавшую принимать довольно серьезный характеръ. Такія сцены обыкновенно происходятъ за домомъ или на заднемъ дворѣ, чтобы не видѣли взрослые. Дунгане народъ вспыльчивый и легко раздражающійся, почему нерѣдко случается, что, начавъ играми и шутками, они быстро переходятъ къ ссорамъ и серьезнымъ перебранкамъ, которыя и оканчиваются зачастую порядочнымъ а то и совѣмъ изряднымъ побоищемъ. Нерѣдко добрую половину утра женихъ проводитъ за обыкновенной работой по хозяйству, какъ-то: убираетъ скотину, даетъ кормъ лошадямъ и проч., но больше проводитъ время со своими товарищами въ играхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и взрослые; козломъ отпущенія на этихъ играхъ служитъ, между прочимъ, ишакъ,—къ шеѣ котораго привязываютъ большую тыкву и убираютъ его разными цвѣтными тряпками и, такимъ образомъ, на немъ разѣзжаются по двору.

Въ день свадьбы женихъ одѣвается въ чистую, по возможности,

новую одежду однообразнаго цвѣта, преимущественно сѣняго или голубого (это излюбленные цвѣта у дунганъ-мужчинъ). Верхняя одежда его состоитъ изъ кофты, закрывающей все туловище, или халата, подпоясаннаго шелковымъ поясомъ, и штановъ, въ зимнее время весь костюмъ обыкновенно бываетъ теплый, т.-е. стеганый на ватѣ, на ногахъ новые башмаки съ узорами, вышитыми бѣлымъ шелкомъ, галоши штановъ у ступни аккуратно завязаны тесемками, на ногахъ виднѣются новые чулки, сшитые изъ толстой бумажной матеріи бѣлаго цвѣта, шовъ которыхъ всегда проходитъ спереди посерединѣ тыла стопы. На головѣ новая шапочка или тебитейка, вышитая разноцвѣтнымъ шелкомъ. Черезъ плечи перекинута красная перевязь — хунъ-ди, т.-е. красный. Перевязь эта, означающая символъ радости, торжества, дѣлается слѣдующимъ образомъ: красная лента шириною въ три-четыре пальца перекинута черезъ правое плечо, одна половина этой ленты идетъ спереди туловища, а другая сзади его и завязывается бантомъ приблизительно на уровнѣ лѣваго тазобедреннаго сочлененія, другая такая же лента перекидывается черезъ лѣвое плечо, одинъ конецъ которой идетъ также спереди туловища, а другой сзади и дѣлается такъ же бантъ на уровнѣ праваго тазобедреннаго сустава, т.-е. какъ разъ противу предыдущаго. Концы перевязи, идущіе отъ бантовъ, спускаются съ той и другой стороны немного ниже колѣнъ. На туловищѣ какъ спереди, такъ и сзади ленты перекрещиваются. Перевязь эта составляетъ неизбѣжную и неизмѣнную принадлежность и украшеніе каждаго жениха. Если женихъ слишкомъ молодъ, то кто-нибудь изъ его родственниковъ или знакомыхъ обучаетъ въ это время его извѣстному церемониальному поклону, который онъ обязанъ будетъ сдѣлать послѣ обряда вѣнчанія всѣмъ мулламъ и собравшимся гостямъ. Шной женихъ учится дѣлать этотъ поклонъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Во дворѣ жениха стоитъ приготовленная телѣга для невѣсты, телѣга эта на короткомъ ходу обыкновенно тюменской работы. Для такого случая телѣга эта всегда готовится съ крытымъ верхомъ. На дно телѣги кладется одна или двѣ и больше бѣлыя кошмы, простыя и раскрашенныя, это смотря по достатку. Верхъ кибитки покрывается чистою бѣлою или разрисованною

мошмою—это у бѣдныхъ, богатые же убираютъ эту телѣгу довольно роскошно, верхъ ея они покрываютъ яркой шелковой матеріей по большей части краснаго цвѣта. Дуга и лошади обыкновенно убираются въ обилии красными лентами. Верховыя лошади, предназначенныя для жениха и его провожаго—пэй-ню-сю, и сѣдла щедро перевязываются лентами такого же цвѣта.

Около одиннадцати-двѣнадцати часовъ гости, собравшіеся въ домъ жениха, всѣ почти отправляются въ домъ невесты, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родственниковъ и друзей жениха, которые ѣдутъ вмѣстѣ съ послѣднимъ спустя нѣкоторое время.

Когда изъ дома невесты дадутъ знать, что всѣ гости уже собрались, изъ дома жениха отправляется приготовленная для невесты разукрашенная телѣга, въ которой ѣдетъ старуха, а съ нею еще три или четыре молодыя женщины, по большей части родственницы или же близкіе знакомые жениха. Женщины эти заблаговременно приглашаются и притомъ такія, которыя для такого важнаго случая могутъ блеснуть передъ прочими болѣе роскошнымъ нарядомъ, обиліемъ цвѣтовъ и серебряныхъ или золотыхъ украшеній на головѣ, а также щеголяющія своими наплечниками (пэй-цзянь). Наплечники эти состоятъ изъ тонкихъ кованныхъ пластинокъ шириною въ два-три пальца и сдѣланы изъ серебра или золота, въ находящіяся между ними промежутки вставлены разноцвѣтныя стекла. Пластинки эти обыкновенно нашиваются лучеобразно на шелковый цвѣтной матеріи и укрѣпляются на плечахъ. Богато одѣтыя женщины выбираются для большей представительности, старуха же, находящаяся вмѣстѣ съ ними, будетъ сопровождать невесту въ домъ будущаго ея мужа вмѣстѣ съ провожатой старухой, приставленной къ невестѣ ея родителями еще наканунѣ дня свадьбы и все время находящейся при ней безотлучно. Вслѣдъ за этой телѣгой ѣдутъ остальные родственницы и знакомыя женщины и дѣти со стороны жениха; въ случаѣ если богатая свадьба—то поѣздъ этотъ состоитъ изъ десяти-двадцати телѣгъ, если бѣдная—то не менѣе двухъ-трехъ.

Пріѣхавшія отъ жениха за молодой женщины (цюй-цинъ-ди, т. е. отправляющіяся за молодой, за родственницей) прямо проходятъ въ

комнату, гдѣ сидитъ невѣста, у двухъ изъ нихъ въ рукахъ по узлу, одна съ маленькимъ, а другая съ большимъ узломъ. Та женщина, которая держитъ маленькій узелъ, по большей части старуха, быстро всходитъ на канъ, развязываетъ его надъ головой невѣсты, и обсыпаетъ ее орѣхами, урюкомъ въ знакъ того, чтобы молодая была плодovitа и жила бы замужемъ въ довольствѣ и достаткѣ,—и платкомъ этимъ сейчасъ же закрываетъ лицо невѣсты. Орѣхи же и урюкъ немедленно подбираютъ находящіяся здѣсь женщины и дѣвицы и поѣдаютъ.

Лишь только поѣздъ этотъ приближается къ дому невѣсты, какъ ея родители и она сама начинаютъ плакать. Плачъ этотъ усиливается, лишь только пріѣхавшія женщины вошли въ комнату невѣсты; особенно горько и громко плачутъ невѣста и мать, послѣдняя не отходитъ отъ дочери; находящіяся здѣсь родственницы ихъ также плачутъ. Плачутъ съ громкимъ и рѣзкимъ гортаннымъ причитываніемъ. Пріѣхавшія за невѣстой родственницы жениха утѣшаютъ плачущихъ и убѣждаютъ ихъ долго и горячо, при чемъ и сами при этомъ случаѣ немного всплакнутъ, но съвозъ слезы пускаютъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы успокоить родныхъ невѣсты и, насколько хватаетъ ихъ силъ и умѣнья, выражаютъ имъ свое участіе и соболѣзнованіе по поводу предстоящей разлуки ихъ съ дочерью, при чемъ берутъ ихъ за руки, жмутъ ихъ, кладутъ свои руки на плечи плачущихъ или же прикладываютъ ихъ руки къ своему сердцу въ знакъ того, что онѣ глубоко чувствуютъ и понимаютъ всю тяжесть настоящей разлуки и также одинаково горячо раздѣляютъ переживаемую ими минуту, какъ бы и сами онѣ испытывали и переживали при разставаніи съ своею собственною дочерью, но въ то же время просятъ ихъ такъ сильно не убиваться и не печалиться, такъ какъ дочь ихъ будетъ жить хорошо и спокойно въ новомъ семействѣ: свекровь и свекруха люди добрые и никогда не будутъ обижать свою невѣстку, а, напротивъ, будутъ ее всячески жалѣть, любить и учить ее всему доброму и хорошему, да и женихъ такой же прекрасный и добрый человѣкъ, который будетъ свою жену любить и т. д. и т. д. Отецъ невѣсты находится обыкновенно на дворѣ, онъ плачетъ, стоя гдѣ-нибудь въ углу, братья невѣсты; если таковые есть, также не отступаютъ отъ своихъ родителей и плачутъ не менѣе ихъ горько.

Утѣшивъ, насколько возможно, родныхъ невѣсты, та женщина, которая только-что обсыпала ее, развязываетъ платокъ съ ея лица, затѣмъ снимаетъ съ головы ея всѣ украшенія и цвѣты, разбираетъ всю прежнюю ея прическу, для чего осторожно развязываетъ шнурки, и выбираетъ всѣ шпильки и проволоки, которыми были укрѣплены волосы невѣсты, и сама вновь причесывается невѣсту. Причесываетъ долго и старательно, приглаживая и подбирая волосъ къ волосу, если же таковыя выказываютъ нѣкоторое упорство и не хотятъ прямо и ровно ложиться, какъ того желаетъ причесывающая, то она безъ всякой церемоніи, какъ связующее средство, пускаетъ въ ходъ свои слюни, которыми обильно смачиваетъ волосы невѣсты. Наконецъ, окончилась длинная процедура причесыванія и убиранія головы невѣсты, лицо ея вновь умыли, щедро нарумянили, набѣлили, надѣли на голову всѣ цвѣты и украшенія, и та же самая женщина вновь завязала лицо ея платкомъ. Такъ какъ невѣстѣ приходится довольно продолжительное время сидѣть завязанною, то въ такихъ случаяхъ употребляется обыкновенно легкій платокъ. Перестаютъ и плакать. Приѣхавшихъ за невѣстой цюй-цинь-ди угощаютъ чаемъ, домашними печеніями и разными сластями, однимъ словомъ, имъ оказываютъ самое полное вниманіе, на какое только способны дунганки; въ ухаживаніи за ними принимаютъ участіе всѣ находящіяся здѣсь родственницы невѣсты.

Вскорѣ послѣ этого приѣзжаетъ и женихъ. Онъ ѣдетъ въ сопровожденіи своего пэй-ню-сю, т.-е. провожатаго, окруженный своими товарищами-сверстниками. Всѣ они ѣдутъ верхами. Болѣе пожилые родственники и знакомые жениха ѣдутъ въ телѣгахъ. Лошади и сѣдла жениха и его провожатаго, какъ было сказано выше, убраны разноцвѣтными лентами, и женихъ одѣтъ во все новое, и на немъ красная перевязь. Женихъ со своимъ провожатымъ, приѣхавши въ домъ невѣсты, дѣлаетъ роднымъ и знакомымъ ея поклонъ (своего будущаго тестя онъ еще не видитъ), послѣ чего ихъ проводятъ въ отдѣльную комнату, и здѣсь сидятъ они до тѣхъ поръ, пока муллы не прочтутъ установленныхъ молитвъ изъ корана. Въ иныхъ случаяхъ бываетъ и такъ: женихъ, подѣхавъ къ воротамъ дома невѣсты, останавливается и посылаетъ ей визитную карточку, прося разрѣшенія или позволенія войти въ домъ, самъ же дожидается у воротъ до тѣхъ

поръ, пока братъ или ближайшій родственникъ невесты не принесетъ согласія послѣдней, послѣ чего женихъ уже и въѣзжаетъ во дворъ.

Къ пріѣзду жениха собрались также почти все мурлы и ахуны, которыхъ въ особенности для такого важнаго случая приглашается не менѣе двадцати-тридцати человекъ; если же свадьба богатая, то приглашается и больше этого числа. При входѣ они обыкновенно говорятъ привѣтствіе (салямъ), все присутствующіе ихъ встрѣчаютъ стоя, о чемъ подробно было говорено въ предыдущей главѣ. Какъ только пришелъ главный мурла или ахунъ, поспѣшно разставляются столики, еще поспѣшнѣе ученики мурлы и ахуновъ раскладываютъ коранъ, каждому мурлѣ дается по небольшой его части. Передъ главнымъ мурлой ставится на столикѣ небольшая чайная или деревянная чашка, обыкновенно китайскаго издѣлія, наполненная пшеницей, въ эту чашку втыкаютъ семь свѣчей или правильнѣе семь очень тоненькихъ палочекъ, обернутыхъ зеленой бумагой. Свѣчки эти приготовляются исключительно китайцами, и каракунзскіе дунгане достаютъ ихъ изъ Кульджи или изъ Кашгара. Эти свѣчки зажигаютъ передъ началомъ чтенія корана, свѣчки эти не горятъ, а тлѣютъ; подобно нашимъ извѣстнымъ курительнымъ свѣчамъ или монашкамъ, тлѣя, онѣ издаютъ особый специфическій и притомъ весьма слабый запахъ, но довольно пріятный. Употребляются эти свѣчки при каждомъ чтеніи корана, по какому бы случаю таковое ни происходило. Зажегши эти свѣчки, начинаютъ читать коранъ. Характеръ чтенія корана также не мѣняется, по какому бы случаю это чтеніе ни происходило, это все равно: читаютъ обыкновенно все вдругъ, читаютъ громко и скоро, точно каждый изъ нихъ старается перегнать одинъ другого. Одинъ изъ родственниковъ жениха тутъ же, вблизи мурлы, нисколько не стѣсняясь, что происходитъ чтеніе священныхъ молитвъ, серьезно занятъ раскладкою денегъ для уплаты мурламъ и ахунамъ за ихъ трудъ. Вознагражденіе обыкновенно дается самое скромное: самому старшему, наиболѣе почтенному и уважаемому мурлѣ дается отъ двадцати коп. и до одного рубля, рѣдко когда больше, а всемъ остальнымъ отъ пяти и до семи или десяти копеекъ. Какъ бы ни была мала и скромна плата, но обязательно предназначенный каждому мурлѣ гонораръ завертывается въ бумажку

бѣлаго или краснаго цвѣта, того требуетъ приличіе. Приготовивъ плату и разложивъ свертки на поднось въ извѣстномъ порядкѣ, завѣдующій этимъ дѣломъ сейчасъ же, нисколько не медля, преподноситъ ихъ еще во время чтенія корана, но обычный порядокъ отъ этого нисколько не нарушается,—каждый мулла беретъ предназначенный ему свертокъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, преспокойно продолжаетъ читать свою часть корана дальше. Остальная, находящаяся здѣсь многочисленная, публика слушаетъ чтеніе корана или показываетъ только видъ, что слушаетъ, такъ какъ изъ такого одновременнаго чтенія нѣсколькими десятками голосовъ, притѣмъ чтенія громкаго и рѣзкаго, едва ли можно что понять даже самому внимательному правовѣрному слушателю. Къ концу чтенія корана провожатый (пэй-ню-сю) выводитъ жениха, сидѣвшаго все время по пріѣздѣ въ отдѣльной комнатѣ, на средину мѣста, занимаемаго муллами, и ставитъ его лицомъ къ нимъ. Вошедши, женихъ становится передъ главнымъ муллой на колѣни на отдѣльно приготовленномъ для него столикѣ, послѣдній для такого торжественнаго случая покрывается краснымъ ватнымъ одѣяломъ, свернутымъ въ два-три раза. Передъ женихомъ, стоящимъ на колѣняхъ, поджавши подъ себя ноги, сидитъ главный мулла, который читаетъ аникагоръ (сартовское ника-молитва, которой освящается бракъ). Нѣкоторые муллы и въ это время все еще продолжаютъ читать свою часть корана. Главный мулла, прочитавши первую половину молитвы, спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ такую-то дѣвицу взять себѣ въ жены, и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, продолжаетъ читать дальше; оканчивая читать вторую половину молитвы, мулла такой же вопросъ предлагаетъ по адресу невѣсты, но такъ какъ послѣдняя сидитъ далеко въ комнатѣ и ничего не слышитъ, то за нее отвѣчаетъ наиболѣе старѣйшій изъ ея родственниковъ, здѣсь присутствующій, или же ея отецъ, и, получивъ также утвердительный отвѣтъ, продолжаетъ чтеніе означенной молитвы до конца обычнымъ порядкомъ. Еще не успѣвъ мулла окончить чтенія этой молитвы, какъ на столики, на которыхъ только-что читался коранъ, подается десертъ, состоящій изъ орѣховъ простыхъ, грецкихъ (большихъ) и миндальныхъ, сухого урюка, фи-сташекъ и домашнихъ печеній на постномъ льняномъ или конжутномъ маслѣ. Муллы, окончившіе уже чтеніе корана, забавляются

этимъ десертомъ и въ то же время острять, подшучивая надъ женихомъ, который все еще, потупивъ глаза, стоитъ на колѣняхъ и слушаетъ чтеніе молитвы. Когда окончится чтеніе этой молитвы, женихъ встаетъ со своего столика и прежде всего дѣлаетъ особый въ такихъ случаяхъ поклонъ, называемый чанъ-же или чжанъ-же, главному муллѣ, который ему только-что читалъ молитву. Искусству дѣлать этотъ поклонъ женихъ усердно и старательно обучается предварительно за нѣсколько дней и, какъ я выше замѣтилъ, утромъ въ день свадьбы дѣлаетъ еще нѣсколько пробныхъ опытовъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, не осрамиться передъ многочисленнымъ обществомъ своихъ односельчанъ. Особенность этого поклона состоитъ въ слѣдующемъ: обѣ руки, сложенныя вмѣстѣ, женихъ поднимаетъ нѣсколько выше своей головы (не отнимая рукъ), такимъ образомъ кланяется до пояса. Дунгане, которые дѣлали, когда-то этотъ поклонъ, передавали мнѣ, что съ не привычки руки скоро устаютъ и голова начинаетъ кружиться. Да оно и понятно, такъ какъ сравнительно въ короткое время приходится сдѣлать около 150—200 такихъ поклоновъ. Сдѣлавъ поклонъ муллѣ, провожатый подводитъ его къ каждому столику, занимаемому муллами и ахунами, и всѣмъ имъ женихъ дѣлаетъ поклонъ, соблюдая при этомъ старшинство. Въ это же время, т.-е. лишь только окончилось чтеніе молитвы-ника, немедленно подается обѣдъ. Въ такихъ случаяхъ бываетъ всегда торжественный обѣдъ—си-фанъ. Какъ я сказалъ уже выше, за первыми тремя-четырьмя блюдами и послѣ каждого изъ нихъ ученики какого-нибудь ахуна или муллы поютъ священные стихи; въ пѣніи этомъ принимаютъ участіе и сами ахуны. Пѣніе это рѣзкое, громкое съ выкрикиваніями и для нашего слуха положительно непріятное, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни гармоничности ни мелодичности. По этому пѣнію, доносящемуся до невѣсты, послѣдняя узнаетъ, что она уже перевѣнчана и стала уже замужнею женщиною, женою человѣка, котораго она или совсѣмъ не видѣла или же если и видѣла когда-либо, то такъ мало и рѣдко, что совсѣмъ не можетъ его представить, не можетъ сказать, кто именно сталъ съ этого времени ея мужемъ, и она начинаетъ громко плакать. Окружающія ее женщины еще громче смѣются и подшучиваютъ надъ ней, а другія, утѣшая, успо-

каиваютъ ее. Форма этого утѣшенія близко походить на то, когда мы тюкаемъ на собакъ. Находящіяся здѣсь дунганки цѣлымъ хоромъ, дружно, тюкаютъ на невѣсту, и послѣдняя скоро перестаетъ плакать, а такъ какъ отъ слезъ бѣлила на лицѣ ея нѣсколько сошли и образовали дорожки или полосы, то ей поспѣшно подаютъ таковыя, и она быстро, какъ ни въ чемъ небывало, подбѣливается и опять закрываетъ свое лицо платкомъ. Душевное настроеніе на женской половинѣ въ это время бываетъ уже болѣе веселое, здѣсь замѣчается оживленіе, котораго раньше не было. Гости обѣдаютъ, и женихъ, отдавъ поклонъ мулламъ и ахунамъ, подъ руководствомъ своего провожатаго пэй-ню-сю, дѣлаетъ таковой всѣмъ родственникамъ невѣсты, а также и своимъ, а затѣмъ уже и всѣмъ остальнымъ гостямъ безъ исключенія, обязательно въ томъ числѣ и своимъ товарищамъ и работникамъ, если таковыя имѣются въ домѣ отца невѣсты, только послѣднему онъ не дѣлаетъ поклона, такъ какъ своего тестя и тещу онъ въ этотъ день, по мусульманскому закону, не можетъ видѣть. Гости, не обращая никакого вниманія на поклоны жениха, такъ какъ отвѣчать на его поклоны нѣсколько не обязательны, ѣдятъ и въ то же время подтруниваютъ надъ нимъ. Говоря въ предыдущей главѣ о порядкѣ, въ какомъ подается обѣдъ у дунганъ, я упустилъ одну маленькую особенность, а именно: послѣ четвертаго блюда подается уже хлѣбъ, прежде подаются горячія постныя лепешки, приготовленныя на пару, таковыя дѣлаются небольшія, обыкновенно круглой формы, на подобіе нашихъ хлѣбцевъ, а послѣ уже подаются лепешки на постномъ или кунжутномъ маслѣ. Эти лепешки бываютъ уже большія, плоскія; такой порядокъ не разъ мнѣ приходилось видѣть. Свадебный обѣдъ заканчивается мяснымъ кушаньемъ, это—рубленое мясо, изъ котораго приготовляются колбки; подаютъ ихъ въ мясномъ соусѣ.

Точно также по окончаніи чтенія корана и пѣснѣ молигвы (ника), освящающей бракъ, и, слѣдовательно, въ самомъ началѣ обѣда, въ собраніе гостей вносятся пять-шесть и болѣе большихъ круглыхъ хлѣбовъ на постномъ маслѣ, одинъ или два большихъ куска сырого мяса, нѣсколько свертковъ съ съѣстными припасами (вермишель изъ муки или картофельнаго крахмала), сушеными фруктами, нѣсколько халатовъ и денегъ, и все это пе-

редается сватамъ за ихъ труды и хлопоты по сватовству и устройству настоящей свадьбы. Сватовъ вознаграждаютъ поровну, и каждая сторона благодаритъ ихъ особо, — но время, въ которое ихъ благодарятъ, одно и то же — это передъ началомъ обѣда, а другіе дѣлаютъ это во время самаго обѣда, — приблизительно, въ началѣ или въ срединѣ его.

Женихъ же, отдавши поклонъ всѣмъ гостямъ-мужчинамъ, въ сопровожденіи своего пэй-ню-сю, идетъ на женскую половину и прежде всего въ ту комнату, гдѣ сидитъ его невѣста, закрытая краснымъ платкомъ, обратившись лицомъ въ уголь. Вокругъ нея сидятъ почетныя разряженныя гости цой-цинъ-ди. При входѣ жениха провожатая (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) непременно подшутитъ надъ молодымъ, и строгимъ голосомъ прикажетъ ему сдѣлать поклонъ своей женѣ. Мнѣ передавали тѣ лица, которыя ранѣе, когда-то, все это сами пережили, т.-е. были женихами, что всякій дунганинъ далеко не безъ волненія входитъ въ ту комнату, гдѣ находится его невѣста, а тутъ еще совѣмъ неожиданный строгій голосъ ея провожатой, къ нему обращенный, и присутствіе цѣлой массы любопытныхъ взоровъ, молодыхъ разряженныхъ красавицъ, уставившихся на жениха — все это еще больше приводитъ послѣдняго въ смущеніе. Лицо жениха и безъ того уже красно отъ множества сдѣланныхъ имъ до этого поклоновъ и въ глазахъ уже стали ходить круги, а войдя въ эту комнату, онъ еще болѣе краснѣетъ и еще болѣе теряется при видѣ представившейся ему яркой и пестрой картины, состоящей изъ однѣхъ женщинъ.

Если онъ первый поклонъ сдѣлаетъ своей женѣ, что по большей части всегда и бываетъ, такъ какъ женихъ сразу узнаетъ, гдѣ сидитъ его молодая жена, то между находящимися здѣсь женщинами поднимаются шутки и смѣхъ безъ конца, онъ громко и рѣзко кричатъ и смѣются, что приводитъ жениха еще въ большее смущеніе. Въ настоящемъ случаѣ женихъ долженъ дѣлать поклоны здѣсь находящимся женщинамъ также по старшинству, а жена его, или невѣста, въ данное время еще не есть старшая между присутствующими, почему и здѣсь онъ, женихъ, долженъ дѣлать поклоны по указанію своего провожатаго, который старается строго придерживаться извѣстнаго порядка и правилъ этикета, чтобы не дать повода обижаться старшимъ по положенію

или по лѣтамъ, а также чтобы не нажить и себѣ неожиданно какого-либо врага или по меньшей мѣрѣ непріятности. Невѣста, какъ и ранѣе, такъ и въ это время, сидитъ, обратившись лицомъ въ уголь, точно статуя или манекенъ, и нисколько не шелохнется. И если женихъ, войдя, растерявшись, или почему-либо другому, поклонится прежде своей невѣстѣ, то это считается у дунганъ признакомъ того, что онъ будетъ у своей жены подъ башмакомъ! Сдѣлавши поклоны находящимся женщинамъ, какъ въ этой, такъ и во всѣхъ другихъ комнатахъ, женихъ выходитъ оттуда краснѣе мака, а здѣсь его встрѣчаютъ мальчики и товарищи подростки, и, нисколько не церемонясь, въ присутствіи всѣхъ, смѣясь, издѣваются надъ нимъ, толкаютъ его въ бока, щиплютъ и т. п., но женихъ на все это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, а соблюдая должное случаю достоинство, молча и съ серьезнымъ видомъ отвѣшиваетъ каждому установленный и заученный имъ ранѣе поклонъ—чанъ-же, кому онъ еще его не сдѣлалъ. Иногда порядокъ отданія этого поклона бываетъ и другой, а именно: отдавши поклонъ ахунамъ, мулламъ и ближайшимъ родственникамъ-мужчинамъ, женихъ, въ сопровожденіи своего пэй-ню-сю, идетъ на женскую половину, гдѣ дѣлаетъ поклоны всѣмъ женщинамъ, тамъ находящимся, и невѣстѣ и, уже возвратившись оттуда, дѣлаетъ поклоны остальнымъ гостямъ-мужчинамъ, въ томъ числѣ товарищамъ и работникамъ и т. д.

Для полноты картины долженъ сказать, что у дунганъ рѣдкій обѣдъ проходитъ безъ проповѣди, которую говоритъ обыкновенно старшій ахунъ или мулла. Чѣмъ богаче свадьба, или если хозяинъ дома по какому-нибудь болѣе или менѣе важному случаю устраиваетъ у себя обѣдъ, то обязательно какой-нибудь мулла, по преимуществу пользующійся вліяніемъ среди своего общества или даже своей только партіи и отличающійся краснорѣчіемъ, говоритъ проповѣдь, что бываетъ въ срединѣ обѣда или во второй его половинѣ. Дунгане большіе охотники до проповѣдей и любятъ ихъ слушать, да оно и понятно,—въ большинствѣ случаевъ проповѣди ихъ носятъ злободневный характеръ. Проповѣдь у дунганъ является поэтому могучимъ, сильнымъ и притомъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для проведенія въ общество извѣстныхъ, перѣдко ранѣе намѣченныхъ цѣлей, желательныхъ только или

одному муллѣ или небольшому кружку вліятельныхъ и богатыхъ людей. Направленіе жизни общественной дается у дунганъ муллами или ахунами въ проповѣдяхъ, которыя говорятся поѣтому всегда на обѣдахъ и въ мечетяхъ; проповѣди эти очень часто вліяютъ на взаимныя отношенія односельчанъ, часто измѣняя ихъ или даже обостряя. И вотъ нерѣдко дремавшія до того страсти, гнѣвъ и вражда, смутно бродившіе въ массѣ, или совсѣмъ утихаютъ, прекращаются или же, напротивъ, вспыхиваютъ съ особенной силой, переходя въ открытую вражду, весьма часто оканчивающуюся большими и крупными взаимными побоищами и драками, въ результатѣ которыхъ бывають увѣчья, а сплошь и рядомъ убійства. Вопросы религіозные, само-собою, въ этихъ проповѣдяхъ занимають одно изъ первыхъ мѣстъ. Случается, что какой-нибудь мулла позволить себѣ сдѣлать небольшое отступленіе отъ буквы корана, это уже служить достаточнымъ предлогомъ для какого-нибудь болѣе вліятельнаго ахуна произнести проповѣдь и, такимъ образомъ, въ глазахъ всѣхъ обличить легкомысленнаго собрата. А такъ какъ почти у каждаго муллы есть свои послѣдователи и приверженцы, считающіе своего ахуна болѣе правымъ и болѣе авторитетнымъ въ толкованіи вѣроученія, то какъ между самими муллами, такъ и ихъ послѣдователями, возникаетъ партійная вражда на религіозной почвѣ, оканчивающаяся весьма часто между ними большими раздорами. Въ проповѣдяхъ же во время свадебныхъ обѣдовъ болѣею частію говорится о пожеланіяхъ счастливой семейной жизни молодымъ, чтобы ихъ семейная жизнь служила примѣромъ для другихъ и проч. и проч. Сдѣлавъ небольшое отступленіе, перейдемъ опять къ дальнѣйшему описанію свадьбы.

Отдавши поклоны всѣмъ, женихъ уѣзжаетъ изъ дома невѣсты къ себѣ домой, при чемъ провожатый его (пэй-ню-сю) ѣдетъ нѣсколько впереди, а за нимъ уже молодой, окруженный своими товарищами-сверстниками. Если же по дорогѣ встрѣтится какой-нибудь знакомый жениха, или же знакомый или родственникъ его пэй-ню-сю, то, по приказанію послѣдняго, женихъ сходитъ съ лошади и дѣлаетъ установленный поклонъ (чанъ-же), несмотря ни на какую погоду и грязь. Нѣкоторые въ этомъ случаѣ дѣлають поклоны всѣмъ лицамъ, которыя имъ встрѣтятся на улицѣ, безразлично, будутъ ли то знакомые жениха или его провожа-

таго, или же незнакомые ни тому, ни другому, это зависитъ отъ усмотрѣнія провожатаго, приказаніямъ котораго женихъ подчиняется въ данномъ случаѣ безпрекословно. Когда женихъ отдаетъ поклонъ лицу, встрѣтившемуся на улицѣ, то вся сопровождающая его компанія останавливается, и ожидаетъ, пока онъ сдѣлаетъ требуемый обычаемъ этотъ знакъ вѣжливости, послѣ чего женихъ садится на лошадь, и всѣ въ томъ же порядкѣ продолжаютъ путь далѣе.

Обѣдъ въ домѣ невесты подходитъ къ концу. Со времени прибытія цюй-цинь-ди невеста и ея мать почти не перестаютъ плакать, плачутъ все время. Плачъ этотъ надрываетъ душу. Чѣмъ ближе подходитъ минута разставанія, тѣмъ плачутъ сильнѣе и громче. Мать не отходитъ отъ дочери все время, она беретъ ее за руки, за плечи, прикладываетъ свои руки къ ея груди, къ ея сердцу, сама, горько плача, утѣшаетъ плачущую дочь, даетъ ей совѣты, наставленія, какъ жить въ новой семьѣ, какъ поступать и что дѣлать, чтобы ей тамъ лучше и легче жилось. Повидимому, всю свою душу, всю свою горькую житейскую опытность и знанія она въ это короткое время хочетъ вложить своей юной дочери, чтобы та не сдѣлала какихъ-либо крупныхъ промаховъ въ новой семьѣ. Какъ ласточка, выпуская изъ гнѣзда своихъ уже оперившихся и достаточно созрѣвшихъ, но еще совсѣмъ мало опытныхъ птенцовъ, учить ихъ летать, заботливо въ первое время исправляя каждый неосторожный шагъ, ими сдѣланный, и своимъ тревожнымъ крикомъ предупреждаетъ о всякой малѣйшей опасности, имъ грозящей, такъ и дунганка-мать, провожая свое дорогое, любимое дѣтище въ чужую семью, тоже молодое и неопытное, даетъ уроки и наставленія, какіе она считаетъ по своему разумѣнію наиболѣе подходящими, чтобы предохранить и избавить ее отъ укоровъ, нареканій и насмѣшекъ и въ то же время оградить и себя, потому что за всякую ошибку, сдѣланную ея дочерью, прежде всего будутъ обвинять ее, мать.

Мать, какъ и знакомые, обыкновенно плачутъ съ причитываніемъ. Характеръ плача грубый, вырываются по преимуществу гортанные звуки, почему плачъ выходитъ рѣзкій, какъ бы лающей и издали нѣсколько напоминаетъ ревъ дикихъ животныхъ.

Но вотъ обѣдъ кончился. Старшій мулла, или ахунъ, прочиталъ молитву, по окончаніи которой изъ груди всѣхъ присутствующихъ

раздалось полугромко заключительное «алла геберъ» (великій боже), скорѣе, или правильнѣе сказать, какъ бы вырывающееся изъ гортани, и всѣ объдавшіе встали. Послѣ чего объдаютъ женщины, онѣ всегда объдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ, нерѣдко объдаютъ одновременно, но въ такомъ случаѣ объдъ женщинамъ подаютъ въ комнаты, если ихъ не слишкомъ много, если же ихъ много, то для нихъ отгораживаютъ циновками или берданками отдѣльное мѣсто, обыкновенно рядомъ или вблизи съ мужчинами, и всякій желающій наблюдать своихъ красавицъ, можетъ вполне удовлетворить свое любопытство, — неудовольствія или претензій на это съ ихъ стороны замѣчать не приходилось. Съ женщинами объдаютъ обыкновенно дѣти и взрослые дѣвушки.

Вскорѣ послѣ объда одна изъ пріѣхавшихъ за невѣстою цюй-цинь-ди развязываетъ привезенный ею большой узелъ, въ которомъ находилось красное ватное одѣяло, бумажное или шелковое, это смотря по достатку, — въ иныхъ случаяхъ вмѣсто одѣяла бываетъ большой платокъ, такого же цвѣта, — и разостлавъ его на канѣ, усаживаетъ на это одѣяло или платокъ невѣсту и завертываетъ ее въ него, лицо же ея еще задолго до этого было завязано краснымъ платкомъ. Кто-нибудь изъ самыхъ близкихъ родныхъ, отецъ или братъ, если же нѣсколько братьевъ, то самый старшій изъ нихъ, беретъ невѣсту на руки, выноситъ ее и усаживаетъ въ приготовленную заранѣе, но обязательно присланную женихомъ телѣгу; лошади и телѣга бываютъ убраны красными лентами.

Лишь только цюй-цинь-ди начинаетъ развязывать узелъ съ одѣяломъ, чтобы завернуть въ него невѣсту, какъ въ домѣ и по всему двору поднимается усиленный громкій плачь, который бываетъ слышенъ далеко вокругъ; всѣ присутствующіе также по большей части громко плачутъ. Мать, точно раненая въ самое сердце, отчаянно плачетъ и, крича и причитывая, бѣжитъ за уносямою дочерью; отецъ также громко и дико плачетъ, слезы у нихъ буквально бѣгутъ ручьями. Однимъ словомъ происходитъ крайне тяжелая, сильно бьющая по нервамъ, картина разгванія. Насколько приходилось видѣть, большой ошибки не сдѣлаемъ, если скажемъ, что за отъѣзжающей невѣстой родные и знакомые плачутъ нѣсколько не менѣе, чѣмъ за покойникомъ.

Намъ удалось записать одно изъ тѣхъ наставленій, которыми

мать налутствуетъ свою дочь, когда она провожаетъ ее изъ своего дома въ новую семью; въ такихъ случаяхъ мать всегда провожаетъ до телѣги, пріѣхавшей отъ жениха за невѣстою. Наставленія эти характерны по своей простотѣ и безыскусственности, какъ и самая жизнь дунганки. Вотъ они: «Приказываю тебѣ, дочь моя, все дѣлай лучше и скорѣе, а не такъ, какъ въ своемъ домѣ, у своей матери. Мать и отецъ жалѣли тебя и не замѣчали твоихъ слабостей, не то будетъ тебѣ въ чужомъ домѣ. Поздно ложись спать и рано вставай. Старшимъ подчиняйся, слушайся ихъ и не груби имъ. По-утру все въ домѣ и во дворѣ убирай, чтобы была чистота вездѣ, а въ кухнѣ грѣй воду, тогда спроси у матери, какое готовить кушанье. Слушайся золовокъ, ихъ рѣчи уважай. Старайся шить и кроить, а не старайся имѣть ссоры. Будешь ссориться, тебя не будутъ уважать. Пойдешь брать муку, или крупу, бери осторожно и аккуратно, хотя и не увидятъ старшіе, ихъ тратить напрасно не слѣдуетъ, да и грѣхъ тебѣ будетъ даромъ тратить пищу. Станешь перемывать посуду, старайся не стучать ею одна о другую, а то расколешь, вамъ же будетъ убытокъ. Если мужъ съ кѣмъ-либо будетъ ссориться, зови его къ себѣ въ комнату и успокаивай; если семья вздумаетъ дѣлиться, то уговаривай, чтобы жить вмѣстѣ, а не раздѣляться. И если зять и его родные будутъ навѣщать меня, то, значить, мои труды и хлопоты не пропали о тебѣ понапрасну, и я недаромъ тебя вскормила и вырастила, если же они не будутъ провѣдывать и навѣщать меня, то, значить, ты вышла недостойной въ домъ мужа, и мнѣ будетъ горько и обидно»... Послѣднія слова мать договариваетъ, ухватившись за телѣгу, въ которую уже посадили дочь также плачущую, мать съ трудомъ отталкиваютъ отъ телѣги, дочь уѣзжаетъ въ домъ жениха, а мать возвращается къ себѣ домой и продолжаетъ плакать. Съ плачемъ и воемъ, какъ мы видѣли, проводили родные невѣсту...

Если невѣста бѣдная или не совсѣмъ богатая, то въ ту же телѣгу, въ которую она садится, вмѣстѣ съ нею складывается и отправляется и ея приданое, если же невѣста богатая, то приданое отправляется вскорѣ вслѣдъ за женихомъ, по выѣздѣ его изъ дома невѣсты; часто богатые таковое отправляютъ на нѣсколькихъ телѣгахъ. Приданое это обыкновенно состоитъ изъ различнаго платья, заготовленнаго родителями невѣсты и подарен-

наго женихомъ и его родственниками, а также серебряныхъ и золотыхъ украшеній, полученныхъ отъ родителей и жениха, различныхъ одѣяль и головныхъ подушекъ, послѣднія обыкновенно бываютъ набиты рисовой соломой. Въ составъ приданаго входятъ также мѣдные тазы, одинъ изъ коихъ, между прочимъ, предназначается для омовенія (post coitum), а также большой мѣдный чайникъ. Все дѣвичье платье невесты остается дома, его донашиваютъ меньшіе братья и сестры, или если они слишкомъ малы, то передѣлываютъ для нихъ. Теплыя и холодныя кофты большія и малыя, т.-е. короткія и длинныя, нѣсколько паръ штановъ различнаго цвѣта, преимущественно синяго и краснаго, цвѣты для украшенія головы, мыло, бѣлила, различныя щетки, зубочистки и другіе предметы, которые мы перечисляли выше, все это входитъ въ составъ приданаго. Приданое называется пэй-фанъ. Но привозится ли оно вмѣстѣ съ невестой, или же отправляется нѣсколько ранѣе, вслѣдъ за отъѣздомъ жениха изъ дома невесты, въ томъ и другомъ случаѣ оно устанавливается на канѣ въ извѣстномъ порядкѣ, въ комнатѣ, приготовленной для молодыхъ.

Мы оставили невесту, когда ее вынесли изъ родительскаго дома и усадили въ телѣгу, чтобы отвезти ее въ домъ жениха, займемся же опять ею и дальше. Невѣста садится, или правильнѣе, ее сажаютъ спиною къ лошадамъ, а лицомъ взадъ телѣги, вмѣстѣ съ нею садится и ея провожатая шу-цинъ-ди-лао-по-цзы, которая находилась все время неотлучно при ней со вчерашняго дня, будучи приставлена къ ней ея родителями, а также съ невестой вмѣстѣ садятся и ея меньшіе братья и сестры, если таковыя имѣются, а за неимѣніемъ ихъ, ее сопровождаютъ ближайшіе ея маленькіе родственники, племянники, племянницы или же двоюродные братья и сестры. Впереди невесты на двухъ телѣгахъ, тоже убранныхъ красными лентами, ѣдутъ четыре молодыхъ женщины—цюй-цинъ-ди, здѣсь же съ ними находится и да-гай-ту-ди или шанъ-ту-ди. Эти лица будутъ со стороны жениха, они были посланы за невестой, чтобы ее сопровождать и привезти ее въ домъ къ нему. За этими двумя телѣгами ѣдетъ уже невеста со своей провожатой (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) съ меньшими братьями и сестрами и приданымъ, если послѣдняго немного, о чемъ уже сказано выше. За телѣгой невесты ѣдутъ

еще двѣ телѣги, также убранныя красными лентами, въ которыхъ сидятъ четыре провожатыя со стороны невѣсты. Эти провожатыя называются сунъ-ной-ди (т.-е. провожающія дѣвцу). Послѣднія одѣты такъ же, какъ и цюй-цинъ-ди, т.-е. онѣ одѣваются, по возможности, въ лучшее платье, украшаютъ себя золотыми и серебряными различными уборами и наплечниками, и обязательно масса цвѣтовъ на головѣ. Въ каждой телѣгѣ сидятъ по двѣ сунъ-ной-ди. Порядокъ этого поѣзда, случается, бываетъ и иной, такъ: впереди всѣхъ ѣдетъ невѣста, а за нею уже ѣдутъ ея сунъ-ной-ди и цюй-цинъ-ди. Но, во всякомъ случаѣ, уже послѣ этого, такъ-сказать, должностного персонала, ѣдутъ остальные гости, кто верхомъ, а кто въ телѣгахъ. Въ послѣднихъ находятся мужчины, женщины и дѣти. Въ качествѣ гостей отправляются изъ жениху и родственники невѣсты, кромѣ родителей ея, которые, согласно обычая, остаются дома.

Подѣхавъ къ воротамъ дома жениха, четыре провожавшія (сунъ-ной-ди) невѣсту и четыре ѣздившія за молодой, за родственницей (цюй-цинъ-ди) выходятъ изъ телѣгъ и отправляются въ домъ, гдѣ ихъ встрѣчаетъ мать жениха и ближайшія родственницы; ихъ съ почетомъ усаживаютъ на канъ и начинаютъ угощать. Остальные гости, сопровождавшіе невѣсту, также входятъ во дворъ, мужчины идутъ на предназначенную для нихъ половину, а женщины идутъ на женскую половину. Но лишь только къ воротамъ дома жениха подѣхала телѣга съ невѣстой (кучеръ, везущій невѣсту, не доѣжая немного до дома, замедляетъ нарочно ѣзду), какъ эту телѣгу со всѣхъ сторонъ быстро окружаютъ молодые родственники невѣсты, поднимается большой шумъ, крикъ, всѣ они, въ томъ числѣ и сидящіе вмѣстѣ съ молодой ея меньшіе братья, сестры и другіе родственники, а также и кучеръ, везщій невѣсту,—всѣ они долго не выпускаютъ молодую, настойчиво и энергично требуя выкупа (си-фырь) деньгами и вещами отъ жениха и его родныхъ. Просьба требующихъ выкупа, по возможности, удовлетворяется скоро, но если кому-либо покажется, что онъ получилъ мало, то таковой наставляетъ еще на прибавкѣ, что хотя и исполняется, но дѣлается уже не такъ охотно, и нерѣдко дается удовлетвореніе только послѣ довольно продолжительныхъ пререканій и препирательствъ, а иногда обѣ стороны такъ увлекаются, что пуска-

ють въ ходъ кулаки и хотя подъ видомъ дружескихъ шутокъ, но все же стараются усердно наградить другъ друга добрыми удагами. Маленькіе сестры и братья, слѣдуя примѣру взрослыхъ, также не удовлетворяются полученнымъ выкупомъ, и настойчиво кричатъ, выражая желаніе получить болѣе дорогую цѣну за свою сестру, но ихъ безъ всякой церемоніи выталкиваютъ вонъ изъ телѣги, а если совсѣмъ маленькіе—то безъ церемоніи вытаскиваютъ. Мало удовлетворенный кучеръ, желая получить еще большее вознагражденіе за свою молодую пассажирку, которую онъ доставилъ благополучно, старается изо всѣхъ силъ около самыхъ воротъ разогнать лошадей, чтобы проѣхать мимо двора жениха и, такимъ образомъ, провезти невѣсту, но находящіеся тутъ родственники жениха, заблаговременно здѣсь для этого исключительно поставленные, быстро подхватываютъ подъ уздцы лошадей, и крѣпко держатъ ихъ, а кучеру даютъ еще небольшое вознагражденіе или же отказываютъ, по въ томъ или другомъ случаѣ препирательство между ними и кучеромъ кончается тѣмъ, что послѣдняго стаскиваютъ съ телѣги, и, при общемъ хохотѣ присутствующей толпы, награждаютъ нѣсколькими ударами кнута по спинѣ или же кулаками въ шею. Послѣ того, какъ требованія всѣхъ болѣе или менѣе будутъ удовлетворены, изъ телѣги выходитъ сидѣвшая все время съ невѣстой ея провожатая (шу-цинь-ди-лао-но-цзы) старуха, которой тутъ же дарятъ новый платокъ и нѣсколько денегъ за ея труды, что она сберегла невѣсту и благополучно ее доставила. И уже когда находящаяся вокругъ телѣги толпа достаточно пошумитъ и натѣшится и нѣсколько успокоится, одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ ее изъ телѣги на руки, попрежнему всю закутанную съ ногъ до головы въ красный платокъ и одѣяло, и висситъ ее въ приготовленную для молодыхъ комнату. Тотчасъ же надъ дверями комнаты, въ которую внесена невѣста, вывѣшивается занавѣска, которая у богатыхъ готовится изъ болѣе или менѣе дорогой матеріи, и вышита разноцвѣтными шелками, а у бѣдныхъ—изъ бумажной матеріи, или даже просто изъ маты синяго цвѣта; вышита она также разноцвѣтными нитками или гарусомъ. Занавѣска эта привозится изъ дома невѣсты и обязательно готовится ею самою. Случается и такъ, что занавѣска эта привѣшивается на двери нѣсколько ранѣе

прибытія невѣсты, а именно: она прикрѣпляется къ дверямъ въ то время, когда ранѣе прибываетъ ея приданое, которое привозится вслѣдъ за женихомъ послѣ его отбытія изъ дома невѣсты. Кромѣ этой занавѣски, на окно съ наружной стороны его привѣшивается красная или розовая бумажка, шириною въ три-четыре пальца, а длина ея дѣлается во всю длину окна или даже нѣсколько болѣе. Конецъ этой бумажки, обращенный книзу, дѣлается бахромчатымъ. Все это обозначаетъ, что здѣсь находится или будетъ находиться невѣста, и кромѣ того, по занавѣскѣ, вышитой самой невѣстой, присутствующіе судятъ, насколько она искусна въ вышиваніи и рукодѣльѣ, а послѣднее у дунганъ очень цѣнится.

Женихъ невѣсту у себя также не встрѣчаетъ, а онъ сидитъ гдѣ-нибудь въ отдѣльной комнатѣ и проводитъ время со своими товарищами въ играхъ и забавахъ.

Принесши невѣсту въ предназначенную для молодыхъ комнату, гдѣ находится уже немало гостей, ее и здѣсь усаживаютъ на канъ, она сейчасъ же поворачивается спиной къ окружающимъ, а лицомъ въ уголъ на западную сторону. Присутствующую на дворѣ толпу молодыхъ людей одолеваетъ любопытство взглянуть на невѣсту, почему они и толпятся около окна той комнаты, въ которой находится невѣста. Но такъ какъ черезъ рѣшетчатое окно, заклеенное хотя и тонкой бумагой, разглядѣть что-либо трудно, то, сгорая нетерпѣніемъ и любопытствомъ, сначала одинъ кто-либо изъ молодежи проткнетъ пальцемъ это окно, его примѣру слѣдуетъ другой, третій и т. д., и въ короткое время бумага, замѣнявшая въ окнѣ стекло, оказывается изорванной, и отъ нея остаются одни только мелкіе клочья да вышеупомянутая широкая лента красной бумаги, которую почему то не трогаютъ. Невѣста же, не обращая никакого вниманія на все вокругъ нея происходящее, сидитъ неподвижно, обратившись лицомъ въ уголъ, что объясняютъ будто бы смущеніемъ ея и стыдливостью.

Вскорѣ послѣ этого невѣстѣ открываютъ лицо, и провожатая ея начинаетъ чесать ей голову большимъ деревяннымъ гребешкомъ съ длинными рѣдкими зубцами. Вся прежняя ея прическа разбирается, на этотъ разъ старуха чешетъ ей голову особенно тщательно и долго. Причесывающая беретъ волосы сзади не-

большими пучками, нѣсколько разъ разглаживаетъ и расчесываетъ каждый пучокъ волосъ отдѣльно; затѣмъ скручиваетъ ихъ и обматываетъ черными нитками во всю ихъ длину, заворачиваетъ и придаетъ имъ форму, напоминающую нѣчто въ родѣ пѣтушинаго гребня, выдающагося кверху и выступающаго довольно высоко надъ задней частью шеи. Какъ говорилось выше, чтобы придать всей причeskѣ желательное направленіе и форму, причесывающая обильно смачиваетъ волосы невѣсты своими слюнями, отчего на холоду они замерзаютъ, и, въ заключеніе, чтобы волосы не распались, она укрѣпляетъ ихъ длинными шпильками или даже просто желѣзными проволоками, и такимъ образомъ при помощи всѣхъ вышеупомянутыхъ средствъ и стараній достигается необходимая и требуемая прическа, употребляемая замужними женщинами. Невѣста, совсѣмъ причесанная, сходитъ съ кана и идетъ въ противоположный уголъ этой же комнаты, гдѣ одна изъ ской-цинъ-ди сливаетъ ей на руки, изъ заранѣе приготовленнаго чайника или кунгана, а то и просто изъ обыкновеннаго нашего желѣзнаго или жестянаго ковши, теплую воду. Невѣста умывается, при чемъ умываетъ себѣ лицо, руки, уши и шею спереди и сзади, и тщательно утирается поданнымъ ей чистымъ полотенцемъ, послѣ чего опять садится на канъ, обратившись также лицомъ въ уголъ. Одна изъ молодыхъ женщинъ подаетъ ей черезъ плечо бѣлила, которыя невѣста беретъ, не оборачиваясь, и начинаетъ сама бѣлиться, при чемъ она очень усердно, толстыми слоями, кладетъ бѣлила себѣ на лицо, также щедро обсыпаетъ ими свои уши, руки и шею спереди и сзади. Надобно сказать, что послѣ такой побѣлки, невѣста становится похожей на фарфоровую куклу. Затѣмъ ей подаютъ небольшое зеркало, она смотритъ въ него, прихорашивается и, въ заключеніе, надѣваетъ на голову цвѣты. Окружающія женщины также снимаютъ съ себя цвѣты и обильно украшаютъ ими голову невѣсты. По наблюденіямъ другихъ, невѣсту будто бы раздѣваютъ и надѣваютъ другое болѣе лучшее и болѣе нарядное платье, которое выбираютъ изъ привезеннаго изъ дома приданаго. Быть можетъ, и такъ, но я, хотя и былъ нѣсколько разъ на свадьбахъ, этого обычая не видѣлъ.

По прибытіи невѣсты въ домъ жениха также вскорѣ и здѣсь подается обѣдъ, такъ-называемый, торжественный обѣдъ, передъ началомъ котораго читается коранъ собравшимся муллами, к-

терыхъ на этотъ разъ приглашается всегда много. По обыкновенію въ началѣ обѣда поются духовные стихи, говорится проповѣдь, и также дается вознагражденіе мулламъ и ахунамъ, хотя они и не успѣли еще окончить чтеніе положенной каждому части корана, и проч. и проч... Однимъ словомъ, порядокъ обѣда и характеръ его у дунганъ, несмотря на различные поводы, по которымъ онъ устраивается, бываетъ одинъ и тотъ же; разница, главнымъ образомъ, заключается въ количествѣ подаваемыхъ блюдъ. Мслодой и дома также не обѣдаетъ съ гостями, и сидитъ гдѣ-нибудь въ отдѣльной комнатѣ.

Послѣ обѣда, или даже въ концѣ его, невѣста уже съ открытымъ лицомъ выходитъ изъ своей сакли и становится у дверей ея. Невѣстѣ неизмѣнно сопутствуетъ, все еще неразлучающаяся съ ней, ея провожатая (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) и еще одна изъ четырехъ провожатыхъ (сунъ-нуй-ди). Отойдя отъ дверей шага на два и обратившись лицомъ къ публикѣ, молодая дѣлаетъ поклонъ гостямъ такой: кулаки обѣихъ рукъ она складываетъ вмѣстѣ и, поднявъ ихъ до подбородка, опускаетъ ниже груди и въ слѣдъ затѣмъ кланяется. Поклонъ этотъ называется «бэй». Невѣста кланяется не каждому гостю въ отдѣльности, а столько разъ, сколько прикажетъ ея провожатая. Гости вслухъ выражаютъ свое мнѣніе о красотѣ невѣсты, величинѣ ея ноги, судятъ о ея нарядахъ и проч. Но сколько ни приходится видѣть, невѣста кланяется не болѣе трехъ разъ, послѣ чего ее уводятъ обратно въ саклю.

Мужчины послѣ обѣда, постоявъ и поболтавъ немного, расходятся по своимъ домамъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принимаются за свой повседневный трудъ. Такимъ образомъ, на свадьбу они тратятъ всего нѣсколько часовъ, не болѣе четырехъ, а то и менѣе, такъ какъ многіе приходятъ прямо къ обѣду. Того разгула, который наблюдается у насъ, нѣтъ и въ поминѣ: все тихо, спокойно, монотонно и однообразно. Дунгане дорожатъ временемъ и умѣютъ имъ пользоваться по-своему, съ выгодой. Обыкновенно послѣ мужчинъ обѣдаютъ женщины, иногда онѣ обѣдаютъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и имъ прислуживаютъ и подаютъ кушанья тѣ же самыя лица мужского пола, что подавали и мужчинамъ, для чего приговариваются болѣе молодые люди, а иногда прислуживаютъ и подростки — лѣтъ десяти — двѣнадцати.

Нѣкоторые намъ передавали, что по окончаніи обѣда ахуны, муллы и другіе пожилые почетные гости отправляются на женскую половину посмотрѣть невѣсту, быть-можетъ, и такъ, но мнѣ этого ниразу не приходилось видѣть.

Кончилась официальная часть свадьбы, все обошлось благополучно: даже краснорѣчиво сказанная проповѣдь однимъ изъ почетнѣйшихъ муллъ или ахуновъ и выслушанная внимательно присутствовавшими гостями прошла спокойно, не вызывая ни обостреній, ни ссоръ между прихожанами, и, долго не засиживаясь, всѣ понемногу расходятся, какъ уже выше упомянуто. Но едва только муллы, ахуны и другіе почетные гости успѣюгъ скрыться за воротами дома жениха, какъ молодежь, державшая себя до этого времени весьма спокойно и тихо, даетъ самый широкій просторъ и полную свободу своимъ дѣйствіямъ, и сразу, что-называется, подымается дымъ коромысломъ. Моментально эта, недавно еще тихая и спокойная, молодежь устраиваетъ въ домѣ жениха настоящій адъ, а именно: всѣ молодые люди, здѣсь находившіеся, которыхъ было немало, съ крикомъ и громкимъ смѣхомъ вдругъ врываются въ комнату невѣсты, и самымъ безцеремоннымъ образомъ требуютъ, чтобы молодая (красный платокъ, которымъ было закрыто все время ея лицо, снимается съ нея тотчасъ же, какъ только ей былъ отданъ женихомъ поклонъ) стала, обратившись къ нимъ лицомъ, и каждому изъ нихъ въ отдѣльности сдѣлала бы поклонъ («бэй»). Теперь всякій самый маленькій мальчуганъ кричитъ изо всей силы и повелительно требуетъ себѣ поклона, и если кому-либо изъ нихъ покажется одного поклона недостаточно, то онъ самымъ настойчивымъ образомъ, недопускающаго никакого возраженія, требуетъ, чтобы невѣста сдѣлала ему нѣсколько поклоновъ, что молодая и исполняетъ въ точности безпрекословно и безропотно. Въ комнатѣ стоитъ, трудно поддающійся описанію, шумъ, смѣхъ и крикъ. Шутки, не столько игривыя, сколько самыя грязныя, и остроты, самыя пошлыя, въ обиліи сыплются молодежью на голову невѣсты, но больше всего достается старухамъ, которыя должны оставаться по обязанности подлѣ невѣсты, тогда какъ другія, болѣе молодыя женщины, обыкновенно спѣшатъ поскорѣе по-добру-по-здорову убраться изъ этой комнаты, такъ какъ очень хорошо знаютъ, что разыгравшіеся и расшумѣвшіеся молодые ребята не только не будутъ въ это

время стѣсняться присутствіемъ ихъ, какъ взрослыхъ, но такъ же одинаково не пощадятъ и болѣе пожилыхъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кто бы тутъ ни случился, за исключеніемъ, конечно, только муллъ и ахуновъ. Это въ своемъ родѣ праздникъ молодежи, они дожидаются каждаго такого случая съ нетерпѣніемъ, почему и даютъ себѣ здѣсь полную свободу и просторъ своимъ дѣйствіямъ: здѣсь имъ уже никто не мѣшаетъ. Такъ дѣлалось ихъ предками давно, и они такъ поступаютъ. Невѣста является въ данномъ случаѣ жалкой жертвой этой разгулявшейся толпы, жениха же, или теперь уже мужа ея, еще нѣтъ съ нею въ это время. Шумъ и крики доходятъ до крайнихъ предѣловъ, невѣста смущенная и вся раскраснѣвшаяся (даже обильно наложенныя бѣлила не помогаютъ въ этомъ случаѣ), знаетъ только одно, что ежеминутно, то-и-дѣло, молча кланяется. У нея уже голова кружится и въ глазахъ потемнѣло, а все болѣе расходившаяся молодежь попрежнему такъ настойчиво продолжаетъ требовать, чтобы она имъ дѣлала поклоны, и она терпѣливо повинуется, исполняя то, что ей приказываетъ эта черезчуръ шумящая и смѣющаяся толпа. Да она и ранѣе слышала, что этого избѣжать ей невозможно, что то же самое, когда-то, продѣлывалось надъ тѣми замужними, теперь уже почтенными, женщинами, которыя недавно, всего нѣсколько минутъ до этого, важно и чинно сидѣли здѣсь вмѣстѣ съ нею на канѣ, а также и надъ старухами, которыя и теперь еще находятся вмѣстѣ съ нею.

А толпа молодежи все больше и больше кричитъ и шумитъ и попрежнему настойчиво продолжаетъ требовать своего; невѣста уже сильно устала, и вотъ на защиту ея поднимаются присутствующія здѣсь старухи, заступаясь за невѣсту; онѣ начинаютъ уговаривать, молодыхъ людей, усовѣщевать, и даже пожурятъ ихъ. Но результатъ получается неожиданный и прямо противоположный, толпа, кажется, только и ждала этого вмѣшательства старухъ. Дружно, цѣлымъ хоромъ, расшумѣвшіеся ребята обрушиваются на старухъ, щедро посылая по ихъ адресу всевозможныя издѣвательства и насмѣшки, и всѣми возможными и извѣстными имъ средствами они потѣшаются надъ старухами, однимъ словомъ, пускаютъ въ ходъ по этой части всю свою находчивость и изобрѣтательность. Старухи выходятъ изъ себя и также ругаются и кричатъ, изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы обуздать не въ

мѣру расходившихся молодыхъ ребятъ, но чѣмъ больше онѣ кричатъ и чѣмъ больше посылаютъ ругани, тѣмъ дѣйствіе ея на нихъ получается совершенно обратное; наконецъ, взаимная перебранка между молодежью и старухами, имѣвшая сначала шуточный и безобидный характеръ, принимаетъ серьезный характеръ и кончается тѣмъ, что расходившіеся молодые люди, при всеобщемъ одобреніи и гомерическомъ хохотѣ, стаскиваютъ ихъ съ кана и выталкиваютъ на дворъ и даже выпроваживаютъ на улицу, что приводитъ старухъ въ страшную ярость и, взбѣшенныя, не щадя горла своего, онѣ до послѣдней степени безсильной злобы посылаютъ на молодежь цѣлые потоки всевозможной отборной брани и ругательствъ, а ребята, натѣпившись и насмѣявшись надъ ними вдоволь (имъ только этого и нужно было), не обращаютъ уже на нихъ никакого вниманія.

Озлобленныя старухи, выпровоженныя съ такимъ триумфомъ, покричавъ и пошумѣвъ во дворѣ и на улицѣ во всю глотку, наконецъ, расходятся по своимъ домамъ, — а съ невѣстой остается одна безсмѣнная и неотлучно находящаяся ея провожатая (шущинь-ди-лао-по-цзы), на которую уже цѣликомъ и обрушиваются насмѣшки, остроты и издѣвательства всей толпы молодыхъ людей. Почти всегда дѣло доходитъ до того, что шущинь-ди-лао-по-цзы пускаетъ въ ходъ кулаки и награждаетъ особенно ей досадившихъ добрыми пинками, что вызываетъ только дружный хохотъ, а старуху приводитъ еще въ большую ярость и гнѣвъ, такъ что она, не разбирая, бьетъ ихъ чѣмъ ни попало. Благодаря такимъ условіямъ обязанность быть провожатой (шущинь-ди-лао-по-цзы) всегда падаетъ на здоровую, бойкую и смѣлую старуху, которая одинаково умѣетъ какъ отшутиться и пустить въ ходъ крѣпкое бранное слово, такъ и дать какому-нибудь черезчуръ разгулявшемуся и зазнавшемуся молодому парню добраго пинка кулакомъ или первымъ попавшимся подъ руку предметомъ. Такъ какъ быть провожатой — обязанность далеко не легкая и не спокойная, то за этотъ трудъ всегда дается родителями какъ невѣсты, такъ и жениха хорошее вознагражденіе. Старухи слабыя, смиренныя не берутъ на себя этой обязанности, да такихъ никто и не приглашаетъ.

Молодые ребята, покричавъ, пошумѣвъ и натѣпившись вволю (не менѣе двухъ-трехъ часовъ), расходятся для того, чтобы

немного отдохнуть самимъ, а также дать небольшой отдыхъ и молодымъ. Невѣста въ этотъ промежутокъ времени снимаетъ съ себя свой свадебный и болѣе или менѣе дорогой нарядъ, а также и головныя украшенія, оставляетъ только одинъ или два цвѣтка на головѣ и надѣваетъ на себя хотя и новый, но простой и болѣе дешевый костюмъ; женихъ также снимаетъ съ себя нарядный халатъ и перевязи (хунъ), и оба они поддѣрпываются въ это время пищей.

Но молодые люди разошлись по своимъ домамъ лишь на короткое время. Какъ только начинаетъ темнѣть и въ домахъ зажигаются огни, они дружною толпой вновь собираются въ домъ жениха, собираются на такъ-называемый фа-си-фуръ, къ описанію котораго мы теперь и перейдемъ.

Фа-си-фуръ, т.-е. игры, шутки и насмѣшки надъ молодой.

Какъ только начинаетъ темнѣть, въ домъ жениха приходитъ мулла или ахунъ, заранѣе приглашенный родителями молодого и въ приходѣ котораго они состоятъ. Мулла и на этотъ разъ является со своими учениками. Они также садятся за приготовленные столики и доютъ молитвы и различные стихи изъ корана, поютъ нѣсколько разъ съ небольшими остановками, а въ промежуткахъ хозяинъ дома угощаетъ ихъ чаемъ съ печеньемъ и сушеными фруктами. По окончаніи пѣнія мулла, а съ нимъ вмѣстѣ и присутствующіе, читаютъ про себя дуваръ (молитву). Послѣ чего мулла говоритъ небольшую проповѣдь, въ которой даетъ наставленія, какъ надобно жить молодымъ и прочимъ членамъ семьи, и, пожелавъ затѣмъ новобрачнымъ счастливой благополучной супружеской жизни, уходитъ со своими учениками. И на этотъ разъ ему даютъ небольшое вознагражденіе.

По уходѣ мุลлы, уже собравшіеся во дворѣ молодые люди, гарни, приблизительно одинаковыхъ лѣтъ съ женихомъ, и его бывшіе товарищи (холостые) всѣ, находясь еще подъ впечатлѣніемъ предыдущаго веселья, шумно и со смѣхомъ врываются въ комнату молодыхъ. Комната эта теперь щедро освѣщается свѣчами и небольшими разноцвѣтными фонарями. Молодая все еще продолжаетъ сидѣть со своей провожатой (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы) на канѣ. По требованію толпы, молодая сходитъ съ кана и

становится въ свободномъ углу, обратившись лицомъ къ толпѣ; съ одной ея стороны ставятъ провожатую, а съ другой — молодого, такимъ образомъ молодуха оказывается въ срединѣ между своей провожатой и своимъ мужемъ. Иногда порядокъ этотъ бываетъ и иной, — молодой ставится съ самаго начала вдали отъ своей жены въ одномъ изъ угловъ комнаты, а молодуха со своей провожатой на противоположномъ концѣ или посрединѣ комнаты.

Такъ или иначе установлены молодые, и начинается игра фа-си-фуръ, которая состоитъ въ слѣдующемъ: кто-либо изъ толпы, окружающей молодыхъ, произноситъ грязную, циничную фразу, первую половину которой заставляютъ произносить молодого, а вторую половину, и притомъ нерѣдко еще болѣе грязную и еще болѣе циничную, заставляютъ договаривать молодую. Молодой, ранѣе до этого и самъ не разъ участвовавшій въ такихъ играхъ, не заставляетъ себя долго уговаривать и скоро произноситъ то, что отъ него требуютъ, но молодая, понятное дѣло, стыдится, краснѣетъ, особенно на первыхъ порахъ и, опустивъ глаза книзу, молча, стоитъ и не отвѣчаетъ. Когда не получается отъ молодой долго отвѣта и чтобы побудить ее дать поскорѣе таковой, на молодого изъ толпы начинаютъ сыпаться въ обилии удары, безъ разбора, куда бы они ни попали: наносятъ удары по головѣ, по спинѣ, по бокамъ, куда кто попадетъ, хотя это дѣлается и въ шутку, но въ общемъ бьютъ весьма чувствительно и бьютъ до тѣхъ поръ, пока испуганная молодая не рѣшится, наконецъ, произнести непріятное ей выраженіе и тѣмъ избавить своего благовѣрнаго отъ чувствительныхъ и напрасныхъ ударовъ. Кромѣ того, въ то же время удары и щипки сыплются также и на провожатую, отъ которой требуютъ, чтобы она заставляла поскорѣе говорить молодуху то, что ей приказываетъ толпа. Толпа эта въ настоящее время ведетъ себя крайне безцеремонно и довольно буйно, она нисколько не стѣсняется ни присутствіемъ молоденькой женщины, только что вышедшей замужъ и, быть-можетъ, еще дѣвочки (что въ большинствѣ случаевъ и бываетъ), ни присутствіемъ почтенной и уже солидныхъ лѣтъ старухи, — несмотря на все это, самыя циничныя и отборныя выраженія слышатся безпрестанно, одно другого грязнѣе, и каждое такое выраженіе толпа встрѣчаетъ единодушнымъ одобре-

ниемъ и дружнымъ смѣхомъ всѣхъ присутствующихъ, каждый по этой части старается отличиться другъ передъ другомъ и показать свою находчивость, изобрѣтательность, почти всегда въ этой толпѣ находятся и небольшія дѣти — подростки, но на нихъ равно не обращаютъ никакого вниманія и присутствіемъ ихъ положительно никто не стѣсняется: ближе будетъ къ дѣйствительности, если скажемъ, что присутствующія дѣти скорѣе также принимаютъ участіе въ этихъ играхъ, изъ ихъ устъ то и дѣло также слышится повтореніе тѣхъ же выраженій, которыя говорятъ взрослые. Толпа эта, кричащая и смѣющаяся, остается одинаково строгой и требовательной въ своихъ желаніяхъ и, издѣваясь, потѣшается надъ своими злополучными жертвами еще болѣе, чѣмъ два-три часа тому назадъ, когда она требовала себѣ только одного поклона отъ невѣсты. Теперь эта толпа ведетъ себя еще разнузданнѣе и безшабашнѣе, она даетъ своему языку самый широкій просторъ и волю, а родители жениха и нѣкоторые родные, сидя въ сосѣдней комнатѣ, хотя и слышатъ все это ясно и отчетливо, но терпѣливо, молча, все переносятъ, такъ какъ, въ силу укоренившагося обычая, ничего не могутъ сдѣлать, чтобы хотя немного остановить расходившихся молодыхъ парней, да они объ этомъ и не думаютъ. Чѣмъ богаче свадьба и чѣмъ вліятельнѣе родители молодыхъ, тѣмъ фа-си-фуръ бываетъ многолюднѣе и проходитъ шумнѣе, веселѣе, игривѣе и циничнѣе. О женихѣ и говорить нечего. Онъ всѣ, достающіеся на его долю, колотушки и пинки, по большей части весьма чувствительные, переноситъ терпѣливо, молча, такъ какъ онъ хорошо знаетъ, что ему въ данномъ случаѣ ничего не подѣлать, онъ въ это время весь во власти этой толпы, которая надъ нимъ и его невѣстой въ данное время деспотически потѣшается. Провожатая старуха всѣми силами начинаетъ протестовать противъ разгулявшихся, не въ мѣру расходившихся молодыхъ ребятъ, она и на этотъ разъ не щадитъ своего горла, кричитъ и ругается изо всей силы, но все это тоже нисколько не помогаетъ, а напротивъ, за всякій ея протестъ ей стараются еще болѣе насолить и еще злѣе отплатить, и этимъ бѣдную старуху доводятъ до полного бѣшенства и ярости. Помимо того, что она переноситъ побои и насмѣшки, ей еще кто-нибудь изъ толпы вымажетъ лицо сажей, а кто-нибудь накинеть на нее рваный и грязный

хомутъ, кто вытретъ ей лицо и носъ грязной тряпкой, а кто старается засунуть за воротникъ обломанный грязный же вѣникъ, однимъ словомъ, всякій старается что-нибудь выдумать, изобресть такое, что старуху только бѣситъ, а толпѣ доставляетъ удовольствіе и смѣхъ. Въ большинствѣ случаевъ молодая изъ состраданія къ своему мужу и изъ сожалѣнія къ своей провожатой вынуждена бываетъ хотя шопотомъ произнести ненавистное и противное ей выраженіе, тогда поднимается одобрительный смѣхъ, хохотъ и шумъ всей толпы, всѣ тогда выхваляютъ бойкую молодую, а на старуху донельзя сыплются остроты и насмѣшки. Кто-нибудь изъ толпы восхваляетъ красоту и прелести молодой, а другой, рядомъ стоящій парень мимикой и пантомимами выражаетъ безобразіе старухи, копируетъ ее лицо и походку, все представляя въ смѣшномъ видѣ, все это приводитъ старуху еще въ большую ярость и бѣшенство.

Но толпа все болѣе и болѣе воодушевляется и входитъ въ азартъ, настойчиво требуя отъ молодой, чтобы она громко и отчетливо, чтобы всѣ слышали, произносила самыя грязныя и циничныя выраженія, у нея на глазахъ стоятъ слезы, она проситъ пожалѣть ее, избавить отъ столь тяжелаго и крайне непріятнаго для нея требованія, но просьба ея не принимается во вниманіе, мужу и старухѣ то-и-дѣло наносятся частые и нерѣдко весьма тяжеловѣсные удары и побой, и молодая съ большимъ трудомъ, пересиливая себя, по необходимости произносить то, что ей приказываетъ толпа. Получивъ отвѣтъ, толпа раздражается дружнымъ гомерическимъ хохотомъ, далеко разносящимся въ почной тишинѣ, а надъ старухой какой-нибудь находчивый парень опять выкинуть какую-нибудь злую, потѣшную штуку, и смѣхъ еще болѣе усилился. Но вотъ изъ толпы напелся одинъ, который предъявилъ необыкновенное требованіе, до того оно грязно и цинично, что дальше уже итти некуда. Молодой, чисто механически, не отдавая себѣ отчета отъ множества полученныхъ имъ толчковъ и ударовъ, произнесъ скоро и вятно то, что отъ него требовалось. Теперь дѣло за молодой... она не рѣшается, колеблется, просто не можетъ... на лицѣ ея слезы и отчаяніе, но разгулявшаяся и вошедшая въ азартъ толпа остается безпощадной, на положеніе молодой не обращаетъ ровно никакого вниманія, а напротивъ, издѣвается и потѣшается все больше

и больше, но пока молодая собирается съ силами, на мужа ея со всѣхъ сторонъ щедрою рукою то-и-дѣло сыплются удары да удары, которые съ каждымъ разомъ дѣлаются все больнѣе и чувствительнѣе, и каждый такой ударъ тяжело и больно отзывается въ ея сердцѣ. Не только въ глазахъ толпы, но и сама молодая считаетъ себя невольной виновницей такого большого количества ударовъ, получаемыхъ ея мужемъ, почему наконецъ превозмогши себя, она съ громкимъ плачемъ и дикимъ воплемъ произноситъ ненавистное ей выраженіе. Толпа, какъ бы пораженная, на мгновеніе затихла и замерла, но только на мгновеніе, раздался вдругъ громкій торжествующій смѣхъ и ликованіе всей этой толпы. Дальше этого уже итти некуда. Но, конечно, это бываетъ не на каждомъ фа-си-фуръ.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько діалоговъ, происходящихъ между мужемъ и женой въ присутствіи означенной толпы; между этими діалогами часто нѣтъ никакой логической связи, но они на фа-си-фур'ахъ получили широкое распространеніе, почему и являются обычными. Молодой обыкновенно задаетъ вопросъ или спрашиваетъ, молодая отвѣчаетъ своему мужу. Все зависитъ нерѣдко отъ умѣнія мужа поставить или задать вопросъ, но также много зависитъ отъ смѣлости и находчивости молодой дать удачные отвѣты на поставленные вопросы, если только она не растеряется въ самомъ началѣ вечера, что, конечно, случается весьма часто.

<p>Молодой спрашиваетъ:</p> <p>— Хунъ ла-цзы лю баръ
У краснаго перца — зеленый
стебель.—</p> <p>— Канъ бянъ-ди
Канъ низокъ. (Подъ каномъ
будто бы въ данномъ случаѣ
подразумѣваются половые ор-
ганы молодой).</p> <p>— Цзѣ-кай хунъ любя
Открой одѣяло.</p> <p>— Цюй-ха-ди нюй-цзы синъ
чжанъ.</p> | <p>Молодая отвѣчаетъ:</p> <p>— Ту минъ янъ иче суй варъ.
До разсвѣта рожу малень-
каго ребенка.</p> <p>— Шанъ канъ бу чу ми.
Подняться на канъ можно
безъ труда.</p> <p>— Гунъ цзи ня му-цзи.
Пѣтушокъ топчетъ курочку
подъ одѣяломъ.—</p> <p>— Мэй мэй ха канъ цзинъ-чу-
фанъ.</p> |
|--|---|

Фамилія вышедшей за меня
дѣвушка—Чжанъ.	Младшая сестра твоя, сойдя съ кана, пошла на кухню
— Лай цзинъ куай цзу фань.	— Мэй мэй ѣ-бу янь.
Поскорѣй дѣлай обѣдъ (подъ обѣдомъ подразумѣвается процессъ совокупленія).	Младшая сестра твоя не замѣщается.
— Цянъ шанъ и до хуа.	— Хуа би чжень момода.
На стѣнѣ цвѣтокъ.	Цвѣтокъ больше хлѣбца чжень.
— Пи пиръ цзай лянге чы.	— Жанъ-жанъ вэй цзай ди ва-Амякишомъ.
Корочку хлѣбца мы двое съѣдимъ.	Покормимъ нашихъ дѣтокъ.
— Шу-та-о-би. Хлѣбецъ шутао плосковатъ (маленькій; подъ хлѣбцемъ шутао подразумѣваются груди женскія).	— Мянъ-мо-ци.
	Тѣсто не скисло, т.-е. груди малы потому, что она еще не имѣла ничего такого (coitus), отчего онѣ обыкновенно увеличиваются.

При чемъ молодой лѣзетъ за пазуху и ощупываетъ груди своей жены, изъ чего онъ можетъ заключить «честная ли она», кромѣ того запускаетъ свою руку черезъ широкій рукавъ ея кофты и доходитъ до подмышки и нюхаетъ не пахнетъ ли потомъ, на основаніи чего онъ судитъ о ея чистоплотности. Игры, которыя наиболѣе часто употребляются во время фа-си-фуръ, суть слѣдующія :

Да-цянъ, т.-е. стрѣлять изъ ружья.

Молодую садятъ на табуретку или на скамейку, а молодой помѣщается противъ нея на полу, при чемъ беретъ ея ногу и, прицѣливаясь какъ бы изъ ружья, говоритъ :

— Цы!..	Молодая отвѣчаетъ:
Звукъ вспыхнувшего пороха — Ба-о	на затравкѣ. Звукъ безъ выстрѣла.
— Да-дву лё мою?	— Да-дву-лё.
Убилъ или нѣтъ?	Убилъ.
— Да-дву лё са?	— Да-легё я-цзы.
Кого убилъ?	Убилъ утку.
— Гунъ-ди-ма муди?	— Му-ди.
Селезня или утку?	Утку.

Молодой, держа въ своихъ рукахъ ногу жены своей, ощупываетъ ее всю и такимъ образомъ узнаетъ о ея величинѣ. Нѣкоторыя красавицы, съ цѣлю хотя въ первое время произвести болѣе выгодное и пріятное о себѣ впечатлѣніе, прибѣгаютъ къ небольшому обману, а именно: чтобы ножка казалась маленькой, онѣ подкладываютъ подъ пятку деревяшку и всю стопу подтягиваютъ къ нижней части икры.

Чы-гуа-мянъ, т.-е. псть лапшу.

Молодыхъ садятъ на разстояніи четырехъ-пяти аршинъ другъ отъ друга, одинъ конецъ длинной нитки беретъ въ ротъ молодой, а другой—молодая, и оба постепенно ее втягиваютъ обѣ въ ротъ, и, забирая нитку каждый себѣ все болѣе въ ротъ, они, постепенно приближаясь, поворачиваются лицомъ другъ къ другу, нитку же молодые до тѣхъ поръ втягиваютъ себѣ въ ротъ, пока губы ихъ не сойдутся вмѣстѣ, при чемъ молодой цѣлуетъ свою жену и узнаетъ, не пахнетъ ли у нея изо рта. Присутствующая же публика смѣется и спрашиваетъ, вкусна ли лапша.

Чже-хуа, т.-е. рвать цветы.

Кто-нибудь изъ молодежи втыкаетъ въ стѣну цвѣтокъ, и втыкаетъ настолько высоко, что молодая сама, безъ постоянной помощи, не можетъ его достать.

Молодой говоритъ:

— Цзянь-шанъ игэ хуа
На стѣнѣ цвѣтокъ одинъ.

Молодая отвѣчаетъ:

— Мэй мэй сянь дэй та; ли бу
ляо: геге ча и ха.

Младшая твоя сестра думаетъ приколоть его себѣ на голову, но не можетъ достать.
Старшій братецъ подними меня.

Молодой беретъ свою жену на руки и поднимаетъ ее настолько высоко, чтобы она могла достать воткнутый въ стѣну цвѣтокъ. Случается, что женихъ малъ ростомъ, а цвѣтокъ постарается нарочно воткнуть настолько высоко, что молодая хотя

сидитъ на рукахъ своего мужа, но не можетъ достать цвѣтка, тогда опять на него скупаются удары и побои. Молодая въ это время и конфузится, и ей жаль своего мужа, въ такихъ случаяхъ на помощь приходитъ провожатая, которая помогаетъ молодому поднять повыше его невѣсту, и послѣдняя кое-какъ срываетъ цвѣтокъ. Но, за небольшими исключеніями, играющая молодежь почти никогда не допускаетъ, чтобы провожатая помогала молодому, а непременно требуетъ, чтобы онъ самъ поднялъ свою жену и помогъ ей сорвать цвѣтокъ, и молодой находится въ такихъ случаяхъ довольно долгое время въ затруднительномъ положеніи, надъ нимъ зло подсмѣиваются и подшучиваютъ, да и больно бьютъ его, пока, наконецъ, молодуха какъ-нибудь не изловчится сорвать цвѣтокъ. Много также бываетъ смѣху и достается колотушекъ молодому, если онъ окажется малосильнымъ между прочимъ, даже и по молодости лѣтъ, почему и не можетъ еще поднять свою и нерѣдко еще также юную жену. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, или когда женихъ бываетъ хромой или калѣка, ему помогаетъ провожатая старуха (шу-цинъ-ди-лао-по-цзы). Этимъ почти всегда оканчивается игра фа-си-фуръ. Еще разъ упоминаемъ, что мы привели самую ничтожную часть выраженій, которыя говорятся во время фа-си-фуръ, такъ какъ большая часть ихъ до того грязны и циничны, что приводитъ ихъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Точно также мы привели здѣсь наиболѣе употребительныя и пользующіяся любовью игры у дунганъ, которыми они занимаются во время фа-си-фуръ.

Фа-си-фуръ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ молодые люди не устанутъ, или, вѣрнѣе говоря, пока всѣмъ не надоѣстъ играть. Насмѣявшись до упаду, натѣшившись вволю надъ женихомъ и невѣстой и поиздѣвавшись елико возможно надъ провожатой старухой, молодые люди, и сами очень уставшіе ютъ черезчуръ возбужденно-проведенной ночи, расходятся по домамъ. Иногда фа-си-фуръ продолжается всю ночь и кончается лишь съ восходомъ солнца. Какъ намъ говорили, фа-си-фуръ иногда служитъ для нѣкоторыхъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы отомстить жениху за старую обиду или оскорбленіе, и послѣдній среди прочихъ ударовъ эти удары особенно чувствуетъ на себѣ,— но даже и помимо этого, жениху и провожатой старухѣ достается

слишкомъ много. Передаютъ, что молодого во время фа-си-фуръ иногда до такой степени избиваютъ (и все это подъ видомъ шутки!!) что въ первую брачную ночь онъ бываетъ не въ силахъ совершить coitus со своей молодой женой,—бока сильно помяты, на тѣлѣ что-называется, нѣтъ нигдѣ живого мѣста, голова трещить и плохо соображаетъ отъ полученныхъ побоевъ, въ ушахъ стоитъ шумъ, на лицѣ и на другихъ частяхъ тѣла синяки, онъ еле передвигаетъ ноги, и въ такомъ видѣ онъ представляетъ изъ себя не властнаго и побѣдоноснаго мужа, а жалкую и порой смѣшную фигуру.

По уходѣ забавлявшихся почти всю ночь взрослыхъ парней и ребятъ въ комнату новобрачныхъ являются молодя замужнія женщины, и притомъ самыя близкія родственницы со стороны жениха, и которыя оставались все время въ его домѣ и сидѣли въ сосѣдней комнатѣ, услаждая себя чаемъ съ домашнимъ печеньемъ и неизбѣжными сушеными фруктами. Эти женщины терпѣливо дожидались, пока кончится фа-си-фуръ, иныя успѣли и заснуть, развалившись тутъ же на канѣ. Какъ самыя близкія родственницы, онѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней принимали самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, почему большой шумъ и гамъ, происходившій въ сосѣдней комнатѣ во время бурнаго и безшабашнаго фа-си-фуръ, нисколько имъ не помѣшалъ заснуть. Означенныя родственницы ведутъ молодыхъ спать въ особо приготовленную для нихъ комнату, или же устраиваютъ имъ постель въ той же самой комнатѣ, въ которой только-что кончился фа-си-фуръ. На канѣ также ставятъ столикъ, на которомъ для молодыхъ приготовленъ чай съ фруктами, дешевыми сладостями и домашнимъ печеньемъ, и всего этого ставится вдоволь.

Оставшись вдвоемъ съ мужемъ, молодая наливаетъ чай мужу и себѣ. За чаемъ молодой, какъ передавали мнѣ, спрашиваетъ молодую, «желала ли она выйти за него замужъ», или «по добровольному ли желанію она вышла за него замужъ». Какъ извѣстно, до этого они никогда близко не встрѣчались и видѣть другъ друга такъ близко, какъ теперь, имъ еще не приходилось, почему въ данную минуту, представъ другъ передъ другомъ, они оказываются интересными незнакомцами; они стѣсняются одинъ другого; но молодая, понятное дѣло, смо-

трить въ это время на своего мужа не столько съ любопытствомъ, сколько испуганно, и сильно волнуясь и смущаясь, даетъ утвердительный отвѣтъ. Молодой женѣ на первыхъ же порахъ предстоитъ завоевать себѣ расположеніе мужа, и въ этомъ направленіи она получила соотвѣтствующія наставленія отъ своей матери и отъ своихъ молодыхъ родственницъ, недавно вышедшихъ замужъ,—и здѣсь, въ данную минуту, при свѣтѣ каганца не обходится безъ кокетства! На вышеприведенный вопросъ мужа дать отрицательный отвѣтъ молодой и въ голову не приходитъ—въ противномъ случаѣ это значило бы превратить только-что начинающуюся свою семейную жизнь, что-называется, въ адъ кромѣшный, и молодая отвѣчаетъ утвердительно. Получивъ пріятный для своего самолюбія отвѣтъ, молодой даетъ своей женѣ пять рублей или болѣе, это смотря по состоянію: деньги эти называются цзянь-мянь-ди-цзянь, т.-е. «деньги за то, что увидѣлъ лицо ея».

Напившись чаю, закусивъ и обмѣнявшись нѣсколькими незначущими вопросами, молодая, здѣсь же на канѣ, стелетъ постель и раздѣваетъ мужа, снимаетъ съ него только чулки и халатъ и раздѣвается сама. Комната всю ночь освѣщается каганцемъ, фитилемъ для котораго на этотъ разъ служитъ красный шнурокъ, и именно тотъ, который молодая вылетала въ свою дѣвичью косу. Одни мнѣ этотъ обычай такъ объясняли: въ эту ночь навсегда оканчивается (сгораетъ, уничтожается) дѣвичество (дѣвственность) молодой, почему долженъ сгорѣть и шнурокъ, который она, будучи дѣвушкой, вылетала въ свою косу, или со сгораніемъ дѣвичьяго шнурка должна одновременно сгорѣть или сгораетъ и дѣвственность молодой,—а другіе такъ мнѣ объясняли: шнурокъ этотъ въ первую ночь супружеской жизни горитъ болѣе ярко нежели другіе шнурки, почему и желаютъ, чтобы супружеская жизнь новобрачныхъ горѣла всегда такъ же ярко, т.-е. протекала бы счастливо и благополучно, какъ ярко горитъ этотъ шнурокъ въ первую ночь ¹⁾. Незамѣтно для молодого, молодая подстигаетъ (главнымъ образомъ, подъ себя) большой бѣлый платокъ или кусокъ бѣлой матеріи, который послѣ перваго coitus'a она прячетъ, чтобы

¹⁾ Но этотъ обычай не во всѣхъ дунганами соблюдается, причины этого указать не могу.

таковой при первой встрѣчѣ передать своей матери. Когда молодые улягутся спать, у дверей ихъ подслушиваетъ жена старшаго брата молодого, если таковая имѣется, или одна изъ родственниковъ его, но лѣтами непременно должна быть старше молодого, и о результатѣ подслушиванья передаетъ съ разными подробностями и добавленіями матери молодого. Другіе родственники, а тѣмъ болѣе знакомые, отнюдь объ этомъ не должны знать, такъ какъ это считается большимъ стыдомъ. Когда найдутъ, что молодые достаточно выпались, то, по возможности, рано утромъ старшая невѣстка или же одна изъ старшихъ родственниковъ стукомъ въ двери будить молодыхъ и, получивъ въ пріотворенныя двери нѣсколько денегъ отъ молодой, (каковыя деньги на этотъ случай даются матерью ея), подаетъ имъ тазъ и теплую воду для омовенія послѣ coitus'a, каковое омовеніе и совершаетъ молодая въ присутствіи своего мужа. Молодые одѣваются и выходятъ въ другую комнату, пока будутъ убирать ту, въ которой они провели ночь, и выносятъ тазъ съ водой, — тазъ этотъ закрывается въ такихъ случаяхъ краснымъ платкомъ или просто краснымъ кумачомъ... Когда комната будетъ убрана, молодые опять возвращаются туда же и ѣдятъ поданный имъ утренній завтракъ (цао-фань).

Послѣ завтрака молодой одинъ, въ сопровожденіи только своего пэй-ню-сю, ѣдетъ ко всѣмъ тѣмъ лицамъ (за исключеніемъ родителей невѣсты), которые сдѣлали ему и его женѣ подарки къ свадьбѣ, и дѣлаетъ имъ поклонъ (чанъ-же). Молодая также отдѣльно и въ сопровожденіи только одной изъ четырехъ цюй-цинъ-ди, одѣтая въ самый лучший нарядъ и убравъ по возможности голову различными золотыми или серебряными украшениями и цвѣтами и нарумянивъ лицо свое, ѣдетъ дѣлать поклонъ (бэй), также всѣмъ тѣмъ, кто сдѣлалъ подарки ей и ея мужу.

Пока молодые дѣлаютъ, каждый отдѣльно, визиты и отвѣшиваютъ установленные поклоны, въ это время у нихъ на дому собираются исключительно ближайшіе родственники, для которыхъ готовится хорошей обѣдъ. На этотъ разъ родственники, и притомъ ближайшіе, для того приглашаются, чтобы ввести молодую въ кругъ всей своей родни. И на этотъ разъ каждый изъ приглашенныхъ даритъ молодой какой-либо, хотя неболь-

шой и нецѣнный, подарокъ, а именно: кто даритъ немного денегами, кто—матеріей бумажной или шелковой, кто—мотокъ шелковыхъ нитокъ, и т. д. Также во время вышеупомянутаго посѣщенія молодою ей дѣлають подарки, но подарки эти беретъ не она сама, а неотступно при ней находящаяся и ее сопровождающая цюй-цинъ-ди и укладываетъ ихъ въ телѣгѣ, а уже дома она можетъ ими распорядиться, какъ хочетъ.

Черезъ три дня послѣ свадьбы, утромъ, свекровь редеть знакомить молодуху съ членами ея новой семьи—«женѣ-да-сяю», т.-е. «знакомиться съ великими и малыыми». Подводя молодую къ каждому члену своей семьи и обязательно по старшинству въ лѣтахъ, свекровь приказываетъ ей сдѣлать поклонъ (бэй), и въ это время говоритъ ей, какъ она должна называть такого члена семьи. «Это твой дѣдушка, ты такъ и называй его съ этого времени», это твой дядя, это твой старшій братъ, это тетка твоя, это старшая или младшая твоя сестра и т. д., пока не представитъ всѣхъ.

Познакомившись со всѣми находящимися въ домѣ родственниками, съ которыми съ этого времени обречено судьбой жить ей долгіе годы, и поговоривъ съ ними немногое время, она идетъ въ свою комнату, (въ которой проводила первую брачную ночь) и наряжается въ лучшее платье, какое только ей сдѣлано женихомъ, и надѣваетъ на себя наиболѣе дорогія украшенія, имѣющіяся въ ея распоряженіи; точно также надѣваетъ на себя лучшія одежды и молодой, и, вмѣстѣ или порознь, они ѣдутъ къ тестю и ихъ родственникамъ на поклонъ. Молодыхъ сопровождаетъ: со стороны молодого—одинъ изъ его товарищей, по возможности ближайшихъ, который въ этомъ случаѣ называется пэй-кэй, т.-е. «сопровождающій гость», и со стороны молодой—одна изъ ея знакомыхъ, непременно молодая женщина, и которая также называется пэй-кэй. Если со стороны молодого сопровождающій его пэй-кэй не блещетъ нарядомъ, т.-е. его костюмъ мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго будничнаго, то сопровождающая молодую пэй-кэй не упускаетъ случая блеснуть самыми лучшими и дорогими нарядами и украшениями, какіе только у нея имѣются: на головѣ обязательно масса искусственныхъ цвѣтовъ, нужно отдать дунганкамъ полную справедливость, искусно сдѣланныхъ ихъ руками.

Въ домѣ тестя еще наканунѣ идутъ дѣятельныя приготовления, чтобы съ честью встрѣтить молодыхъ, убираютъ по-красивѣе одну изъ комнатъ и готовятъ обѣдъ. Тесть со своими сыновьями и ближайшими родственниками встрѣчаетъ молодыхъ у воротъ дома. Женихъ, не доѣзжая пяти-шести шаговъ, слѣзаетъ съ лошади вмѣстѣ съ сопровождающимъ его пѣй-кѣй, и ихъ провожаютъ въ ограду двора. Одинъ изъ братьевъ, если таковой есть, или изъ ближайшихъ родственниковъ высаживаетъ молодую изъ телѣги и несетъ ее до воротъ двора. Молодой, войдя во дворъ, всѣмъ находящимся тамъ мужчинамъ, какъ родственникамъ, такъ и постороннимъ, хотя послѣднихъ бываетъ очень мало, дѣлаетъ поклоны (чанъ-же); поклоны дѣлаетъ по-старшинству. Отдавъ поклоны всѣмъ мужчинамъ, пѣй-кѣй подводитъ молодого къ той комнатѣ, въ которой находятся собравшіяся женщины, и, не входя туда, пѣй-кѣй спрашиваетъ, сколько нужно молодому сдѣлать поклоновъ. Получивъ отвѣтъ, молодой одинъ входитъ въ комнату и дѣлаетъ столько поклоновъ, сколько было сказано. Въ большинствѣ случаевъ на женской половинѣ молодымъ отвѣщается больше поклоновъ, такъ какъ которая-либо изъ женщинъ, желая подтрунить надъ молодымъ или чтобы разсмотрѣть его получше, называетъ число женщинъ, находящихся въ комнатѣ, гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ на самомъ дѣлѣ въ комнатѣ, но число поклоновъ молодымъ безпрекословно отвѣщается столько, сколько было сказано. Вслѣдъ за мужемъ кланяется молодая, прежде она также отвѣщаетъ поклоны всѣмъ мужчинамъ во дворѣ, и затѣмъ входитъ на женскую половину по выходѣ оттуда мужа и учиняетъ поклоненіе всѣмъ женщинамъ. Въ это время присутствуетъ и мать молодой, которая съ понятнымъ безпечностью слѣдитъ за каждымъ движеніемъ и шагомъ своей дочки. Здѣсь молодая въ это именно время вручаетъ матери бѣлый платокъ, тотъ самый, который она подкладывала подъ себя въ первую брачную ночь и на которомъ имѣются слѣды перваго coitus'a. Мать показываетъ этотъ платокъ находящимся тутъ же женщинамъ, но только по выходѣ дочери въ другую комнату, — и присутствующіе убѣждаются такимъ образомъ, что молодая была дѣвственница; родственницы же жениха благодарятъ мать за то, что она воспитала свою дочь въ правилахъ доброй нрав-

ственности и сумѣла сохранить ее чистою. Но нѣкоторые мнѣ передавали, что показыванье платка не обязательно, а нѣкоторые и совсѣмъ будто бы не считаютъ нужнымъ показывать.

Молодого, по учиненіи и отданіи имъ поклоновъ всѣмъ присутствующимъ (не исключая и работниковъ, если таковые находятся въ домѣ тестя), вводятъ съ его пэй-кэй въ особо приготовленную комнату, гдѣ и угощаютъ ихъ. Въ этой комнатѣ находятся ближайшіе родственники невѣсты. Прежде всего подаютъ на тринадцать блюдечкахъ (ши-сань-хуа дѣзы, т.-е. тарелочки, изображающія тринадцать цвѣтковъ ¹⁾), фрукты, сахаръ, конфеты, печенье, послѣднее, кромѣ домашняго, иногда покупается и подается, главнымъ образомъ, нашего Сіу или Абрикосова, а затѣмъ уже чай. Тестъ, довольный и радостный, желая выказать свое вниманіе и расположеніе къ гостямъ, самъ разливаетъ чай, накладываетъ имъ сахаръ, раскалываетъ и лущитъ орѣхи, которые кладетъ вмѣстѣ съ другими сладостями на столъ передъ каждымъ гостемъ. Гости за такое вниманіе къ нимъ хозяина то-и-дѣло благодарятъ его. Во время этого угощенія настроеніе духа у присутствующихъ радостно-спокойное, между ними происходитъ мирная бесѣда, изъ груди хозяина нерѣдко вырывается облегченный вздохъ, что столъ серьезнаго и важнаго дѣла пришелъ къ благополучному концу. Послѣ 2—3 чашекъ чаю все убирается и подаются пильмени (бѣшь). Когда пильмени будутъ съѣдены, опять подаютъ чай, но на этотъ разъ уже безъ сладостей, только подается одинъ чай. Только послѣ этого, выпивъ чашку-двѣ чаю, молодой идетъ повидаться съ матерью своей жены, и видится съ нею онъ въ первый разъ. При этомъ свиданіи ни родственники ни посторонніе не присутствуютъ. Какъ передавали мнѣ, происходитъ трогательная сцена. Мать, со слезами на глазахъ, проситъ молодого любить ее дочь, быть къ ней снисходительнымъ, такъ какъ она еще не опытна въ хозяйствѣ, благодаря тому, что очень молода, проситъ ее учить и наставлять и прибавляетъ, что она будетъ покорной, любящей и трудолюбивой ему женой. Проситъ, чтобы

¹⁾ Или же я не попалъ, или мнѣ плохо объясняли, но только я не могъ выяснитъ себѣ значеніе этого обряда или обычая и что здѣсь означаетъ число „тринадцать цвѣтковъ.“

и родные его, по крайней мѣрѣ, на первое время, относились снисходительно къ промахамъ и недостаткамъ ея дочери и любили бы ее. Растроганный молодой все обѣщаетъ исполнить и уходитъ, оставляя мать одну, которая продолжаетъ плакать.

Послѣ свиданья съ матерью, молодой, въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ тестя, ѣдетъ съ визитами по домамъ его родни. Каждому родственнику и знакомому тестя онъ, молодой, кланяется (чанъ-же), его угощаютъ фруктами и чаемъ, а нѣкоторые, кто побогаче, то и обѣдомъ. Хорошо, что дунганскіе обѣды не тяжеловѣсны, и каждаго блюда подается очень понемногу, а то бы, безъ вреда для здоровья, невозможно было съѣсть въ одинъ день нѣсколько обѣдовъ подрядъ и притомъ каждый обѣдъ въ десять съ лишнимъ блюдъ!! А между тѣмъ оставшіяся въ домѣ тестя провожатый молодого, пэй-кэй, уходитъ, куда ему вздумается, если знаетъ, что родни, которую долженъ обѣхать молодой, очень много, и пэй-кэй возвращается не за долго до того времени, когда, по его предположенію, долженъ возвратиться молодой.

Молодую, по отъѣздѣ ея мужа, оставшуюся въ домѣ своихъ родителей, вводятъ въ ту же самую комнату, въ которой только-что угощали молодого, и ее также здѣсь угощаютъ съ ея пэй-кэй и другими присутствующими здѣсь женщинами. Порядокъ угощенія молодой, число подаваемыхъ блюдъ и проч. и проч. вполне одинаковы и сходны съ тѣмъ самымъ, какой наблюдался только-что передъ этимъ во время угощенія молодого въ этой же самой комнатѣ. Послѣ угощенія молодая въ телѣгѣ отправляется на поклонъ къ своимъ родственникамъ.

По отданіи молодымъ поклоновъ всѣмъ, кому таковые слѣдуетъ отдать, онъ возвращается въ домъ тестя, и здѣсь молодого и его пэй-кэй опять угощаютъ обѣдомъ и также изъ тринадцати блюдъ; послѣ обѣда молодому подносятъ на подносѣ въ подарокъ одежду для него самого или для жены его; пэй-кэй принимаетъ одежду и благодаритъ за нее тестя, а молодой идетъ въ это время на женскую половину и учиняетъ поклонъ тещѣ и всѣмъ тѣмъ женщинамъ, которыя готовили обѣдъ. Поклономъ этимъ онъ благодаритъ за обѣдъ, который исключительно дѣлали для него и для жены его въ этотъ день, и за то, что такимъ хорошимъ угощеніемъ ему, со стороны ро-

дителей невесты, были оказаны большое вниманіе и честь, чѣмъ онъ глубоко тронуть и за что очень имъ благодаренъ. Послѣ того молодой возвращается къ себѣ домой. Точно также такимъ же обѣдомъ угощаютъ и молодую, возвратившуюся послѣ отданія поклоновъ всѣмъ своимъ родственникамъ, и она уѣзжаетъ въ домъ мужа со своей пэй-кэй. И опять—происходитъ трогательное прощанье молодой со своимъ отцомъ и матерью и прочими членами своей семьи, трогательно молодая прощается со своими маленькими братьями и сестрами, сама общается не забывая ихъ и, въ свою очередь, просить, чтобы и они не забывали ее и также, какъ и прежде, любили бы ее и вспоминали бы о ней чаще. И на этотъ разъ слезъ проливается немало, но теперь уже плачь не такой тяжелый, какъ въ день свадьбы. Молодую провожаютъ за ворота дома, маленькіе братья и сестры бѣгутъ насколько возможно дальше за уѣзжающею сестрою и ревутъ благимъ матомъ! Но не всегда бываетъ такъ...

Въ этотъ же день тестъ отправляетъ молодымъ тѣ чашки и ложки (палочки), изъ которыхъ и которыми они ѣли у него въ этотъ день. Посылается тринадцать чашекъ, столько же блюдечекъ и столько же паръ ложекъ, (палочекъ) (куэй-цзы). Чашки дарятся только тогда, когда тестъ богатый или болѣе или менѣе состоятельный, бѣдные же не посылаютъ ихъ.

Дней черезъ 8—10, наконецъ, и родители молодыхъ, дотолѣ не видавшіеся и старавшіеся въ силу обычая даже не встрѣчаться, дѣлаютъ другъ другу визиты и обильно угощаются. Прежде дѣлаютъ визиты родители жениха отцу и матери невесты, а послѣдніе уже оплачиваютъ имъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ со дня свадьбы, свекровь отправляетъ молодую погостить къ родителямъ ея. Тутъ молодая на этотъ разъ живетъ цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіе этого времени молодой не посѣщаетъ ни жены своей ни родителей ея, какъ бы ему этого ни хотѣлось, во избѣжаніе насмѣшекъ надъ его слабостью. Родители же его ѣздятъ туда, когда это имъ вздумается. Молодая въ теченіе этого времени старается подучиться по хозяйству и особенно старается пополнить свои познанія по части кухни и т. д. Въ то же время она приготовляетъ всѣмъ домашнимъ мужа подарки—какъ-то: кому хай-цзы, кому наушники, кому чулки и мѣшочки для денегъ и т. д., подарки ва-

готовляетъ некрупные. По возвращеніи въ домъ мужа, она таковыя раздаетъ кому какой предназначила заранѣе. Съ этого времени молодая уже не можетъ оставлять домъ мужа своего ни на одну ночь. Только въ крайнихъ случаяхъ она можетъ поѣхать на нѣсколько дней къ своимъ родителямъ, когда кто-либо изъ нихъ или кто-либо изъ ея братьевъ и сестеръ тяжело заболѣетъ.

Черезъ годъ, или не ранѣе шести мѣсяцевъ, свекровь возитъ свою невѣстку по своимъ родственникамъ и знакомитъ ее съ ними. Это называется «женъ-цинъ», т.-е. знакомится съ родственниками.

Къ вышеуказанному слѣдуетъ добавить, что младшая сестра не можетъ выйти замужъ прежде старшей; младшій братъ также не можетъ жениться прежде старшаго. Это ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть нарушаемо; исключеній, будто бы, никакихъ не допускается, можетъ быть, и такъ—утверждать не берусь.

О выходѣ замужъ вдовъ и разводовъ.

Вдова можетъ и имѣетъ право выйти замужъ только по окончаніи траура, продолжительность котораго установлена у дунганъ для вдовъ въ сто тридцать дней со дня смерти мужа. Въ теченіе этого времени (т.-е. когда извѣстная женщина стала вдовою) люди небогатые, или же хотя и со средствами, но рассчетливые, а также бѣдные молодые люди, не располагающіе достаточными средствами, или по какимъ-либо другимъ причинамъ не считающіе въ скоромъ времени взять въ замужество дѣвушку, лично дѣлаютъ самой вдовушкѣ предложеніе. Охотниковъ взять дешевую жену у дунганъ бываетъ постоянно много, почему претенденты одинъ передъ другимъ употребляютъ всѣ усилія и пускаютъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность и находчивость, чтобы склонить интересующую ихъ вдовушку на свою сторону. Солидный претендентъ обѣщаетъ уплатить всѣ долги перваго ея мужа, если таковыя остались послѣ смерти послѣдняго; другой искатель старается склонить на свою сторону сердце вдовы щедрыми подарками и обѣщаетъ закупить побольше дорогихъ нарядовъ и цѣнныхъ украшеній, а бѣднякъ, по обыкновенію, пред-

лагааетъ только свое горячее сердце и даетъ увѣренія въ пылкой и неизмѣнной любви до конца дней своихъ. Каждое изъ этихъ предложеній заманчиво, особенно если вдова молоденькая, но положительный отвѣтъ все же рѣдко даетъ своимъ искателямъ, она колеблется и, не рѣшаясь сразу кому-либо отдать предпочтеніе, большею частію проситъ каждого дожидаться окончанія срока траура, т.-е. установленныхъ для этого ста тридцати дней, послѣ чего судьба ея непременно должна очень скоро рѣшиться, что въ дѣйствительности такъ и бываетъ. Факты нерѣдко показываютъ, что, несмотря на свою, повидимому, полную самостоятельность, которой пользуются вдовы, она выходитъ замужъ часто противъ своего желанія, неожиданно даже для самой себя, такъ какъ столь лакомый призъ часто и неожиданно достается тому счастливцу, который изъ нихъ окажется искуснѣе или сильнѣе. Дѣлается это обыкновенно такъ: какой-либо искатель, не будучи увѣренъ въ томъ, что ему непременно отдастся вдовушка добровольно, заранѣе подговариваетъ чловѣкъ тридцать—сорокъ, а то и болѣе своихъ товарищей и добрыхъ знакомыхъ помочь ему силою взять намѣченную вдову. Охотниковъ до приключеній и сильныхъ ощущеній бываетъ всегда немало и среди дунганъ, да притомъ это одно изъ немногихъ и притомъ невинныхъ средствъ поразнообразить довольно монотонно протекающую жизнь. А такъ какъ подобное средство практикуется издавна и считается поэтому обычнымъ и нисколько не предосудительнымъ, то въ задуманномъ предпріятіи участвуютъ зачастую люди солидныхъ лѣтъ, съ установившимся хорошимъ общественнымъ положеніемъ и богатые. Понятное дѣло, что участвующею молодежью предварительно составляются проекты и обсуждаются всесторонне различные планы, предлагаемые каждымъ въ обиліи, чтобы по возможности предпріятіе удалось, чтобы не сдѣлаться послѣ поэмѣшищемъ въ глазахъ всей деревни. Какъ только кончается послѣдній день траура, то часто, лишь только смеркнется, вечеромъ того же стотридцатаго дня, извѣстная партія, заранѣе подговоренная, вооружившись дубинами и чѣмъ попало, но непременно верхомъ на лошадяхъ, по возможности незамѣтно, съ извѣстными предосторожностями, окружаетъ дворъ и домъ, въ которомъ живетъ вдова; смѣльчаки силою врываются въ него, берутъ вдову, нерѣдко противъ всякаго ея желанія и, нисколько

не обращая вниманія на ея протесты и крики, тащатъ въ домъ искателя ея руки или претендента, который тутъ же участвуетъ въ предпріятіи или, говоря правильнѣе, въ похищеніи; по большей части онъ самъ же является руководителемъ и самъ же старается завладѣть намѣченной жертвою. Заранѣе подговоренный мулла уже дожидается и, лишь только доставятъ благополучно въ домъ похитителя вдову, хотя бы то и силою и противъ ея воли, какъ мулла спѣшитъ прочитать установленную для брака молитву (ника), послѣ которой все уже считается оконченнымъ. Случается, что двѣ партіи сталкиваются у дома вдовы, и та партія одерживаетъ верхъ, которая окажется сильнѣе. Иногда возвращающуюся партію и владѣющую уже интересною и заманчивою добычей настигаетъ другая, болѣе сильная партія и отбиваетъ вдову. Въ томъ и другомъ случаѣ обыкновенно происходитъ порядочная свалка, во время которой встрѣтившіеся противники нерѣдко сильно увѣчатъ другъ друга, не говоря уже о порядочномъ числѣ подбитыхъ глазъ, вышибленныхъ зубовъ и другихъ болѣе мелкихъ поврежденій. Но въ подобныхъ случаяхъ никакихъ тяжбъ и жалобъ обыкновенно не возникаетъ, такъ какъ до суда дѣло не доходитъ, а все кончается миромъ, полюбовно,—шутками, насмѣшками и остротами другъ надъ другомъ. На другой день счастливый обладатель вдовы и мужъ колеетъ нѣсколько штукъ барановъ или другой какой скотины, приглашаетъ родныхъ съ своей стороны и со стороны жены, знакомыхъ, товарищей и, конечно, всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ предпріятіи, способствуя успѣшному похищенію дамы его сердца,—приглашаетъ также нѣсколько ахуновъ и муллъ съ ихъ учениками, и всѣхъ ихъ угощаетъ. И въ данномъ случаѣ обѣдъ безъ рѣчей и проповѣдей со стороны ахуновъ и муллъ не обходится, но эти обѣды проходятъ болѣе шумно и оживленно, такъ какъ предметомъ разговора служить, главнымъ образомъ, событіе вчерашняго дня со всѣми мелочными его эпизодами, почему даже важные и строгіе муллы и ахуны позволяютъ себѣ шутки и остроты. Этимъ все дѣло обыкновенно и кончается.

Сила и находчивость, надо полагать, обаятельно дѣйствуютъ и на сердце дунганской женщины, и если случится, что послѣдняя (хотя бы и какъ вдова, свободно собою располагающая) будетъ отбита и похищена мужчиной, за котораго до этого она ни-

когда не думала выходить замужъ, она покорно мирится со случившимся такъ неожиданно и даже противъ ея воли обстоятельствомъ, она дѣлается вѣрною женою болѣе счастливаго обладателя, какъ проявившаго большую находчивость, силу и ловкость, чтобы ею овладѣть.

Иногда похищеніе устраивается съ вѣдома и согласія самой вдовы, для чего искатель ея руки предварительно уговаривается какъ съ нею самой, такъ и съ ея родными. Заручившись согласіемъ и уговорившись о времени, когда именно онъ долженъ произвести похищеніе, женихъ этотъ съ нѣсколькими своими товарищами въ условленное время подъѣзжаетъ къ дому, гдѣ живетъ вдова, спокойно похищаетъ ее, чему содѣйствуютъ и самыя родственники вдовушки, а затѣмъ благополучно, т.-е. безъ всякихъ приключеній, доставляетъ ее въ свой домъ. Мулла, заранѣе приглашенный, также и здѣсь дожидается и, по прибытіи жениха съ его дамой, немедленно читаетъ полагающіяся для брака молитвы, послѣ чего свадьба считается оконченной. Все это продѣлывается, главнымъ образомъ, людьми бережливими, расчетливими какъ съ той такъ и съ другой стороны, т.-е. людьми, которые не желаютъ дѣлать лишнихъ расходовъ на свадьбу.

Съ разводками поступаютъ точно такъ же, какъ и со вдовами. Разведенная жена можетъ выйти замужъ только тогда, когда у нея со дня развода повторятся три раза регулы (сангэ юецзянь или сангэ харцзу), т.-е. приблизительно черезъ три мѣсяца. Разведенную жену, какъ и вдову, часто добываютъ черезъ похищеніе.

О многоженствѣ.

Многоженство у дунганъ, какъ и у другихъ мусульманскихъ народовъ, допускается свободно. Мнѣ передавали, что есть не мало дунганъ, у которыхъ, будто бы, имѣются двѣ и три жены, но это относится, какъ говорятъ, къ дунганамъ китайскимъ поданнымъ и живущимъ въ Китаѣ, у дунганъ же, живущихъ въ Россіи, это наблюдается очень рѣдко. Я довольно долго прожилъ вблизи каракунuzскихъ дунганъ, и за это время не изаю ни одного примѣра, чтобы у кого-либо изъ дунганъ селенія Каракунuzъ было двѣ жены. Но если и случается, что дунганингъ беретъ себѣ вторую жену, то это происходитъ скорѣе вслѣдствіе

крайней необходимости или же поневоля; такъ: братъ беретъ въ замужество жену съ дѣтьми своего же умершаго родного брата, если вдовѣ его некуда дѣваться, или если она, выждавъ срокъ траура (130 дней), не пожелаетъ выйти замужъ за посторонняго. Но такіе случаи бываютъ очень рѣдко, такъ какъ вдовы у дунганъ обыкновенно не засиживаются, а быстро расхватаются, какъ мы видѣли, и ихъ даже не хватаетъ для постороннихъ, желающихъ всегда добыть жену, которая обошлась бы, по возможности, недорого.

Дунгане не берутъ больше одной жены по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, дунгане по своей натурѣ очень бережливы и расчетливы, и, исходя изъ этого, рѣдкій изъ нихъ рѣшится взять вторую жену, во-вторыхъ, и потому, что ранѣе взятая жена, т. е. первая, изъ ревности будетъ стараться изводить свою соперницу всякими елико возможными и доступными ей средствами, дунганки же въ такихъ случаяхъ отличаются мстительностью и злостью.

По мусульманскому обычаю первая жена считается старшею въ домѣ, госпожею, почему она сама можетъ ничего не дѣлать, а лишь распоряжаться и повелѣвать остальными женами, какъ ей угодно, такъ какъ остальныя жены считаются младшими женами. Все хозяйство лежитъ на первой женѣ, она отдаетъ распоряженія и приказанія по хозяйству внутри дома на весь день, начиная съ кухни: утромъ она выдаетъ съѣстные припасы и распредѣляетъ ихъ расходование и проч. и проч., она назначаетъ кому дѣлать какія работы, однимъ словомъ—вся программа рабочаго дня въ домѣ исходитъ отъ первой жены, какъ старшей въ домѣ, какъ госпожи, и ею устанавливается; всѣ же младшія жены, какою бы любовью и вниманіемъ ни пользовались со стороны мужа, обязаны безпрекословно подчиняться старшей женѣ, и хотя мужъ въ данномъ случаѣ есть и неограниченный глава и повелитель семьи, однако, мало что можетъ измѣнить изъ упомянутаго режима въ угоду своей младшей любимицѣ. Пророкъ, разрѣшивъ своимъ послѣдователямъ многоженство, позаботился о первой женѣ, предоставивъ ей въ награду и утѣшеніе большія права и преимущества въ домѣ мужа сравнительно съ младшими женами. И это понятно: вторая и слѣдующія жены появляются въ домѣ правовѣрнаго мусульманина по большей части тогда,

когда красота первой жены уже нѣсколько поблекла, когда она начинает увядать или же просто уже успѣла почему-либо ему падоубсть. Каковы бы ни были причины—но любовь мужа если не на всегда, то на долго охладѣваетъ къ ней, у него появляются новыя привязанности и страсти, и первой женѣ, въ награду за причиненное ей оскорбленіе и униженіе, предоставлено про рокомъ право быть старшей въ домѣ, госпожей, и, какъ таковой, ей всѣ младшія жены должны повиноваться и слушаться, и правомъ этимъ она пользуется по большей части вполнѣ самостоятельно и по своему усмотрѣнію.

Но, несмотря на предоставленный первой женѣ извѣстный авторитетъ, разъ въ домѣ появляются новыя жены, между ними съ перваго же дня начинаютъ происходить ссоры, которыя скоро переходятъ въ открытую непримиримую и жестокою вражду, затягивающуюся на многіе годы. Мужъ оказывается въ крайне затруднительномъ и прямо невозможномъ положеніи: разобраться ему во всѣхъ дрязгахъ и столкновеніяхъ, возникающихъ между его женами, является дѣломъ далеко не легкимъ—принять сторону одной—значитъ обидѣть другую. Въ большинствѣ случаевъ мужъ-многоженецъ не можетъ рѣшить, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ,—и, повидимому, такъ старательно и заботливо уготованный имъ для себя рай превращается для него же въ невыносимый и кромѣшный адъ, жить въ которомъ даже для право вѣрнаго мусульманина, вѣрящаго въ предопредѣленіе, не хватаетъ силъ и терпѣнія.

Но, кромѣ этого, существуютъ другія причины, по которымъ дунгане не берутъ себѣ больше одной жены. Если бы какой-либо дунганинъ, обзаведшись двумя или тремя женами, в послѣдствіи по какимъ-либо даже весьма важнымъ обстоятельствамъ или соображеніямъ, вздумалъ отпустить, дать разводъ которой-либо изъ женъ, то для такого акта (несмотря на всю важность обстоятельствъ, его вызывающихъ) съ его стороны потребуется немало силы воли и характера. Дѣло въ томъ, что у дунганъ считается въ высшей степени не только неудобнымъ, но прямо невозможнымъ дать разводъ которой-либо изъ женъ, такой дунганинъ навлекаетъ на себя не только неудовольствіе, но и сильное негодованіе, даже глубокое презрѣніе всего общества. Дать разводъ—это значитъ прослыть въ глазахъ своего общества человекомъ легкомыслен-

нымъ, неразсчетливымъ и неосновательнымъ, на котораго нельзя положиться ни въ какомъ болѣе или менѣе важномъ дѣлѣ, короче сказать — это значитъ — потерять всякое уваженіе и авторитетъ среди своихъ односельчанъ, которые прекратятъ съ нимъ всякія сношенія, что сдѣлаетъ его жизнь прямо невыносимою.

Но, и помимо всего этого, давши разводъ, такой дунганинъ навлекаетъ на себя вражду и ненависть не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ родственниковъ разведенной жены. Последняя, какъ и всѣ ея родственники сочтутъ разводъ для себя тяжелой обидой и оскорбленіемъ; они въ такихъ случаяхъ всѣми силами постараются отомстить своему оскорбителю, а мстятъ дунгане жестоко, — какой-либо поводъ, чтобы замаскировать настоящую причину мести, у нихъ всегда найдется. Я, кажется, уже упоминалъ, что дунгане по натурѣ своей очень злопамятны и мстительны и полученныхъ ими оскорбленій они не забываютъ, почему мало найдется охотниковъ и среди нихъ наживать себѣ злѣйшихъ непримиримыхъ враговъ и жить поэтому всегда въ страхѣ за цѣлость и спокойствіе своей жизни.

Есть и еще одна причина, вслѣдствіе которой у дунганъ не привилось и не можетъ привиться многоженство: причина эта — вліяніе китайской культуры, китайской цивилизаціи. Несмотря на то, что дунгане — магометане и притомъ фанатитики и что они страшно ненавидятъ китайцевъ, но вліяніе культуры послѣднихъ сильно отразилось и отражается на жизни дунганъ въ многоразличныхъ ея проявленіяхъ. Вліяніе это безспорно отразилось и на положеніи женщины у дунганъ, и притомъ, безъ сомнѣнія, въ лучшую сторону. Женщина у дунганъ пользуется большимъ уваженіемъ, гораздо большими правами и самостоятельностью, нежели у сартовъ и киргизовъ; она не такъ замкнута и изолирована отъ міра, какъ у послѣднихъ. Какъ извѣстно, у китайцевъ семейная жизнь стоитъ высоко, и женщина у нихъ не является покорной безответной рабой, какъ у другихъ азіатскихъ народовъ, исповѣдующихъ исламъ, а она есть полноправный членъ семьи и общества, — таковой взглядъ на женщину и такое къ ней отношеніе перешли отъ китайцевъ и къ дунганамъ. Исходя изъ этого, рѣдко какой отецъ и мать изъ дунганъ согласится отдать свою дочь замужъ за человѣка, уже женатаго, да правильнѣе будетъ сказать, что такихъ родителей и не найдется среди дун-

ганъ. Послѣдніе хорошо знаютъ, что въ такомъ случаѣ дочь ихъ ожидаетъ не тихая и счастливая семейная жизнь съ мужемъ, а безконечный рядъ мучительныхъ сценъ и тяжелыхъ страданій, способныхъ отравить жизнь молодой и совсѣмъ неопытной еще женщины въ самомъ началѣ, не говоря уже о подчиненномъ положеніи въ новой семьѣ и полной зависимости отъ первой жены; у дунганъ же такъ сильно развита любовь къ дѣтямъ, что никто изъ нихъ не согласится поставить свою дочь въ такое положеніе. Селеніе Каракунузъ заключаетъ въ себѣ болѣе 3000 душъ обоого пола, но я никогда еще не слышалъ, чтобы у кого-либо изъ жителей этого селенія было двѣ жены, а пророкъ разрѣшилъ своимъ послѣдователямъ имѣть одновременно четыре жены, но никакъ не болѣе.

Мы знаемъ, что киргизы и сарты въ большинствѣ случаевъ, лишь только имъ позволяютъ средства, заводятъ себѣ по двѣ и болѣе женъ, и только недостатокъ матеріальныхъ средствъ останавливаетъ завести болѣе одной жены. У дунганъ эта причина не можетъ служить препятствіемъ къ многоженству, такъ какъ большинство дунганъ отличается полною зажиточностью, а многіе изъ нихъ очень богаты и имѣютъ большія деньги.

Я слышалъ также, что дунгане смотрятъ на многоженство снисходительно, но въ жизнь, какъ мы знаемъ и видимъ, они не проводятъ его, и оно у нихъ не привилось; значитъ, существуютъ какія-либо уважительныя причины, которыя вліяютъ на нихъ сильнѣе ихъ религіозныхъ воззрѣній, заключающихся въ ихъ священной книгѣ «коранъ», и одною изъ этихъ причинъ и притомъ причинъ, весьма существенныхъ и глубокихъ, мы признаемъ вліяніе китайской культуры.

О незаконномъ сожительствѣ.

Къ незаконному сожительству дунгане относятся не только неодобрительно, но прямо враждебно, и такъ относятся къ нему одинаково какъ мужчины, такъ и женщины, послѣднія еще болѣе къ нему настроены враждебно, нежели первые. Да оно и понятно: женщина у дунганъ, несмотря на то, что мусульманская религія поставила ее въ рабское и подчиненное положеніе къ мужчинамъ, является полною хранительницею домашняго очага, который она

ревниво и оберегаетъ, видя въ немъ одною свое счастье и благополучіе.

Мужъ безусловно довѣряетъ своей женѣ, она вполне самостоятельно ведетъ свое домашнее хозяйство, воспитаніе дѣтей, а нерѣдко и первоначальное ихъ обученіе лежитъ на ней, да иначе и быть не можетъ: мужъ то-и-дѣло отлучается изъ дому по торговымъ и другимъ дѣламъ, и притомъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и жена въ отсутствіе мужа вполне замѣняетъ его, она ведетъ все хозяйство и ведетъ старательно и бережливо, чтобы не причинить не только ущерба, но, напротивъ, постарается съэкономить, какъ-нибудь выгадать, чтобы приобрести большее довѣріе и расположеніе мужа. Вслѣдствіе такихъ причинъ между ними устанавливается крѣпкая нравственная связь, въ основѣ которой лежитъ чистота супружескихъ отношеній и вѣрность супружескому долгу съ той и другой стороны, вотъ почему дунгане съ презрѣніемъ и чувствомъ гадливости относятся къ незаконному сожителству, и ни одинъ изъ нихъ не станетъ ни ѣсть, ни пить въ такомъ домѣ, гдѣ живутъ нелегальнымъ, незаконнымъ бракомъ. Такое воззрѣніе, существующее у дунганъ на незаконныя, нелегальныя связи, не есть только результатъ религіозныхъ ихъ воззрѣній, но въ меньшей степени оно есть выраженіе социальна-экономическихъ условій, выработанныхъ самою ихъ жизнью, которая сложилась подъ вліяніемъ различныхъ и многообразныхъ факторовъ помимо религіознаго ихъ вѣроученія, — а одинъ изъ крупнѣйшихъ и существенныхъ факторовъ въ жизни дунганъ — это ихъ уже упомянутое выше близкое духовное и физическое родство съ китайцами и вліяніе на нихъ культуры послѣднихъ. Языкъ, которымъ говорятъ дунгане, вѣрованія ихъ въ добрыхъ и злыхъ духовъ, форма одежды, пища, украшенія, вся домашняя утварь, способы обработки полей, огородовъ, уходъ за животными, ихъ кормленіе и пр., — все это чисто китайское и позаимствовано ими отъ китайцевъ давнымъ-давно; почему все это и вошло въ ихъ плоть и кровь. Но, конечно, нельзя отрицать и могущественнаго вліянія исповѣдуемой дунганями религіи, которой они преданы до фанатизма, и мы, хотя и вскользь, но уже не разъ отмѣчали, какимъ громаднымъ вліяніемъ и значеніемъ у нихъ пользуются ахуны и муллы, которымъ они безусловно довѣряютъ, и отъ которыхъ такіе крупныя, по

своему значенію, факты, какъ незаконное сожительство, ни подъ какимъ видомъ не ускользнуть.

Не касаясь сейчасъ вопроса о происхожденіи дунганъ, скажемъ только, что многіе выдающіеся синологи считаютъ ихъ китайцами, принявшими мусульманство, и данныхъ для этого, какъ мы уже видѣли, много. Между прочимъ, лично намъ пришлось видѣть нѣсколько человѣкъ китайцевъ, которые за нѣсколько лѣтъ до этого (5—8) приняли мусульманство, послѣ чего они, (да и всѣ прочіе), уже стали называть себя дунганями или хой-хой. Произошли ли дунгане отъ однихъ только китайцевъ, принявшихъ мусульманство, этотъ вопросъ еще остается открытымъ; по нашимъ наблюденіямъ, въ типѣ дунганъ есть безспорно примѣсь тюркской крови. Учеными синологами и другими, жившими долгое время въ Китаѣ, отмѣченъ фактъ, что китайцы, принявшіе мусульманство, кореннымъ образомъ перерождаются подъ вліяніемъ новой религіи. Перешедшіе въ мусульманство китайцы уже никогда и ни подъ какимъ видомъ не назовутъ себя китайцами, а хой-хой (мусульманингъ), мало этого,—они дѣлаются злѣйшими и непримиримыми врагами своихъ недавнихъ сородичей-китайцевъ. Обыкновенно довольно равнодушные къ своей религіи, которую они позаимствовали отъ предковъ, съ переходомъ въ мусульманство, они, напротивъ, дѣлаются яркими фанатиками и самыми ревностными исполнителями ученія Магомета; это одинаково относится какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ,—однимъ словомъ, происходитъ полное перерожденіе не только духовное и моральное, но и физическое; до этого вялый и мало подвижный китаецъ, равнодушный къ себѣ и своей участи, ставъ мусульманиномъ, дѣлается энергичнымъ, рѣшительнымъ, цѣнигъ высоко свою жизнь, оставляетъ такія пагубныя привычки, какъ куреніе опія и проч.

Такое вліяніе на дунганъ исповѣдуемой ими религіи отразилось, конечно, и во взглядѣ на отношенія ихъ къ лицамъ, живущимъ нелегальною связью, почему безгласность дунганъ въ данномъ случаѣ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, а именно: посуда, ложка, чашка и другіе какіе-либо предметы, побывавшіе въ рукахъ женщины, живущей подобною связью, считаются погаными, и брать ихъ въ руки признается постыднымъ, позорнымъ, это, значитъ, осквернять себя. Весьма рѣдко также какой-либо дун-

ганингъ зайдетъ въ такой домъ, если къ тому не побудитъ его важное неотложное дѣло. Женщинѣ же, живущей нелегальной связью, нельзя показаться на улицу; свои ближайшіе родственники и знакомые, а также и постороннія будутъ отъ нея отворачиваться, а мальчишки встрѣтятъ ее насмѣшками, бранными словами и въ догонку пошлютъ ей въ спину нѣсколько тяжеловѣсныхъ камней, да и живущая такимъ образомъ женщина сама не рѣшится показаться на улицу, при такомъ единодушномъ взглядѣ всего общества на нелегальныя связи: у нея не хватитъ на это ни силы воли, ни мужества. О томъ же, какой крикъ и вопль негодованія поднимутъ всѣ муллы и ахуны, нечего и говорить, это само-собою разумѣется: такая парочка не одинъ разъ послужитъ предметомъ для ихъ проповѣдей, какъ въ мечетяхъ, такъ и на обѣдахъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, всегда бываетъ масса народу, въ особенности же на послѣднихъ, а при такихъ условіяхъ и при такомъ настроеніи общества мало найдется охотниковъ изъ мужчинъ между дунганами завести нелегальную связь, а еще менѣе можно встрѣтить между дунганскими женщинами охотницъ, которыя пожелали бы вступить въ подобную связь.

Всѣ вышеприведенныя условія и обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, не могли способствовать развитію незаконнаго сожителства между дунганами, и таковое, если иногда и встрѣчается, то представляетъ явленіе исключительное. До настоящаго времени мы знаемъ въ Каракунузѣ всего одинъ случай незаконнаго сожителства, но виновники его подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, руководимаго и направляемаго не только муллами и ахунами, но и почетными стариками, должны были скоро соединиться законнымъ бракомъ и нарушенное было спокойствіе и ровное теченіе повседневной жизни быстро вошло въ свою колею къ глубокому удовольствію и великой радости всѣхъ правовѣрныхъ дунганъ; соблазнъ, который могъ бы распространиться и повліять заразительно на другихъ, былъ подавленъ общими силами въ самомъ непродолжительномъ времени.

Точно также весьма рѣдко случается, чтобы женатые дунганы заводили на сторонѣ любовницу, это также у нихъ считается крайне постыднымъ и предосудительнымъ; односельчане, если узнаютъ про это (а грѣхъ этотъ, какъ бы тщательно ни скрывался, всегда когда-нибудь да узнается и выходитъ наружу), будутъ зло

и беспощадно надъ нимъ смѣяться и издѣваться, а если это доидеть до муллы или ахуна, что всегда и случается, то они выберутъ наиболѣе подходящій удобный случай, и публично, при многочисленномъ обществѣ, упрекнуть, изобличить его, и тогда стыду и сраму не будетъ конца. Подобныя отношенія и взгляды общества также не предрасполагаютъ къ тому, чтобы заводить на сторонѣ любовныя интриги. Осмѣянный и изобличенный, самъ будетъ избѣгать общества, да и жена его, которую добродѣтельная сосѣдки постараются обо всемъ этомъ поставить въ извѣстность и притомъ непременно съ разными добавленіями и неизбѣжными преувеличеніями, постоянно то-и-дѣло будетъ устраивать своему мужу всевозможныя сцены, самаго непріятнаго, конечно, характера, и въ этомъ случаѣ она мститъ не только мужу, но еще больше его любовницѣ; послѣдней достается еще и отъ другихъ женщинъ, которыя остаются далеко неравнодушны къ подобному факту,—главнымъ образомъ, со стороны родственницъ оскорбленной жены. Правда, и у дунганъ извѣстенъ обычай мести въ чисто азіатскомъ (или китайскомъ) вкусѣ,—такъ, въ селеніи Токмакъ, вскорѣ по прибытіи моемъ въ этотъ край, одна дунганка, мужъ которой измѣнилъ и какъ-то ухитрился завести любовницу, не могла перенести нанесеннаго ей оскорбленія и отравилась оцѣмъ, въ полной увѣренности, что ея мужа и любовницу постигнетъ жестокая кара, но этого не случилось.

Весь строй и укладъ семейной жизни сложился такъ у дунганъ, да, должно быть, и у другихъ мусульманскихъ народовъ, что завести любовную интригу не легко, при всемъ даже желаніи. Женщина у дунганъ хотя и пользуется большею самостоятельностью и правами сравнительно съ женщинами другихъ народовъ Азіи, исповѣдующихъ исламъ, но все же сфера ея дѣятельности ограничивается исключительно тѣсными рамками семейной жизни; съ ранняго утра и до поздней ночи жизнь ея проходитъ на глазахъ всѣхъ членовъ семьи, притомъ жизнь эта полна разносторонняго труда, какой выпадаетъ на долю каждой женщины въ азіатской семьѣ, ей весьма и весьма много приходится работать по хозяйству; правда, посторонніе не видятъ этой работы. Благодаря такому характеру дѣятельности у мусульманъ, въ умственномъ отношеніи она не ниже мужчинъ

своего народа. Притомъ отлучиться куда-либо изъ дому дунганка можетъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, — а именно: въ случаѣ смерти или болѣзни кого-либо изъ ея ближайшихъ родственниковъ или родственницъ. Даже выйти за дворъ, чтобы набрать ведро воды изъ протекающаго мимо дома арыка, ей почти не приходится, потому что эту столь незначительную работу исполняютъ мужчины. Я много разъ бывалъ въ Каракунузѣ и мнѣ въ разѣ не приходилось видѣть, чтобы женщина шла по улицѣ и несла воду, почему устраивать тайныя встрѣчи и свиданія при такихъ условіяхъ—дѣло слишкомъ трудное, если только совсѣмъ невозможное. До настоящаго времени у мусульманскихъ народовъ и въ частности у дунганъ жизнь еще не создала такой обстановки и такихъ формъ, при которыхъ могли бы, по желанію, въ какое угодно время, происходить свободныя сношенія между обоими полами внѣ дома.

Если же и случается завести любовницу какому-либо дунганину, то онъ сдѣлалъ это не потому, что онъ женился не по любви или по неволѣ. Нѣтъ, у парня, когда его женятъ, родители не спрашиваютъ никакого согласія, да имъ это и въ голову не приходитъ: такъ велось изстари, давнымъ-давно, такъ и теперь они дѣлаютъ. Точно также не спрашиваютъ согласія и у дѣвушки, когда ее выдаютъ замужъ. Сыновья и дочери безпрекословно повинуются волѣ родителей. Какъ женихъ не знаетъ, красивая или дурная дѣвушка ему предназначена въ жены, точно такъ же и послѣдняя не знаетъ ничего о своемъ будущемъ мужѣ—красавецъ или же уродъ онъ будетъ,—въ этомъ случаѣ обѣ стороны, вступающія въ бракъ, находятся совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ. Причина, по которой иногда жена измѣняетъ своему мужу—это старость послѣдняго, когда онъ сдѣлается неспособенъ къ супружеской жизни, или же тяжелый деспотическій характеръ его, доведшій жену до отчаянія и ожесточенія,—тогда у нея является желаніе измѣнить, скорѣе отомстить опротивѣвшему и надоѣвшему ей мужу. Точно также случается, что и мужъ измѣняетъ своей женѣ, когда она слишкомъ безобразна или стара, и она ему ужъ очень надоѣсть, опротивѣеть. Но поименованные случаи встрѣчаются въ жизни дунганъ рѣдко, такъ какъ для приведенія въ исполненіе подобнаго рода намѣренія для той и другой стороны требуется

стеченіе многихъ благоприятныхъ условій, на что рассчитывать трудно или создавать таковыя самимъ участникамъ является дѣломъ почти невозможнымъ, да, впрочемъ, и прибѣгать къ подобнаго рода приключеніямъ, влекущимъ за собой, какъ мы видѣли, массу неприятностей, нерѣдко, съ опасностью для жизни, нѣтъ особой нужды, такъ какъ каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ всегда можетъ выйти изъ невозможнаго и крайне тягостнаго для нея положенія, прибѣгнувъ для этого къ законному средству—разводу, которымъ дунгане и пользуются въ извѣстныхъ случаяхъ.

Похищеніе дѣвиць.

Обычай похищенія дѣвиць-невѣстъ у дунганъ, собственно говоря, нѣтъ и не было, и по условіямъ ихъ жизни таковой обычай не могъ развиваться; но иногда въ исключительныхъ случаяхъ и они прибѣгаютъ къ этому экстраординарному средству. Одинъ такой случай нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ въ Каракунузѣ на нашихъ глазахъ. Дѣло въ томъ, что одну уже сговоренную и сосватанную за одного молодого человѣка дѣвушку родители послѣдней, послѣ перехода жениха въ противную партію, рѣшились выдать за другого, а прежнему жениху отказали. Такъ какъ это было противно установившимся обычаямъ, которые къ тому же дунгане соблюдаютъ весьма твердо, то вышелъ громаднѣйшій скандалъ, принявшій крупныя размѣры. Случай былъ неслыханный и невиданный. Но чего только дунгане не дѣлаютъ изъ ненависти другъ къ другу!.. Въ виду небывалаго отказа и считая себя опозореннымъ, прежній женихъ рѣшилъ похитить свою невѣсту, тѣмъ болѣе, что и она, какъ оказалось впоследствии, согласилась быть похищенной, такъ какъ любила своего жениха. Однимъ словомъ, вышелъ настоящій романъ въ европейскомъ вкусѣ. Дѣло это въ свое время надѣлало большого шума между мусульманами вообще, не говоря уже о дунганахъ, среди которыхъ оно разыгралось. Дѣло дошло до уѣздной администраціи, посыпались энергичныя жалобы начальству съ той и другой стороны, и въ Пишпекскомъ уѣздномъ управленіи объ этомъ имѣется цѣлая переписка, но мнѣ не удалось ее прочитать. Рекомендую будущему бытописателю дунганъ обратить вниманіе на это дѣло и прочитать его, въ немъ

найдется не мало бытовыхъ и характерныхъ для дунгахъ чертъ.

Похищеніе невѣстъ-дѣвушекъ между дунганами никогда, будто бы, не случалось, такъ какъ за это неизбежно слѣдовала смертная казнь (?!) или же родственники похищенной дѣвицы сами беспощадно расправлялись съ похитителями. Похищеніе же дѣвушекъ-китайнокъ дунгане часто учиняли, какъ объ этомъ они сами говорятъ, но никогда не выдавали китайскимъ властямъ своихъ единовѣрцевъ, виновныхъ въ похищеніи. Это, какъ передаютъ сами же дунгане, также одна изъ многихъ причинъ ненависти китайцевъ къ дунганамъ, и это обстоятельство (или причина) занимаетъ далеко, будто бы, не послѣднее мѣсто въ развившихся непріязненныхъ отношеніяхъ между китайцами и дунганами и перешедшихъ потомъ въ открытую, жестокую и непримиримую между ними вражду, которая въ концѣ-концовъ разразилась продолжительнымъ кровопролитнѣйшимъ по своей безпримѣрности возстаніемъ, продолжавшимся много лѣтъ подъ рядъ и закончившимся добровольнымъ переходомъ части дунганъ въ русское подданство.

Ө. В. Поярковъ.

Г. Вѣрный Семирѣч. обл.
1907 года Декабря 4 дня.

О былинномъ царѣ Калинѣ.

Въ тотъ періодъ моихъ занятій былинами, когда мнѣ представлялись допустимыми въ значительномъ количествѣ мотивы иранскихъ эпическихъ сказаній въ нашемъ эпосѣ, я, между прочимъ, указалъ на нѣкоторое сходство быliny объ Ильѣ и царѣ Калинѣ съ иранскимъ сказаніемъ о боѣ Рустема съ тюркскимъ богатыремъ Калуномъ.

Аналоги между русскимъ и иранскимъ сказаніями были мною резюмированы въ слѣдующихъ семи пунктахъ:

- 1) Критическое положеніе государства и царя (князя).
- 2) Пріѣздъ къ царю (князю) избавителя въ лицѣ Рустема (Ильи).
- 3) Богатырь избавитель ѣдетъ вмѣстѣ съ царемъ (княземъ).
- 4) Царь (князь) не принимаетъ лично участія въ битвѣ съ неприятелемъ, старающимся преградить путь.
- 5) Богатырь (Рустемъ, Илья) бьется съ цѣлымъ войскомъ неприятеля (турокъ, татаръ).
- 6) Машетъ схваченнымъ туркомъ (татаринномъ), пролагая себѣ путь.
- 7) Убиваетъ затѣмъ, подбросивъ вверхъ, предводителя неприятелей (Калуна—Калина).¹⁾

Въ настоящее время я не повторилъ бы приведенной схемы, такъ какъ она не была выведена изъ изученія и сравненія всѣхъ наличныхъ вариантовъ быliny и, конечно, не повторилъ бы предположенія, что въ имени былиннаго царя Калина могло сохраниться имя, упоминаемаго въ Шахнамѣ, тюркскаго богатыря Калуна. Считаю совершенно недопустимымъ такое предположеніе,

¹⁾ См. мои Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892 г., стр. 76 и слѣд.

попыталось приискать для имени царя Калина другое болѣе правдоподобное объясненіе.

Для нашей цѣли нѣтъ необходимости предпринимать разбора всѣхъ вариантовъ былинь о нашествіи Калина, число которыхъ доходитъ до двадцатидвухъ ²⁾. Сходясь въ общемъ содержаніи, варианты представляютъ значительную разногласицу въ частностяхъ, но все же могутъ быть сведены къ двумъ группамъ. Въ одной въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является Самсонъ Самойловичъ (Манойловичъ, Нанойловичъ, Колывановичъ), называемый дядей главнаго богатыря Ильи Муромца ³⁾, въ другой—Ермакъ Тимофеевичъ, называемый иногда племянникомъ князя Владимира, иногда просто молодымъ богатыремъ 12 или 17 лѣтъ ⁴⁾. Схема содержанія былинь *первой* группы такова. Къ Киеву приступаетъ царь Калинъ съ сорока царями со царевичами, съ сорока королями королевичами, при чемъ у каждаго силы по сорока тысячечей, а у самого Калина силы смѣты нѣтъ. Калинъ отправляетъ въ Киевъ къ Владимиру посла съ ярлыкомъ, требующимъ дани и сдачи города. Богатырей въ Киевѣ не случалось, и кн. Владимиръ, по обыкновенію, падаетъ духомъ, даже плачетъ. На выручку по обыкновенію является Илья Муромецъ, при чемъ иногда онъ прѣзжаетъ во-время въ Киевъ, иногда выпускается изъ погреба, куда вслѣдствіе ссоры былъ засажонъ княземъ Владимиромъ и сохраненъ въ-живыхъ заботами княгини или княжны. Простивъ Владимира, Илья ѣдетъ къ Калину просить отерочки и затѣмъ отправляется разыскивать Самсона Самойловича и другихъ богатырей въ чисто поле. Богатыри, оскорбленные Владимиромъ, сначала отказываются, затѣмъ соглашаются биться съ татарами, но не спѣшатъ и заваливаются

¹⁾ Рыбниковъ III №№ 35, 36; Гильердингъ №№ 57, 105, 138, 92 (=Рыбн. I 21), 69, 121 (= Рыбниковъ I 22), 75, 170, 296, 304; Тихоновъ-Миллеръ II №№ 9, 10, 11, 12; Шайкинъ—Олонецкій фольклоръ. 1906 г., № 3; Григорьевъ III, № 200 (незд.); „Живая Старина“, 1895, кн. III и IV, стр. 426 (изъ Вельскаго у. Вологодской губ.); Марковъ—Бѣлом. был. № 2; Кирѣевскій I, стр. 66—70. Кирша Даниловъ, стр. 100—104.

²⁾ Рыбниковъ III № 35, 36; Гильердингъ №№ 57, 75, 296, 304 Тихоновъ-Миллеръ II № 11, Живая Старина, 1895, кн. III и IV, стр. 426; Марковъ № 2; Григорьевъ № 200 (нездан.).

⁴⁾ Гильердингъ №№ 105, 138, 69, 92 = Рыбниковъ I 22; Тихоновъ-Миллеръ II № 10.

спать въ шатрахъ. Илья ѣдетъ биться одинъ, избиваетъ множество татаръ, но попадаетъ въ подкопъ и связанъ чембурами. Ведомый на казнь, онъ разрываетъ путы, схватываетъ татарина и избиваетъ имъ другихъ. Доведенный до изнеможенія, онъ посылаетъ стрѣлу къ Самсону, чтобы извѣстить о своемъ положеніи. Самсонъ съ русскими богатырями пріѣзжаетъ на выручку и всѣ вмѣстѣ доканчиваютъ избіеніе татаръ. Кáлинь убѣгаетъ, заикаваясь впредь бывать на Руси. Иногда дѣло кончается убійствомъ Кáлина, иногда приводомъ его въ Кіевъ и отпускомъ съ обязательствомъ платить дань Владимиру. Богатыри возвращаются въ Кіевъ, и князь задаетъ имъ пирь.

Былины второй группы ⁵⁾ начинаются тѣмъ же приступомъ царя Кáлина къ Кіеву и отправкой посла съ требованіемъ сдачи города. Владимиръ проситъ богатырей защитить его. Но Илья совѣтуетъ послать Кáлину дань (Гильфердингъ № 138) съ просьбой объ отсрочкѣ на 2 мѣсяца. Затѣмъ онъ уѣзжаетъ съ другими богатырями въ чистое поле, разбиваетъ шатры и отдыхаетъ. Владимиръ печалится объ отъѣздѣ богатырей, отсутствующихъ уже три мѣсяца (Гильфердингъ № 69). Молодой Ермакъ, племянникъ Владимира, двѣнадцати лѣтъ (Рыбниковъ I 21) вызывается ѣхать искать Илью съ богатырями. Владимиръ иногда 3 раза отказывается ему по его молодости. Ермакъ все-таки ѣдетъ въ поле, находитъ шатры и зоветъ Илью съ богатырями биться съ татарами. Илья посылаетъ его сначала посмотрѣть съ дуба на татарскую силу. Но, сдѣлавъ это, Ермакъ не возвращается, а одинъ принимается избивать татаръ. Посланный за Ермакомъ Алеша видитъ его подвигъ и докладываетъ объ этомъ Ильѣ. Тотъ посылаетъ Добрыню, чтобъ удержать Ермака «храпами», опасаясь, что онъ надорвется (Рыбн. I. 21). Но Ермакъ перервалъ «храпы» и продолжаетъ биться съ татарами. Тогда Илья ѣдетъ самъ и вмѣстѣ съ Ермакомъ истребляетъ вконецъ татаръ. Участь Кáлина та же, что въ былинахъ первой группы. Въ заключеніе Илья съ Ермакомъ возвращаются въ Кіевъ, гдѣ Владимиръ чествуетъ ихъ (Гильфердингъ № 105).

Не имѣя въ виду въ настоящей замѣткѣ выяснить литера-

⁵⁾ Рыбниковъ I 21 = Гильфердингъ № 92; Рыбниковъ I № 22 = Гильфердингъ № 121; Гильфердингъ №№ 69, 105, 138; Тихомировъ-Миллеръ II № 10

турную исторію былинь о Калинѣ, ограничусь лишь нѣкоторыми замѣчаніями. Кажется, можно предположить, что былины второй группы, введшія въ роль главнаго героя Ермака, представляютъ дальнѣйшую эволюцію былинь перваго типа. Илья Муромецъ, отбѣсившій на задній планъ другихъ богатырей (Добрыню, Алешу) въ развитіи нашего эпоса, въ былинахъ второй группы самъ уступилъ нѣкоторую часть своего блеска новому юному свѣтилу Ермаку и, пребывая въ полѣ въ шатрахъ во главѣ другихъ богатырей, играетъ роль Самсона Кольвановича, также стоящаго въ чистомъ полѣ во главѣ богатырей въ вариантахъ первой группы. Замѣтимъ кстати, что на личность Ермака, введеннаго въ былины, вѣроятно, не ранѣе XVII вѣка, повліялъ у нѣкоторыхъ сказителей богатырь двѣнадцатилѣтокъ Михайлъ Игнатьевичъ, котораго отецъ, какъ извѣстно, удалился въ монастырь. Такъ, на вопросъ кн. Владимира:

«Ай же ты, младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ!

«Да гдѣ же твой рѣдной батюшко?»

Проговорилъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:

— Солнышко, Владимиръ-князь,

— Владимиръ, князь стольнѣ-кѣвской!

— Мой-то рѣдной батюшко ушолъ къ Герману Сергію,

— Въ старцы ушелъ постригаться ^{е)}.

У другихъ сказителей Ермакъ воспринимаетъ нѣкоторыя черты Василя-пьяницы изъ былины о Батыгѣ. Такъ, въ одномъ вариантѣ Владимиръ, горюя объ отбѣздѣ богатырей,

Енъ по городу похаживать,

Куньей шубой окрывается:

«У стольняго у города у Кіева

«Хлѣба трѣснуть-ѣсть ё кому,

«А за Кіевъ градъ и постоять некому».

Съ того царева со кабака

Зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныхъ,

Повыскочилъ младый Ермакъ Тимофеевичъ:

— Солнышко-Владимиръ стольне-кѣвской!

— Ай ты мой крестный батюшко!

^{е)} Гильеердингъ № 121 т. II, стр. 319.

— Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
 — Поѣду въ далече во чисто поле
 — На эту на заставу великую.» ⁷⁾—

Послѣ совершенія подвиговъ, на вопросъ кн. Владимира, чѣмъ его пожаловать, Ермакъ, подобно Василь-пьяницѣ, отвѣчаетъ:

«Ай ты, крѣстный мой батюшка!
 «Тѣмъ только меня пожалуйте:
 «Въ каждомъ царевомъ кабакѣ,
 «Пить пивцѣ-винцѣ безденежно.» ⁸⁾

Что касается былинъ первой группы, съ Самсономъ Маноиловымъ или Колывановымъ, то, устраняя изъ нея мысленно паденіе Ильи въ подкопы и маханіе татаринѣмъ, мы замѣчаемъ, что въ главной своей части былина объ Ильѣ и Калинѣ почти совпадаетъ съ былинной о Камскомъ побойщѣ и сродными съ нею, которыя я разсмотрѣлъ въ отдѣльной статьѣ ⁹⁾. Припомнимъ сходныя черты той и другой быliny. Обѣ равно открываются приступомъ къ Киеву иноземнаго царя (Идолица ¹⁰⁾, Мамая ¹¹⁾, царя Чернигова ¹²⁾, царя Кудреванища ¹³⁾, царя Калина) къ Киеву съ 40 царями и царевичами и безчисленной ратью. Въ обѣихъ царь посылаетъ посла къ Владимиру съ требованіемъ сдачи города; испуганный князь посылаетъ за богатырями, во главѣ которыхъ стоитъ Самсонъ Колывановъ. Въ обѣихъ богатыри не спѣшатъ на выручку князя, раздраженные противъ него. Въ обѣихъ главная роль въ пораженіи и истребленіи татаръ принадлежитъ Ильѣ Муромцу, которому затѣмъ на помощь подоспѣваютъ прочіе богатыри. Но существеннымъ отличіемъ былинъ типа Камскаго побойща отъ былинъ объ Ильѣ и Калинѣ

⁷⁾ Гильбердингъ № 138 т. II, стр. 393.

⁸⁾ Тамъ же стр. 396. Срв. такое же пьянство Ермака въ былинѣ Гильбердинга № 69, II т., стр. 536, 587, 540, 541.

⁹⁾ Къ былинѣ о Камскомъ побойщѣ. См. Извѣстія Отд. русс. яз. и словесности И. Акад. Наукъ, т. VII, кн. 2, стр. 1—31, 1902 г.

¹⁰⁾ Марковъ №№ 81, 94.

¹¹⁾ Тихонравовъ-Миллеръ II № 48.

¹²⁾ Григорьевъ—былина, записанная на Мезени отъ Сычова (неизд.).

¹³⁾ Григорьевъ—былина Мезенская, запис. отъ Михашина (неизд.).

представляется то, что въ первыхъ побѣда богатырей надъ татарами сопровождается похвальбою нѣкоторыхъ русскихъ богатырей, которая ведетъ за собою чудо воскрешенія побитыхъ татаръ и самоубійство хвастуновъ, или даже окаменѣнiе всѣхъ русскихъ богатырей. Нашъ разборъ былинь о Камскомъ побоищѣ привелъ насъ къ предположенiю, что онѣ представляютъ осложненный разными былинными мотивами эпическiй рассказъ, въ основѣ котораго лежитъ народное сказанiе о Камскомъ побоищѣ, что въ основной редакцiи былина нѣкогда кончалась гибелью Алеши, Добрыни и вообще русскихъ богатырей и что дошедшая до насъ послѣдняя передѣлка былины объясняется преобладающимъ въ нашемъ эпосѣ значенiемъ Ильи Муромца, внесеннаго въ нее на правахъ главнаго русскаго богатыря ¹⁴⁾. Указанныя черты сходства между былиной о Камскомъ побоищѣ и былиной о боѣ Ильи и русскихъ богатырей съ царемъ Калиномъ позволяютъ намъ видѣть въ послѣдней былинѣ дальнѣйшее развитiе и осложненiе первой. Дѣйствительно, въ числѣ вариантовъ послѣдней былины извѣстны такiе, которые являются какъ бы переходными отъ былинь перваго типа къ былинамъ втораго типа. Такъ, въ вариантѣ Арханг. г. Пинежскаго у. у Григорьева (№ 111) Илья Муромецъ истребляетъ татаръ царя Калина, оставляя въ шатрѣ Добрыню и его слугу Торопа. Обезсилѣвъ въ бою, Илья стрѣлой изщаетъ товарищей, и они, прискакавъ къ нему на помощь, вмѣстѣ съ нимъ продолжаютъ истреблять татаръ. Затѣмъ, натѣшившись, они расхвастались.

А одинъ говорилъ таково слово:

«А было бѣ въ матушкѣ въ сырой землѣ,

«А было бѣ въ ей золото кольцѣ,—

«Поворотилъ бы въ матушку сыру-землю,

«Я прыбилъ бы тамъ до единого.»

А другой говоритъ таково слово:

А была бы на небо лисьвиця,

«Я прыбилъ бы тамъ до единого.»

За неразумной похвальбой слѣдуетъ чудо удвоенiя побитыхъ татаръ, исчезновенiе обоихъ хвастуновъ и возвращенiе одного

¹⁴⁾ См. назв. статью стр. 31.

Ильи въ Кіевъ ¹⁵⁾. Въ неизданномъ еще вариантѣ того же собирателя, записанномъ въ Мезенской волости отъ Мартынова, неразумная похвальба произносится двумя поповичами долгоплыми, которые во время боя русскихъ богатырей съ воскресшей татарской силой пропадаютъ безслѣдно. Въ другомъ, также еще неизданномъ, вариантѣ Григорьева (№ 181), записанномъ въ Мезенской волости отъ Бѣшенкина, хвастунами являются братья Бродовичи-Петровичи.

Мотивъ похвальбы, типичный для былинь о Камскомъ боищѣ, внесенъ также въ два варианта былины о Калинѣ у Гильфердинга. Въ одномъ ¹⁶⁾ Илья Муромецъ посылаетъ богатырей наложить «храпы желѣзные» на расходившагося Ермака, истребляющаго татаръ. Ермака выводятъ изъ боя, а богатыри, прибивъ всю татарскую силу, расхвастались:

«Кабы была на небо лѣстница,
«Мы прибили бы всю силу небесную».

Слѣдствіемъ похвальбы является обычное чудо, богатыри приумучились, другъ друга прикололи, прирѣзали, и съ тѣхъ поръ

Не осталось на Руси богатырей,
Остался одинъ младый Ермакъ Тимофеевичъ.

Во второмъ вариантѣ ¹⁷⁾ Илья съ Ермакомъ прирубилъ всѣхъ татаръ царя Каліна и Илья расхвастался, что они вдвоемъ могли бы прирубить всю силу небесную. Слѣдствіемъ похвальбы было обычное воскрешеніе побитыхъ враговъ и кончина Ильи Муромца:

«Да пересѣлся-то старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Отъ этихъ татаръ да поганныхъ,
Окаменѣлъ его конь да богатырской,
И сдѣлалися мощи да святын
Да со старѣ казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича».

¹⁵⁾ Архангельскія былины и исторія пѣсни Т. I. стр. 343 и слѣд.

¹⁶⁾ № 138, т. II, стр. 396.

¹⁷⁾ Гильфердингъ № 121, т. II, стр. 321.

О наличности мотива похвалы и ея послѣдствій въ архангельскихъ былинахъ объ Ильѣ и Мамаѣ¹⁸⁾ и объ Ильѣ и царицѣ Кудреваницѣ¹⁹⁾ мы уже упоминали въ изслѣдованіи «Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ».

Если, такимъ образомъ, допустимо предположеніе, что былины, въ которыхъ иноземный, подступающій къ Киеву, царь называется Каліномъ, представляютъ видоизмѣненіе сюжета былинъ о Калкскомъ побоищѣ, въ которыхъ подступающій татарскій царь называется то Идолицемъ, то Мамаемъ, то Кудреванкой и проч., то въ этой связи обоихъ типовъ былинъ возможно искать объясненіе имени Каліна. Я предполагаю, что царь Калінь получилъ свое имя отъ названія Калкинскаго побоища, и объясняю себѣ такой переходъ названія побоища въ имя царя слѣдующимъ образомъ.

Въ противоположность Куликовской битвѣ, связанной съ именемъ царя Мамая, знаменитая Калкинская битва, ни въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, ни въ народномъ преданіи не была связана съ именемъ какого-нибудь татарскаго царя. Она слыла въ народномъ сказаніи подъ именемъ Калцкаго или Калкинскаго (можетъ-быть и Калнинскаго) побоища²⁰⁾. Однако, народная эпика не можетъ обойтись безъ опредѣленнаго лица: для нея «храбрая дружинишка» только эпическая подробность при русскомъ богатырѣ,—подвиги онъ совершаетъ единолично, истребляя цѣлыя полчища враговъ. Точно также и «силушка несмѣтная татарская» сама по себѣ лишь матеріалъ, подлежащій истребленію руками русскаго богатыря. Необходимо, чтобы послѣдній встрѣчалъ себѣ супротивника въ лицѣ предводителя этой силы поганой, въ лицѣ какого-нибудь басурманскаго царя. Потребность въ такомъ лицѣ чувствовалась въ эпической обработкѣ преда-

¹⁸⁾ Тихонравовъ-Миллеръ № 8, стр. 22. Срв. также былинку Опчужова № 26 „Маево побоище“.

¹⁹⁾ Былина, запис. Григорьевымъ отъ Михашина (неиздан.).

²⁰⁾ Форма прилагательнаго *Калкинская* побѣда (т.-е. татаръ) встрѣчается въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ: „Отъ той Калкинскія побѣды Русская земля увыла“ (См. С. К. Шамбинаго—Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. 1907, стр. 27). Названіе рѣки, гдѣ происходила битва, въ лѣтописяхъ встрѣчается въ формахъ Калка и Калпа. См. статью Ляскоронскаго—Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время и походъ кн. Витовта на татаръ въ 1399 г. въ „Журн. М. Н. Пр.“, 1907 г., май, стр. 6.

нія о Калининскомъ побойщѣ; такъ, въ былинѣ «Камское побойще» во главѣ татаръ, за отсутствіемъ какого-нибудь имени въ преданіи, поставлено Идолице поганое, взятое изъ былинѣ объ Ильѣ и Идолицѣ, или царице Кудреванице, занесенный сюда изъ духовнаго стиха р Егоріи, или Мамай, какъ отголосокъ сказаній о Куликовской битвѣ. Для удовлетворенія такой потребности въ опредѣленномъ лицѣ, стоящемъ во главѣ безчисленной татарской рати, было какимъ-нибудь слагателемъ извлечено имя Каліна царя изъ прилагательнаго «Калкинское», «Калинское» или въ дальнѣйшемъ искаженіи уже «Калинское», сопровождавшаго, какъ постоянный эпитетъ, названіе «побойще». Незвѣстный намъ слагатель, создавшій такимъ путемъ Каліна царя, руководился, быть-можетъ, такой аналогіей. Если виновникомъ Мамаева (въ одной былинѣ Онучковъ—Печорскія былины № 26 уже *Маева*) побойща былъ Мамай царь, то виновникомъ Калининскаго (или въ дальнѣйшемъ искаженіи Калининскаго) побойща могъ быть Калінь царь, по имени котораго было названо побойще. Прилагательное отъ неизвѣстной народу рѣки Калки или Калны могло быть принято за прилагательное, образованное отъ собственнаго личнаго имени царя Каліна. Такимъ процессомъ народнаго осмысленія представляется мнѣ возможнымъ объяснить появленіе въ нашемъ эпосѣ царя Каліна, котораго имя въ противоположность именамъ Батя, Тугарина, Мамай, Ахмета, Азьяка не извѣстно исторіи. Разъ введенное въ эпическій оборотъ имя царя Каліна подверглось дальнѣйшему искаженію. Такъ, подъ воздѣйствіемъ библейскаго имени, Калінь царь превращается въ Каина царя въ нѣкоторыхъ былинныхъ вариантахъ ²¹⁾, при чемъ однако сохраняетъ огчество Калиновича ²²⁾. Наконецъ, изъ былинѣ объ Ильѣ и Калинѣ послѣдній переходитъ въ другіе сюжеты. Такъ, напр., въ одной былинѣ о Дунаѣ или о сватовствѣ Апраксіи для князя Владимира отецъ ея, ляховинскій король, заявляетъ Дунаю:

«Еще есть у меня Опраксія е просватана
 «Во ту есть она въ Золоту Орду,
 «За того-то короля да и за Канна ²³⁾».

²¹⁾ Напримѣръ, Марковъ, № 2, стр. 39.

²²⁾ Тихонравовъ-Миллеръ II. № 10; Рыбниковъ I № 22 = Гильердинъ № 121; Рыбниковъ III № 36.

²³⁾ Гильердинъ № 34, т. I, стр. 234.

Такимъ образомъ созданное путемъ осмысленія непонятнаго прилагательнаго имя татарскаго царя раздѣляется въ устной традиціи обычную судьбу другихъ эпическихъ именъ ²⁴⁾.

Всев. Миллеръ.

Январь 1908 г.

²⁴⁾ Такъ, въ одной еще неизданной былинѣ г. Григорьева (записанной въ Мезенской волости отъ Бѣшенина) татарскій царь называется то Калиномъ, то Каленомъ; въ былинѣ Гильердинга № 257 вмѣсто Калина дѣйствуетъ Талинъ-царь.

Нѣкоторыя замѣчанія о роли загадки въ сказкѣ.

Главные основные сюжеты сказки не сложны. При ближайшемъ разсмотрѣннн они являются иллюстраціей наиболѣе опредѣленныхъ общечеловѣческихъ чувствъ, какъ отрицательныхъ, такъ и положительныхъ (трусость, зависть, ревность... мужество, кротость, долготерпѣливость), затѣмъ воспроизведеніемъ состояній и явленій, не отдѣлимыхъ отъ жизни человѣка, на какой бы ступени культурности онъ ни стоялъ (общеніе съ природой, бракъ, война, семейныя отношенія и т. п.).

Основные сюжеты растягиваются посредствомъ эпизодовъ, эпизоды распространяются подробностями, какъ тѣ, такъ и другіе разнообразятся безпрестанно, и въ этомъ осложненіи первоначальнаго сюжета особенно проявляется творческая фантазія. Каждый новый эпизодъ, новая подробность, вводимые въ основной сюжетъ, отмѣчаютъ собою ступени развитія сказки (какъ въ ея формѣ, такъ и въ ея содержаніи); тѣ изъ нихъ, которые отличаются особой рельефностью, образностью, способствуютъ дальнѣйшей дѣятельности фантазін, тѣ уже не выпадаютъ изъ сказки, напротивъ, становятся постоянными спутниками и не одного, а нѣсколькихъ сюжетовъ, представляютъ собою, такъ-сказать, средство, направляющее дѣйствіе сказки, оживляющее его.

Къ числу такихъ средствъ должна быть отнесена загадка. Самый характеръ ея обусловливаетъ ей прочное пребываніе въ сказкѣ: тотъ таинственный элементъ (основанный на неясности, невѣдѣннн и т. п.), который наполняетъ сказку и любимъ ею,

заключается и въ загадкѣ; затѣмъ: она необыкновенно гибка, неожиданно рождается изъ сплетенія обстоятельствъ, легко мѣняетъ форму, вся держится на образности, возбуждаетъ любопытство и неотложно пребудетъ рѣшенія—иными словами—отвѣчаетъ стремленію сказки занимать, держать слушателей въ напряженіи.

Какъ же складывается и въ какихъ видахъ является загадка въ сказкѣ? При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что и въ отдѣльномъ своемъ существованіи и въ сказочной обстановкѣ ходъ ея образованія и форма одни и тѣ же.

Въ основѣ каждой загадки лежитъ сравненіе: предметъ или состояніе изображаются чертами другихъ предметовъ или состояній на основаніи подмѣченного и преувеличеннаго сходства, на основаніи иногда совершенно субъективнаго соединенія представлений и понятій ¹⁾. Загадки предлагаются или въ видѣ вопроса, или въ формѣ описательнаго выраженія. Въ вопросѣ обыкновенно называется лишь одно главное отличительное качество, состояніе: Что всего жирнѣе? Что надъ нами вверхъ ногами ²⁾. Описание дается не подробно, перечисляются не всѣ, а наиболѣе характерныя черты предмета, состоянія, при чемъ допускаются такія вводныя или заключительныя фразы, которыя значенія для загадки и не имѣютъ ³⁾. Угадать такую загадку возможно лишь въ томъ случаѣ, когда дающій ее и разгадывающій ограничены одинаковымъ кругомъ идей, представлений, предметовъ; когда у нихъ одинаковы впечатлѣнія, близки воззрѣнія, соотвѣтственно духовное развитіе, если же все это отсутствуетъ, то загадка становится неразрѣшимой ⁴⁾. Неразрѣшима загадка и въ томъ случаѣ, когда она образована на основаніи единичнаго происшествія, рисуется предметъ или состояніе въ исключительной обстановкѣ, она и забывается, какъ скоро забыто рѣшеніе, т.-е. забытъ создавшій ее случай ⁵⁾.

¹⁾ Безъ рукъ, безъ ногъ на батоги ползеть;—горохъ. Четыре брата подъ одной шапкой стоятъ;—столъ.

²⁾ Земля; муха.

³⁾ На полѣ Нагайскомъ, на рубежѣ татарскомъ стоятъ столбы точеные, головки золоченыя;—рожь (Садовниковъ, Сбор. загад. 1285).

⁴⁾ Узловатъ Козьма—развязать нельзя—цѣпъ (Садов. 1173). Ни свѣтъ ни заря пошелъ, согнувшись, со двора;—коромысло (Садов. 420).

⁵⁾ Сборн. мекленбург. загадокъ Wossidlo изобилуетъ указаніями на загадки, рѣшенія которыхъ забыты.

Сказка, воспользовавшись для своихъ дѣлѣй загадкою, приняла ее въ различныя виды, т.-е. въ формѣ вопроса, описанія и необъяснимаго выраженія, понятнаго лишь самому составителю. Последняя форма особенно часто встрѣчается въ сказкѣ. Слѣдуя закону противоположеній, особенно часто проводимому, сказка создаетъ, между прочимъ, такія обстоятельства:

1) лицо, имѣющее высокое общественное положеніе (царь, царица, баринъ и т. п.) соединяется бракомъ съ такимъ, которое стоитъ на нижней ступени общественной лѣстницы (дочь крестьянина, рыбака; Иванъ-безсчастный, Иванъ-дуракъ; крестьянскій сынъ и т. п.);

2) герой переживаетъ рядомъ минуты крайняго ужаса и величайшаго счастья;

3) умъ ребенка торжествуетъ надъ умомъ взрослому.

Напряженный моментъ — *выполненіе антитезы* разрѣшается посредствомъ загадки: 1) хитроумная царица изъ многихъ жениховъ беретъ того, кто поставитъ ее въ затрудненіе неразрѣшимымъ загадочнымъ вопросомъ; царь признаетъ достойной невестой дѣвушку, свободно разрѣшающую заданныя ей загадки; 2) герой, по требованію издѣвающихся надъ нимъ передъ его казнію враговъ, удачно составляетъ неразрѣшимую загадку, за что и отпускается на волю... 3) дѣвка-семилѣтка, семилѣтній мальчикъ выводятъ изъ затрудненія своихъ старшихъ и способствуютъ ихъ благополучію, рѣшивъ вмѣсто нихъ загадочные вопросы.

Кромѣ служенія антитезѣ, загадка, вплетенная въ рѣчи сказочныхъ героевъ, исполняетъ роль какъ бы украшенія, прикрываетъ дѣйствительное намѣреніе, слишкомъ ясную мысль, какую-нибудь предположенную попытку⁶⁾, подобно тому, какъ и въ жизни обиняки, иносказанія наполняютъ народную рѣчь, если обстоятельства дѣла требуютъ осторожности, за изысканностью

⁶⁾ Сказки Аван., т. II., № 191. Купецъ призываетъ своего сына и, посылая его въ городъ, гдѣ живетъ дѣвушка, сосватанная еще въ дѣтствѣ юношѣ, говоритъ: „Повзжай-ка ты въ городъ, тамъ есть озеро, на томъ озерѣ я поставилъ плѣнку, если въ эту плѣнку попалась утка—то утку вози; а ежели нѣтъ утки—то плѣнку назадъ“; т.-е. привози невесту, а если ея отецъ, забывъ про то, что обѣщавъ ее въ замужество, отдалъ ее за другого, возьми съ него деньги, кот. я ему далъ, какъ залогъ въ томъ, что пришлю за невестой.

выраженій, витѣватостью прячуть мысли, мнѣнія, желанія ⁷⁾. Въ сказкѣ мужикъ въ разговорѣ съ баринномъ (царемъ), дѣвушка съ царскими послами (сватами) на простые вопросы отвѣчаетъ мудрено, загадочно ⁸⁾. Такимъ образомъ, загадка съ бѣльшимъ или мѣньшимъ значеніемъ (какъ эпизодъ, какъ подробность), участвуетъ въ осложненіи многихъ сказочныхъ сюжетовъ и связывается съ разными типами. Разберемъ нѣкоторыя сказки и типы, въ связи съ которыми употребляется загадка. Особенно охотно вводится она творческой фантазіей въ сюжетъ о сватовствѣ и приурочивается къ женскому типу, который можетъ быть охарактеризованъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ эпитетомъ «мудрый». Загадки въ подобныхъ сказкахъ представлены или въ формѣ простыхъ вопросовъ: «Что на свѣтѣ всего милѣе? (сонъ, солнце); всего быстрѣе? (мысль); всего жирнѣе? (земля); всего сильнѣе? (сонъ); всего удалѣе? (очи); всего слаще? (вода); что слышится всего дальше? (громъ, ложь) ⁹⁾; эти вопросы имѣютъ въ виду дѣйствительное испытаніе сообразительности, наблюдательности, умѣнья размышлять — загадки и разрѣшаются удовлетворительно, ихъ обыкновенно сказка и приурочиваетъ къ такому случаю, когда нужно выставить мудрость (умъ, сообразительность) героя, главнымъ образомъ героини ¹⁰⁾.

⁷⁾ Рѣчь обинякомъ, вносказаніями ведется по народному обычаю сватами, впервые являющимися въ домъ невесты, дружками на свадьбѣ и т. д.

⁸⁾ „Куда деньги дѣввешъ?“ спрашиваетъ царь мужика. „Долгъ плачу, въ долгъ даю, за окно кидая“ (Ае., II, 186); т.-е. родителей, сына, дочь кормлю.— „Куда лошадь привязать?“ спрашиваютъ пріѣхавшіе сваты дѣвушку: „Привяжите до зимы, аль до лѣта“; т.-е. къ саямъ, или къ телѣгѣ. „Гдѣ твой отецъ?“ продолжаютъ спрашивать сваты; „Уѣхалъ сто рублей на пятнадцать копеекъ мѣнять“; т.-е. уѣхалъ травить зайца, цѣна которому 15 к., а во время травля испортить сторублевую лошадь. „А когда отецъ вернется?“ Если кругомъ поѣдетъ, къ вечеру будетъ, а прямо, то черезъ три дня вернется“; т.-е. прямо ѣхать, попадешъ въ болото, гдѣ и завязнешъ на три дня. (Сказ. Ае. т. II., 188).

⁹⁾ Сказки Ае., т. II., прим. къ № 191.

¹⁰⁾ Интересно, что въ сказкѣ Ае. № 191, когда предлагаются загадочные вопросы, въ основѣ которыхъ лежатъ единичный случай, они сопровождаются по хитрой уловкѣ невесты предметнымъ поясненіемъ: дѣвушка, желая узнать настоящаго жениха, посылаетъ къ нему служанку съ кринкой молока, изъ которой нѣсколько отпито, съ ковригой хлѣба, отъ которой отрѣзанъ кусокъ,

Но въ большинствѣ случаевъ загадки въ отмѣченныхъ сказкахъ излагаются въ неразрѣшимой формѣ, т.-е. онѣ передаютъ въ индизказательныхъ выраженіяхъ случайное сдѣленіе обстоятельствъ, явленіе или положеніе, извѣстное одному лишь лицу: Иванъ-дуракъ отправляется къ царевнѣ, выбирающей изъ юношей подходящаго себѣ жениха, оцѣнивая ихъ умъ составленными ими загадками; на пути онъ видитъ лошадь, зашедшую въ рожь, и змѣю, лежащую на дорогѣ; первую онъ выгоняетъ изъ ржи кнутомъ, вторую убиваетъ копьемъ; эти дорожные случаи онъ и передаетъ царевнѣ въ индизказательной формѣ: «Иду я, вижу въ добрѣ добро, а зло на дорогѣ лежитъ; я взялъ добро изъ добра выгнать, а зло зломъ ударилъ, зло отъ зла и умерло»¹¹⁾. Эта загадка не можетъ быть угадана, такъ какъ случай, породившій ее, никому не извѣстенъ — ясно, что она введена творческою фантазіей не въ цѣляхъ отгѣненія умственныхъ преимуществъ героини, а съ намѣреніемъ направить рѣшительнымъ образомъ ходъ сказочнаго дѣйствія къ желанной развязкѣ — царевна не угадываетъ ее и становится женою Ивана-дурака.

Но сказка не удовлетворяется одною загадкою, какъ испытаніемъ достоинствъ жениха или невѣсты, она расширяетъ ее и соединяетъ неразрѣшимое словесное выраженіе съ невыполнимымъ дѣломъ или ставитъ на ея мѣсто неисполнимую задачу. Елена Прекрасная (133) соглашается стать женою Ивана-царевича, если онъ «принесетъ къ ея незнакомому свое подѣ пару». Иванъ-царевичъ долженъ и угадать это «незнакомое» и еще принести нѣчто одинаковое съ нимъ. Такая постановка дѣла влечетъ за собою усиленную дѣятельность поэтическаго творчества, и загадка, употребленная здѣсь въ расширенной формѣ, содѣйствуетъ накопленію иныхъ сказочныхъ подробностей; къ выполненію таинствен-

и съ корзиной яицъ, изъ которыхъ одно разбито, и приказываетъ спросить его: „Въ своихъ ли берегахъ море? Половъ мѣсяцъ или на ущербѣ? Вся ли звѣзды на небѣ? Женихъ, руководясь предметами, присланными ему, удовлетворительно отвѣчаетъ: море упало, мѣсяцъ на ущербѣ, одна звѣзда скатилась.“

11) Сказ. Ае., т. II., № 132. Варіантъ въ прим: Иванъ-купеческій сынъ по дорогѣ къ царевнѣ провелъ ночь на лошади, умылся утромъ озерной пѣной, утерся конскимъ хвостомъ, затѣмъ загадалъ невѣстѣ загадку: „Ночевалъ ни на землѣ, ни на телѣгѣ; умылся ни водою, ни Божіей росою; утерся нетканымъ, непрядынымъ“.

ной задачи привлекается волшебная помощь: могущественный покровитель, салоги - скороходы, шапка - невидимка, благодарные звѣри ¹²⁾ — иными словами, измѣненіе творческой фантазіей загадки въ форму задачи трудно-исполнимой или не-исполнимой, оживляетъ присущій природѣ сказки процессъ: одинъ эпизодъ вызываетъ другой, каждая новая подробность привлекаетъ другую—вслѣдствіе этого сказочный сюжетъ значительно расширяетъ свои первоначальныя очертанія. Неисполнимыя задачи въ сказкѣ различны ¹³⁾; творческая фантазія изощряется особенно охотно въ ихъ составленіи; при этомъ многія задачи въ существѣ своемъ просты и совершенно реальны: испечь пирогъ, выткаль коверъ, сшить рубашку, выстроить домъ, развести садъ, но условія выполненія невозможны: коротокъ срокъ, недостаточенъ матеріалъ и т. д.; имѣя своимъ источникомъ загадку, цѣль которой возбуждать напряженность мысли и быстроту сообразительности — онѣ рѣшаются часто именно размышленіемъ, путемъ логическимъ: видимая несообразность заданнаго подчеркивается формулой отвѣта, который самъ по себѣ является также неразрѣшимой задачей. Царь посылаетъ дѣвушкѣ, отвѣтившей удовлетворительнымъ образомъ на его загадочные вопросы, шелковую ниточку: «пусть къ утру соткѣтъ мнѣ полотенце узорчатое»; дѣвушка согласна — проситъ лишь царя приказать мастеру сдѣлать изъ прутика крѣсны — «было бы на чемъ полотенце ткать» ¹⁴⁾. Баринъ посылаетъ дѣвушкѣ голубиныя яйца, чтобы она къ свѣту вывела голубей и они были бы готовы къ барскому обѣду; дѣвушка готова это сдѣлать, лишь проситъ посѣять и вырастить къ утру просо, чтобы кормить птицъ ¹⁵⁾. Иногда дается и такая задача, которая на словахъ лишь кажется неисполнимой, а на дѣлѣ исполняется: «Вотъ тебѣ

¹²⁾ Сказки Ае., 125 т. II., Ивану-Царевичу помогаетъ хитрый и сильный Иванъ-купеческій сынъ, подглядѣвшій въ шапкѣ-невидимкѣ „незнаемое“ царевны.

¹³⁾ Неисполнимыя задачи—необходимая принадлежность волшебныхъ сказокъ, здѣсь онѣ не развившаяся загадка, а самостоятельные эпизоды; о нихъ, какъ таковыхъ, здѣсь нѣтъ рѣчи.

¹⁴⁾ Сказки Ае., т. II, 188. Въ сербск. сказкѣ (Букъ 25): а) Вывести цыплятъ изъ вареныхъ яицъ—вырастить вареные бобы. б) Изъ двухъ связокъ льна приготовить паруса для корабля—изъ кусочка дерева приготовить прядку и ткацкій станокъ.

¹⁵⁾ Сказ. Ае., т. II. Примѣч. къ сказ. 185 и далѣе.

сотня барановъ,— говоритъ дядя племяннику,— гони ихъ на ярмонку, да продай съ барышомъ, чтобы и самъ былъ сытъ, и бараны цѣлы, и деньги сполна выручены». Племянникъ продаетъ шерсть и возвращается съ деньгами и съ баранами¹⁶⁾. Царь задаетъ дѣвушкѣ, которую за мудрость рѣшили взять въ жены, слѣдующую задачу: «Пусть на утро сама ко мнѣ явится— ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни одѣтая, ни раздѣтая, ни съ гостинцемъ, ни безъ подарочка»¹⁷⁾. Дѣвушка, сбросивъ одежду, завертывается въ рыболовную сѣть, садится верхомъ на зайца, беретъ въ руки перепелку. Встрѣтившему ее царю, она подаетъ птицу, которая тотчасъ же вылетаетъ изъ рукъ. Задача выполнена— сказка заканчивается: царь женится на дѣвушкѣ.

Какъ продолженіемъ отмѣченныхъ сказокъ (съ сюжетомъ о сватовствѣ) служатъ сказки съ типомъ разумной жены (слѣдующая ступень въ развитіи типа мудрой дѣвы), главнымъ образомъ, при сюжетѣ постепеннаго достиженія богатства и счастья безсчастливымъ бѣднякомъ; въ нихъ творческая фантазія также вводитъ загадку, но такъ какъ сказочныя обстоятельства не нуждаются въ ея разрѣшеніи (нѣтъ испытанія мудрости), то она и принимаетъ новую форму: это уже не загадка въ ея настоящемъ смыслѣ¹⁸⁾— это не выраженіе, требующее разъясненія тотчасъ же, безъ чего оно лишено смысла и значенія, но такое иносказаніе, которое, сохранивъ элементъ загадочности, настолько понятно, что можетъ служить руководящимъ правиломъ; это— мудрое, доброе слово, въ которомъ заключается важный жизненный смыслъ, которое нужно хранить на случай и умѣло примѣнить его, оно самопо-себѣ значительно тою силою, которая вложена въ него человеческимъ разумомъ и благожеланіемъ.

¹⁶⁾ Сказ. Ав., т. II., № 188.

¹⁷⁾ Эта задача и ея рѣшеніе общее мѣсто цѣлаго ряда сказокъ, какъ восточныхъ, такъ и европейскихъ, составляющихъ циклъ сказаній о мудрой дѣвѣ. Въ статьѣ Th. Benfey'я „Die Kluge Dirne“ (Das Ausland 1859 г.) подобраны сказки, какъ восточныя; такъ и западныя, въ которыхъ мудрость дѣвы проявляется въ отгадываніи загадокъ, при чемъ какъ загадки, такъ и вышеупомянутая задача представлены во многихъ вариантахъ, въ существѣ мало различающихся другъ отъ друга.

¹⁸⁾ Приблизительное изображеніе предмета или состоянія посредствомъ упоминанія чертъ другихъ предметовъ и состояній на основаніи нѣкотораго сходства между ними.

Разумная жена знаетъ и понимаетъ цѣну такого слова, поэтому и безталанному мужу своему велить продать свою работу — дорогой коверъ — не за деньги, а за доброе слово, вѣря, что посредствомъ него возможно приобрести и деньги и удачу.

«Прежде смерти ничего не бойся!» «Пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи»; «При радости не радуйся, при страсти не страшись, подними, да не опусти, а сердце скрѣпи...» — вотъ добрыя слова, полученныя бѣднякомъ, они и понятны, и загадочны, какая-то глубокая мысль таится въ нихъ, какъ и когда проявится она, покажетъ будущее... По ходу рассказа смыслъ полученныхъ словъ въ опасныхъ случаяхъ отчетливо выясняется сознанию и руководитъ поступками героя, благодаря имъ создается его благополучіе. Съ понятіемъ добраго слова соединяется представленіе съ какою-то высшею силою, руководящею человѣческою судьбою, она не можетъ открываться людямъ просто, для нея потребна нѣкая завѣса и загадочная форма удобна для ея проявленія ¹⁹⁾.

Что съ загадкою связывается представленіе о томъ, что высшая, надъ человѣкомъ стоящая сила (судьба, доля, рокъ, Божья воля) даетъ знать о себѣ, о своемъ руководствѣ посредствомъ загадки, видно изъ тѣхъ сказочныхъ эпизодовъ, гдѣ освобожденіе преступника (преступницы) отъ казни, судьба воюющихъ сторонъ, плѣнника и т. д. рѣшается съ помощью загадки: люди сами не берутся рѣшить, виноватъ ли преступникъ, кто правъ изъ соперниковъ и окончательное заключеніе возлагаютъ на волю судьбы: эта воля и познается въ томъ, что а) руководимая ею правая сторона составитъ неразрѣшимую загадку или б) угадаетъ заданную. Православный царь и басурманскій король ведутъ войну, кому-нибудь да придется погибнуть, басурманъ предлагаетъ православному царю рѣшить дѣло посредствомъ загадки, пусть онъ придумаетъ загадку, и если ему — басурману, удастся ее разгадать, онъ и будетъ побѣдителемъ. За православнаго царя придумываетъ загадку солдатъ (она должна быть неразрѣшима, такъ какъ дѣйствіе сказки ведется къ гибели злой стороны), онъ въ нѣсколькихъ неясныхъ словахъ передаетъ о томъ, какъ онъ плеснулъ ядовитымъ зельемъ на ко-

¹⁹⁾ Предсказанія оракуловъ дѣлаются въ какъ бы ясной, между тѣмъ загадочной формѣ.

ней, отчего эти погибли, ихъ мясомъ отравились птицы (6 воронъ), а отъ мяса послѣднихъ, запеченнаго въ пироги, умерло 12 разбойниковъ: «одинъ двоихъ, двое шестерыхъ, шестеро двѣнадцать». Басурманскій царь не угадываетъ и платится жизнью ²⁰⁾. Вариантовъ этой сказки въ международной литературѣ встрѣчается очень много ²¹⁾, и въ каждомъ изъ нихъ воля судьбы узнается черезъ угадываніе загадокъ. Эти послѣднія, опять-таки, и при новомъ сюжетѣ являются въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ сказкахъ съ сюжетомъ сватовства, т.-е. въ разрѣшимой и въ невозможной для угадыванія, при чемъ эта форма обуславливается замысломъ сказки, которая для развитія своего дѣйствія пользуется загадкою, то въ одномъ, то въ другомъ видѣ. Надо замѣтить, что будучи весьма любимой и прочной сказочной подробностью, загадка иногда уступаетъ свое мѣсто другой.

Такъ, эпизодъ освобожденія героя отъ смерти изображается иногда при слѣдующихъ обстоятельствахъ: осужденный спрашиваетъ и получаетъ позволеніе спѣть передъ смертію любимую пѣсню, или сыграть на излюбленномъ инструментѣ (скрипка, рогъ, труба); своимъ пѣніемъ и музыкой онъ вызываетъ себѣ помощь или лишаетъ силы враговъ — деталь не менѣе эффектная, чѣмъ задаваніе и разгадываніе загадокъ, поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ она и вытѣсняетъ послѣднюю или же дѣлаетъ ее присутствіе излишней, ненужной ²²⁾.

Такимъ образомъ, два разобранныхъ сказочныхъ сюжета особенно часто включаютъ въ себя загадку въ ея разныхъ видахъ, при чемъ и сама загадка не остается безъ измѣненія: она расширяется въ неисполнимую (трудную) задачу, обращается въ индифферентное, поучительное, руководящее изреченіе. Роль загадки отбѣнить главный типъ, подвинуть развязку сказочнаго дѣйствія.

²⁰⁾ Въ нѣмецкой фольклорной литературѣ загадки, посредствомъ которыхъ избавляются отъ смерти, обозначаются особымъ терминомъ Halslösungrätsel.

²¹⁾ Ае. Сказки, т. II., 191, съ вариант. и примѣч.

²²⁾ Въ сказкѣ № 180 Ае. герой, освобождающійся отъ смерти игрой въ рожокъ, поэтому здѣсь загадываніе загадки не имѣетъ значенія, но и эта подробность введена, при чемъ загадки задаются безъ смысла и отвѣтъ не соответствуетъ вопросу. Такое поблѣднѣе крупнѣе подробности объясняется присутствіемъ другой, не менѣе важной.

Въ виду того, что загадка сама-по-себѣ привлекаетъ интересъ и невольно заставляеть на себѣ сосредоточиваться, то она иногда служить для образованія такихъ сказокъ, смыслъ которыхъ именно въ чередующихся загадкахъ или иносказательныхъ изреченіяхъ, но подобныя сказки должны быть отнесены въ особую категорію шуточныхъ сказокъ или сказокъ, играющихъ роль словесныхъ состязаній; онѣ требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія. Сказки о мудрыхъ совѣтникахъ и мудрыхъ дѣтяхъ включаютъ въ свой планъ загадку въ тѣхъ же цѣляхъ, какъ сказки о мудрой дѣвѣ и освобожденномъ преступникѣ, т.-е. чтобы подчеркнуть мудрость одного изъ дѣйствующихъ лицъ, довести дѣйствіе до счастливаго разрѣшенія. И въ сочетаніи съ новыми сюжетами загадка проходитъ тѣ же фазы развитія: малолѣтка разгадываетъ царскія загадки, а) подаетъ совѣты въ формѣ мудраго, иносказательнаго изреченія, б) исполняетъ труднорѣшимую задачу ²³⁾. Совѣтникъ царя (судья), разрѣшивъ загадочные вопросы, рѣшаетъ запутанныя дѣла и на неразрѣшимыя юридическія задачи дѣлаетъ неисполнимыя постановленія ²⁴⁾.

Подобно тому, какъ извѣстное расположеніе дѣйствія въ сказкѣ можетъ привлекать различныя сказочныя подробности ²⁵⁾, эти послѣднія, въ свою очередь, имѣютъ способность стягивать сюжеты и вызывать появленіе типовъ, въ сочетаніи съ которыми онѣ чаще всего употребляются творческою фантазіею. Подобный процессъ интересно прослѣдить въ сказкахъ, обозначенныхъ Рейнгольдомъ Кёллеромъ именемъ «Сказки объ убитомъ возлюбленномъ». Послѣднія построены на нѣсколькихъ загадкахъ и представляютъ собою сліяніе нѣсколькихъ сюжетовъ съ разнымъ типомъ каждый. Въ главныхъ чертахъ эти сказки имѣютъ слѣдующее содержаніе: царица, любя другого, ищетъ случая погубить своего мужа-царя. Любимый ею человѣкъ умираетъ, и она величь приготовить себѣ на память разныя вещи изъ его останковъ и по-прежнему выискиваетъ поводы погубить своего мужа. Не находя таковыхъ, царица предлагаетъ царю отгадывать загадку, при чемъ

²³⁾ Сказки Ае. № 188 и 124 и примѣчаніе къ послѣд.

²⁴⁾ Сказки Ае. 184.

²⁵⁾ Какъ было выше указано: въ сказкѣ „Балдакъ Борисъевичъ“, загадка появилась вслѣдствіе того, что все дѣйствіе сказки велось къ счастливому заключенію — спасенію героя отъ смерти.

предупреждаетъ, что если онъ не разгадаетъ ее, то она умертвитъ его. Загадку царица даетъ неразрѣшимую: она иносказательно говоритъ о томъ, что она сдѣлала изъ останковъ дорогого ей человѣка: «Я на миломъ сижу, я на милаго гляжу, я изъ милаго пью, я милаго вмѣсто пояса ношу» ²⁶⁾. Царь и всѣ его мудрецы не могутъ дать рѣшенія. Однажды на охотѣ царь принужденъ ночевать въ хижинѣ лѣсника, за ужиномъ хозяйская дочь поражаетъ царя загадочнымъ съ перваго взгляда и весьма разумнымъ по объясненіи дѣленіемъ жареной птицы: отцу (какъ главѣ дома) — голову; гостямъ (какъ такимъ, которые скоро покинуть гостепріимный кровъ) — крылья; себѣ и матери (какъ проводящимъ всѣ дни на ногахъ за работой) — ноги. Царь рѣшается предложить для отгадыванія дѣвушкѣ мучающую его загадку. Дѣвушка замѣчаетъ, что загадка должна быть составлена женщиной, потерявшей любимаго человѣка, такъ какъ изъ загадки видно, что части его тѣла послужили на выдѣлку скамьи, чаши, пояса, съ которыми эта женщина не разстается, какъ съ дорогимъ воспоминаніемъ. Царь возвращается домой, разгадываетъ загадку, провѣряетъ ея точность, и самъ, избѣжавши смерти, казнить жену, затѣмъ женится на бѣдной мудрой дѣвушкѣ.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ браку предшествуютъ испытанія мудрости невѣсты, въ другихъ — дѣвушка передъ свадьбой ставитъ царю загадочное условіе: «Если когда-нибудь въ будущемъ ты захочешь меня удалить изъ твоего дома, то позволю взять мнѣ съ собою то, что для меня всего дороже», царь соглашается, и когда черезъ нѣсколько лѣтъ онъ изгоняетъ свою жену, она, опивъ соннымъ зельемъ супруга, уноситъ его съ собою въ бѣдную хижину. Тронутый ея привязанностью, царь уже до смерти не разстается съ нею.

²⁶⁾ Эта загадка во всѣхъ вариантахъ составлена почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ:

Nn' Amuri mancin .

Nn' Amuri vivu,

Cu Amuri mi Curcu

Pitrè: Indovinelli, dubbi... LXXX

Na lāsce sedim

Na lāsku hledim

Láskou se ovijim

Z lásky ti pripijim.

g. Krek. Enleitung in d. slav.

Lit. 265.

Въ приведенной сказочной схемѣ можно разграничить три сюжета и связанные съ ними типы; первый весьма часто служитъ исходнымъ пунктомъ многихъ сказокъ²⁷⁾ — это происки вѣроломной женщины (матери, сестры, жены) въ цѣляхъ погубленія близкаго родственника (сына, брата, мужа) въ угоду любимому человѣку (въ отмщеніе за него). Сюжетъ этотъ не всегда пользуется для своего развитія загадкой (мать, чтобы погубить сына, посылаетъ его за разными предметами, которые якобы принесутъ ей облегченіе въ ея болѣзни) и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи представляетъ рядъ разнообразнѣйшихъ комбинацій (подвиги и спасеніе гонимаго сына). Въ рассматриваемомъ случаѣ (сказки объ убитомъ возлюбленномъ) творческая фантазія употребила загадку, трудно опредѣленно выяснитъ поводъ къ этому употребленію²⁸⁾, но ея появленіе въ сказкѣ послужило поводомъ для привлеченія типа мудрой дѣвы (типъ, съ которымъ наиболѣе охотно связываетъ загадку народное творчество) — царю никто не можетъ рѣшить царицыной загадки, кромѣ дѣвушки простаго происхожденія; послѣднее обстоятельство необходимо, такъ какъ типъ дѣвушки уже влечетъ за собою привычныя рамки сюжета о сватовствѣ — отсюда въ нѣкоторыхъ сказкахъ на приведенную схему вставлены испытанія мудрости невѣсты. Близость типовъ мудрой дѣвы и разумной жены побуждаетъ творческую фантазію продолжить сказочныя комбинаціи, въ которыхъ главную роль играетъ разумная жена и ея загадочное условіе.

Такимъ образомъ, присутствіе загадки въ сказкѣ служитъ поводомъ къ соединенію сюжетовъ, къ удобной ихъ комбинаціи; появленіе же загадки въ сказкѣ можно съ достаточной вѣроятностью объяснить привлекательностію загадочной формы и нѣ-

²⁷⁾ Сказки Ао., № 119 и примѣч.

²⁸⁾ Существуетъ цѣлый рядъ случаевъ (приведены у Wossidlo: Mecklenburgische Volksüberlieferungen. Erster B. Rätsel.), гдѣ подобная загадка служитъ для осужденной средствомъ спасенія отъ смерти. Сдѣлавъ себѣ башмаки и перчатки изъ шкуры своей собаки Ilo, Milo и т. п., осужденная на смерть задаетъ своимъ судьямъ загадку: Auf Ilo geh ich, auf Ilo steh ich, auf Ilo bin ich hübsch und fein, rat't, meine Herren, was soll das sein. Wossidlo замѣчаетъ, что существуетъ болѣе 150 вариантовъ этой загадки, при чемъ, поясняя ее, всегда рассказывали случай освобожденія отъ смерти съ ея помощью.

которую таинственностію, которую вкладываетъ въ загадку творческая фантазія ²⁹⁾).

Елена Елеонская.

Москва 1908 г. 7 января.

²⁹⁾ Загадка присутствуетъ и въ пѣснѣхъ и въ точно такихъ же условіяхъ какъ и въ сказкѣ, т.-е. какъ испытаніе разумности невѣсты при сватовствѣ разрѣшными вопросами:

„А что у насъ, дѣвица, краше свѣта?

„Краше свѣта - красно солнце.“

„А что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?

„Выше лѣсу—Свѣтель мѣсяць?“ и т. д. Пѣсни сб. Собола. т. 1 № 465 и дал.

— Неразрѣшными задачами:

„Сшей ты мнѣ башмáчки изъ желта песочка!

„Напряди мнѣ дратвы изъ дождевой капли!“ Сокожевскій т. 1 № 451 и дал.

— Какъ средство для спасенія отъ смерти (плѣна):

„Загадаю я тебѣ, донской казакъ, три загадочки;

Отгадаешь ты мнѣ три загадочки—

Тогда я отпущу тебя на тихій Донъ“ (Соб. 467).—

— Говорить султанъ казаку, задавая загадки, которыя плѣнный и отгадываетъ.

По поводу замѣтки Р. Андрэ о новомъ этнографическомъ музеѣ въ Антверпенѣ.

Въ «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde» (1907, Н. 4) маститый нѣмецкій этнографъ R. Andree посвящаетъ нѣсколько страницъ новому этнографическому фламандскому музею—Museum voor vlaamsche Folklore, открытому 18-го августа 1907 г. въ Антверпенѣ. Необычайная и для нѣмѣцкихъ частныхъ этнографическихъ музеевъ (volkskundliche Museen) систематичность, съ которой кружокъ преданныхъ дѣлу фламандскихъ патріотовъ постарался запечатлѣть въ коллекціяхъ народную жизнь своей маленькой страны, поразила Андрэ, и онъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ взять примѣръ съ этого новаго учрежденія. Дѣйствительно, судя по отчету Андрэ (также и по замѣткѣ въ хроникѣ «Живой Старинѣ», 1907 г. в. III, составленной по отчету г. Верещагина въ журналѣ «Старые Годы» № X), ни въ одномъ музеѣ, посвященномъ изученію жизни одного народа, не собрано съ такой тщательностью, такъ детально все, что является характернымъ для этого народа. Возьмемъ на удачу нѣсколько изъ приведенныхъ Андрэ примѣровъ. Въ музеѣ собраны, между прочей утварью, имѣющей отношеніе къ *молочному хозяйству*, и формы колобовъ масла (въ слѣпкахъ), каковыя привозились крестьянами изъ деревни на городской рынокъ. Собраны разные виды и формы *хлѣба и печеня*. Между прочимъ, фигуры мужчины и женщины изъ ржаной муки (которыя уже теперь не употребляются въ фламандскихъ деревняхъ)—весьма грубо вылѣпленные (подобныя, по словамъ Андрэ, африканскимъ изображеніямъ), которыми обмѣнивались въ подарокъ влюбленные во время поста. Мы не можемъ по этому поводу не выразить своего сожалѣнія, что и въ нашихъ русскихъ этнографическихъ музеяхъ мало сравнительно обращено вниманія на собраніе образцовъ хлѣ-

ба, печеній и пряниковъ. (Отдѣльные образцы, имѣющіеся, то гутъ, то тамъ въ мѣстныхъ музеяхъ, являются рѣдкими исключеніями.) Нельзя, однако, забывать, что хлѣбопеченіе, какъ и всякое другое явленіе народной жизни, измѣняется. Измѣняется по разнымъ мѣстностямъ и по времени составъ хлѣба (ржаной, ржаной съ гороховой мукой, ржаной съ овсяной и пр.), измѣняются и формы хлѣба (сравни хотя бы великорусскій коровай и небольшіе хлѣба въ Западн. Сибири) и печенья (взять для примѣра многообразныя печенья сибирскихъ крестьянокъ, «шаньги», «ржанички», «пустышки» и пр.). Мы не говоримъ уже объ обрядовомъ печенѣ—о «жаворонкахъ» и «чювилькахъ», которыхъ пекутъ на 9-е марта, «крестахъ» въ среду на 4-ой недѣлѣ Великаго поста, боровахъ и сохахъ, выпекаемыхъ у бѣлоруссовъ при приближеніи весны¹⁾, лѣстницъ, которыя пекутъ на Вознесеніе въ Тарусскомъ уѣз., Калужской губ.²⁾, коняхъ, которыхъ пекутъ мордвины наканунѣ Рождества въ Хвалынскомъ уѣз., Саратовской губ.,³⁾ о «коровушкахъ», имѣющихъ видъ коровы и предназначенныхъ въ даръ парнямъ отъ дѣвушекъ въ Череповецкомъ уѣз., Новгородской губ.⁴⁾, о «катушкахъ», которые пекутъ въ Вербное Воскресенье въ Тарусскомъ уѣздѣ, Калужской губени и даютъ ѣсть скоту**) о «julgalt» — большомъ хлѣбѣ въ 1½ фута длины, испеченномъ въ видѣ свиньи, знаменующемъ у шведовъ Эстляндіи рождественскаго борова и др.⁴⁾ Мы знаемъ, какъ исчезаетъ это обрядовое печенье изъ народныхъ обычаевъ, прихотливыя формы свадебныхъ короваевъ, напр.,—и какой интересъ можетъ представить изученіе его въ рукахъ умѣлаго этнографа. (напомнимъ работы Höfler'a: напр., Weihnachtsgebäcke. Zt. f. österreichische Volkskunde. Supplementheft III zu B. XI—Neujahrsgebäcke, ibid. 1903. Н. 5—6.—Die Gebäcke des Dreikönigstages. Z. des Ver. f. Volkskunde. 1904. Gebildbrö te bei Ster

¹⁾ Шейнъ. Матер. для изученія быта и языка русск. населенія Сѣв.-зап. края. Спб. 1893, т. II, стр. 383.

²⁾ Изъ собств. зап. кнжкн.

³⁾ Минхъ. Народные обычаи и пр. Саратовской г. Спб. 1890, стр. 90.

⁴⁾ Герасимовъ. Нѣк. обычаи крестьянъ Черепов. у. Этн. Об. 1894 г. № 1 кн. XX, стр. 126.

***) Изъ соб. зап. кнжкн.

⁴⁾ О—ва Большой и Малой Рогъ. Ревель. 1890, стр. 79.

befüllen. Z. f. Anthrofologie N. F. V. VI. N. 2—3. п др.). Собраниемъ различныхъ образцовъ *пряниковъ и пряничныхъ досокъ*, на которое обращено столько вниманія со стороны фламандскаго музея, не слѣдовало бы пренебрегать и нашимъ музеямъ. Печатныя старинныя доски, въ которыхъ нѣмецкіе этнографы усмотрѣли интересный матеріалъ для исторіи костюма, какъ извѣстно, исчезаютъ въ Россіи (образцы ихъ имѣются въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, въ музеѣ Строгановскаго училища, въ Калужскомъ и Нижегородскихъ музеяхъ и др.). Исчезаютъ и народныя и старинныя названія пряниковъ (напримѣръ: «кулажный» пряникъ изъ черной муки и «одномедный» пряникъ на меду, а не на патоку, въ Калужской губ., Медынскаго у., «тверской горошекъ» въ Твери, «цукербродтъ», «миндальные пальчики», «сахарная рѣпка», «московская мостовая», «мятные эрбики» въ Тулѣ и пр.), исчезаютъ и надписи на нихъ (вродѣ: «знакъ верности», «знакъ любви», «знакъ уваженія», «люблю и дарю», «Городъ. Меленки. Мастеръ. Василей Пузанковъ»⁵⁾; или: «сія ковришка шевниская. И. Т.»—на пряникъ изъ дер. Шевнево, Медынскаго у., Калужской губ.⁶⁾, исчезаютъ и характерныя формы и орнаментальныя мотивы, и раскраска пряниковъ (напр., ярко-красная краска, которой были обмазаны мятные пряники въ Симферополѣ въ 80-хъ годахъ XIX ст.). Сокращается и количество случаевъ, когда пряникъ является обрядовымъ яствомъ (напр., одариванье «молодыми» свадебныхъ гостей медовыми пряниками у старообрядцевъ на Вѣткѣ⁷⁾, изготовленные ростовскими торговками специально для крестьянскихъ свадебъ «пряницы»—огромный пряникъ, украшенный фольгой, деревьями, цвѣтами и куклами изъ тѣста⁸⁾).—Обратимся къ другимъ коллекціямъ Антверпенскаго музея. Богато представлены здѣсь *могильныя украшенія*, вѣяки и пр. По этому поводу мы не можемъ не пожалѣть, что и у насъ

⁵⁾ Оттиски со старинн. прянич. досокъ Вязниковск. у., печатан. въ литогр. Голышева. 1874.

⁶⁾ Изъ соб. зап. кн.

⁷⁾ Абрамовъ. Старообрядцы на Вѣткѣ. Жив. Стар. 1907, в. III, стр. 127.

⁸⁾ Ушаковъ. Свѣд. о пѣкот. повѣрьяхъ и обрядахъ въ Ростовск. у. Ярославской г. Э. О. 1904. № 2. кп. LXI, стр. 161. Эти куклы на свадебномъ пряникѣ можно сблизить съ другими случаями, когда куклы фигурируютъ въ свадебныхъ обрядахъ, какъ символъ будущаго потомства новобрачныхъ.

въ Россіи систематически не собираютъ характерныя для разныхъ мѣстностей могильныя кресты и надгробныя памятники. Отмѣтимъ, напр., оригинальныя деревянныя домики съ оконцами надъ могилами въ Олонецкой и Архангельской губ., деревянныя рѣзные могильныя столбики въ Поморьѣ, деревянныя кресты съ прибитой къ перекрестію тряпичей на убогихъ степныхъ кладбищахъ Екатеринославской губ., изъ кирпича сложенные и выбѣленные кубообразныя памятники въ г. Барнаулѣ и пр. Интересны разныя вида гроба (см. коллекцію изъ Вологодской губ. Н. А. Иваницкаго въ Московск. Румянцевскомъ музеѣ), предметы, которые кладутся въ гробъ съ покойникомъ, саваны и покрывающіе лицо покойнаго завѣси (ихъ продаютъ, напр., въ лавочкахъ по пути въ Кіево-Печерскую лавру), вѣнчики на голову умершаго, особенно расписныя отъ руки у старообрядцевъ. Отдѣлъ *руководній* богато представленъ въ Антверпенскомъ музеѣ, *орнаментъ* и *татуировка* (особенно часто встрѣчающаяся у матросовъ). Интересъ представляетъ отдѣлъ, посвященный *курению*, гдѣ собраны и пр., старинныя этикетки съ старыхъ табачныхъ пакетовъ съ изображеніями курящихъ турокъ и негровъ. По этому поводу намъ вспоминается невольно безслѣдное, навѣрное, исчезновеніе старыхъ выѣсокъ, съ подобными же, напр., курящими турками и «арабами» — и множество другихъ, съ характерными, безграмотными надписями, на которыхъ, между прочимъ, можно увидать изображенными исчезнувшія уже формы предметовъ, напр., старинныя самовары на выѣскахъ харчевенъ. О спасеніи и *выѣсокъ* отъ исчезновенія подумала дирекція Антверпенскаго музея. Въ отдѣлѣ куренья собраны также многочисленныя типы трубокъ — нѣкоторыя съ *портретными изображеніями популярныхъ лицъ*, — напр., Крюгера. Намъ казалось бы вполне основательнымъ собирать такую портретную галерею состоящихъ извѣстными народу историческихъ личностей и у насъ, хотя бы на дешевой посудѣ. Вспомнимъ, напр., фаянсовыя кружки, съ портретомъ того же Крюгера во время Бурской войны, о. Іоанна Кронштадскаго, ген. Куропаткина, Стесселя и др. Наблюденія надъ перемѣной въ формѣ, окраскѣ, украшеніи *дешевой посуды*, идущей въ народъ, крайне интересны. Отмѣтимъ, напр., что за послѣдніе годы на московскихъ и другихъ рынкахъ, напр., появились дешевыя фаянсовыя кружки съ надписями (пословицъ и изрѣченій въ родѣ:

«ученье въ счастіи украшеніе, а въ несчастіи утешеніе» (ср. стихъ Ломоносова), «многаго выбирать, женатому не бывать», «доброе братство лучше богатства» и пр.; а въ 1907 г. съ цитатами изъ басней Крылова: «ай-моська, знать, она сильна» и т. д. и другія. Весьма возможно, что развившійся вкусъ заставитъ исчезнуть чашки: въ видѣ самовара, въ видѣ пасхальнаго яйца, съ сидящимъ на немъ пѣтушкомъ, чашки, долженствующія изображать домикъ съ окнами или колоду съ воткнутымъ въ нее топорикомъ,—точно такъ же, какъ исчезли излюбленные лѣтъ 25 т. назадъ и больше, сахарницы въ видѣ виноградной кисти, курицы, сидящей на яйцахъ, и пр., какъ исчезаютъ даже въ деревняхъ передъ эмалированной посудой характерныя глиняныя и фаянсовыя чашки. Густо покрытыя сплошь позолотой, дешевыя чайныя чашки, составляющія въ настоящее время предметы мечтаний въ мѣщанскихъ или достаточной крестьянской семьѣ, навѣрное, такъ же сойдутъ со сцены, какъ прежнія, ярко-красныя, ярко-голубыя съ медальонами — слабое подражаніе произведений дорогого фарфороваго производства, какъ ушли въ область прошлаго дешевыя чашки Empire.—Въ Антверпенскомъ музеѣ собраны также многочисленныя коллекціи, относящіяся къ различнымъ народнымъ *играмъ* и *увеселеніямъ*. Это въ высшей степени интересно и важно, такъ какъ, какъ извѣстно, на игры тоже существуетъ мода; игры мѣняются, исчезаютъ и замѣняются новыми. Въ отдѣлѣ: *судъ* и *управленіе* музей собралъ, на ряду съ фальшивыми монетами, бирками и пр. также и коллекціи запрещенныхъ игръ и относящагося къ нимъ. На расширеніе этого отдѣла, какъ кажется, до сихъ поръ мало обращали вниманія этнографическіе музеи Европы.

Чрезвычайно богаты тотъ отдѣлъ, который относится къ *религіозной жизни* фламандскаго народа: тутъ представлены: религіозное воспитаніе, молитвы, дѣятельность братствъ, паломничество, религіозныя процессы, *ex-voto* и пр. Намъ хотѣлось бы остановиться нѣсколько дольше на этомъ отдѣлѣ и выразить пожеланіе, чтобы и у насъ, въ Россіи, было обращено вниманіе на собираніе всего того, что имѣетъ отношеніе къ народной вѣрѣ, въ примѣненіи къ «христіанскому культу». Изслѣдованіе формъ «христіанскаго культа» въ народѣ было въ забвеніи у этнографовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Какую

богатую почву для изслѣдованія, однако, представляютъ они, доказываютъ хотя бы труды нѣмецкихъ этнографовъ изъ послѣднихъ десятилѣтій, какъ: Heine, Höfler, Marie Eysn, наконецъ, книга R. Andree, *Votive и Weihegaben. Braunschweig 1904.* Формы «христіанскаго культа» въ народѣ тоже мѣняются, возвышаются и очищаются—но старыя формы, иногда грубыя и матеріальныя, имѣютъ для насъ большее значеніе, какъ свидѣтель уже пройденныхъ народомъ этаповъ по пути культурнаго прогресса. Прежде всего намъ хотѣлось бы обратить вниманіе этнографовъ на излюбленныя мѣста культа, на формы, въ которыя выливается культъ въ данной мѣстности—на монастыри, часовни, кресты и пр., къ которымъ направляется паломничество богомольцевъ. Извѣстно, напр., что существуютъ церкви, часовни и пр., куда отправляются молиться объ опредѣленномъ желаніи, въ надеждѣ быть непременно услышаннымъ (напр., служить молебны св. Анастасіи Узоръшительницѣ въ Страстномъ монастырѣ въ Москвѣ о счастливомъ разрѣшеніи отъ бремени, при чемъ возлагаютъ на раку рубашку, которую потомъ надѣваютъ на родильницу; съ этой же цѣлью ставятъ фунтъ свѣчей передъ образомъ на Никольскихъ воротахъ въ Кремлѣ; ставятъ фунтъ свѣчей передъ образомъ на Спасскихъ воротахъ въ Кремлѣ для полученія желаемаго; кликушь и бѣсноватыхъ водятъ отчитывать въ предѣлѣ св. Аверкія Іеропольскаго въ Казанскомъ соборѣ въ Москвѣ (срав. житіе святаго, сумѣвшаго «посрамить» дьявола), подають о больномъ «на двѣнадцать молебновъ въ часовню муч. Пантелеймона на Никольской и пр.). Съ подобной же цѣлью служатъ панихиды у могилъ неканонизированныхъ лицъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, лица, желающія выиграть тяжбу, отправляются, какъ намъ доводилось слышать, въ Архангельскій соборъ служить панихиду по царѣ Іоаннѣ Грозномъ⁹⁾. Въ Петербургѣ нѣкоторые лица вѣрятъ что для достиженія желаемаго слѣдуетъ поставить свѣчку у гробницы императора Павла I. Далѣе, извѣстно, что во многихъ монастыряхъ, церквахъ, часовняхъ выработались извѣстныя формы культа, такъ-сказать, залогомъ полученія испрашиваемаго, осязательные способы входить въ ближайшее соприкосновеніе съ чудодѣйственной силой: напр., возложеніе частей одежды на раку,

⁹⁾ Зап. И. Г. Позняковымъ въ *Ессенукахъ*.

на изображеніе святого и пр., которыя потомъ надѣваются больному. Вспомнимъ, напр., прежнее обыкновеніе шить шапочки, которыя освящались у мощей св. Петра митрополита и затѣмъ надѣвались страдающими головою болью; обувь, которая надѣвалась на ноги—рѣзное изображеніе св. Параскевы въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ; по совершеніи молебна, ее заставляли носить ребенка, долго не начинавшаго ходить. Вспомнимъ обычай брать песокъ изъ раки пр. Евфросиньи въ московскомъ Страстномъ монастырѣ и тихонько подсыпалъ его въ питье страдающему отъ запоя; обычай брать щепочки отъ гробовъ и ракъ святыхъ, отъ деревьевъ, связанныхъ съ явленіемъ иконъ, напр., въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, съ мѣстожительствомъ святыхъ. Весьма часто такія формы «христіанскаго культа» уже отошли въ область прошлаго или, несомнѣнно, скоро отойдутъ. На памяти еще живущаго поколѣнія происходитъ очищеніе, одухотвореніе нѣкоторыхъ формъ почитанія въ церквахъ и монастыряхъ—возможно, что скоро у насъ, въ Россіи, какъ и въ Зап. Европѣ, гдѣ въ католической церкви происходитъ подобное же движеніе, уничтожающее слишкомъ матеріалистическія формы культа, этнографу нельзя будетъ уже наблюдать и въ лучшемъ случаѣ придется удовольствоваться разказами изъ старины. Въ прошломъ году случайно удалось услышать О. К. Бартельсъ, что въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Смоленскѣ крестьянскимъ женщинамъ, желающимъ имѣть дѣтей, даютъ подержать на руки деревянную фигуру ангела (женщина раскачиваетъ ее слегка на рукахъ),—при этомъ «монахиня читаетъ молитву». Фигуру ангела не показываютъ въ обыденное время—но въ день Вознесенія ее выносятъ. «Кто желаетъ имѣть сыновей, тотъ жертвуетъ изображенію мужскую одежду, которую и набрасываютъ на фигуру, облеченную въ парчевое одѣяніе; кто желаетъ имѣть дѣвочекъ, жертвуетъ одежду женскую». Въ такомъ видѣ свѣдѣніе это проникло въ нѣмецкую этнографическую литературу¹⁰⁾. По справкамъ, наведеннымъ нашимъ извѣстнымъ бѣлорусскимъ этнографомъ Е. Р. Романовымъ, удалось, далеко не сразу, установить, что, дѣйствительно, въ Смоленскомъ Вознесенскомъ монастырѣ

¹⁰⁾ Передаваемый мнѣ разказъ звучалъ т. обр. Мужъ былъ въ судѣ по дѣлу жена отправилась въ соборъ, отслужила панихиду, „вдругъ, оглядываюсь, стоитъ монахъ-странникъ—откуда опъ явился? раньше его не было—право, странно“.

существуетъ фигура ангела, деревянная, крашеная, въ $\frac{1}{2}$ арш. вышины. Фигура во время молебна пропускалаь у женщины подь сорочкой по тѣлу, начиная отъ воротника сверху внизъ. Лѣтъ десять все это дѣлалось открыто, но потомъ ангела спрятали и теперь молебны служатъ лишь осторожно и для женщинъ изъ простаго народа¹¹⁾. Въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ пещерахъ еще недавно, женщинамъ, желающимъ разрѣшиться отъ неплотдія, давали на руки ларець съ костями Вилеємскихъ младенцевъ, которыхъ онѣ и раскачивали. Въ Ветлугѣ въ часовнѣ при кладбищѣ есть «статуя» Христа, которую обмываютъ и водой этой лѣчатъ глаза и другія болѣзни¹²⁾. Намъ казалось бы интереснымъ собраніе подобныхъ свѣдѣній по всему обширному пространству Россіи, также фотографій съ подобныхъ рѣзныхъ изображеній, также съ мѣсть, къ которымъ направляется паломничество: начиная съ «святыхъ колодцевъ», часовенъ, крестовъ при дорогѣ, (которые, какъ извѣстно, безконечно разнятся по типамъ) и вплоть до пользующихся христіанскимъ культомъ «мѣсть», не освященныхъ церковью, какъ, напр., «проць» въ Минской губ., камней, напр., со слѣдомъ Богоматери¹³⁾, источниковъ, могилъ юродивыхъ и пр. (напр., могилу юродивой Ксении на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ; могилу и келейку старца Феодора Кузьмича въ Томскѣ, подь которымъ народная вѣра подразумѣваетъ Александра I. Припомнимъ, напр., пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ 80-хъ годахъ XIX ст. въ г. Юрьевѣ-Повольскомъ блаженнаго Михаила Митрича, похороненнаго у церкви; «Иванушку-больного» въ Москвѣ, который много лѣтъ жилъ у церкви Іоанна Воина, на Якиманкѣ, никуда не выходя, и появился среди народа во время большого пожара въ Бабьемъ Городкѣ въ 1892 году.) Немаловажнымъ представляется намъ собраніе различныхъ предметовъ, такъ или иначе соприкасающихся съ христіанскимъ культомъ, напр., поляки, лѣстовки,

11) Bartels, T. Fortpflanzung, Wochenbett u. Taufe in Brauch u. Glauben d. weissrussisch. Landbevölkerung. Z. d. Vereins f. Volkskunde. 1907. Н. 2. s. 160—163.

12) Здѣсь выступаетъ идея о магической силѣ человѣческаго изображенія содѣйствовать рожденію дѣтей, съ которой мы встрѣчаемся въ другихъ обрядахъ и обычаяхъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣтороженію.

13) Изъ частнаго письма Е. Г. Романова.

ладанки съ зашитыми въ нихъ молитвами, наконецъ, сами молитвы, напр., писанные уставнымъ письмомъ въ раскольниковыхъ скитахъ. Вспомнимъ по этому случаю, что въ народѣ обращаются, съ одной стороны, искаженныя редакціи церковныхъ молитвъ, съ другой—своеобразныя молитвы¹⁴⁾. На раскольниковыхъ поясахъ нерѣдко можно встрѣтить вытканныя молитвы и изреченія: такъ, напр., на одномъ пояскѣ, приобрѣтенномъ въ Олонецкой губ. въ 1881 г., намъ пришлось прочесть слѣдующую надпись: «1877 года. Благая совѣсть душу украшаетъ, лучшии каменей предрагихъ блистаетъ; богатство и слава и честь переходить, а совѣсть блага вѣчну радѣсть намъ даетъ. Уповай всегда на Бога, проси милости Его, у Его щедротъ премного, Онъ не презритъ никого. Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ». Наконецъ, изъ предметовъ, относящихся къ церковному культу, слѣдуетъ спѣшить собираніемъ такъ-называемыхъ *ex-voto*, обѣтныхъ приношеній всякаго рода, жертвуемыхъ въ церкви въ знакъ благодарности за полученіе просямаго, за исцѣленіе и пр. Р. Андрэ и его жена Мари Эйсиъ Андрэ являются обладателями богатѣйшей коллекціи *ex-voto*, собранной ими въ теченіе долгихъ лѣтъ. Они успѣли во-время принятыя за собираніе—обычай приносить *ex-voto* и въ западныхъ странахъ Европы идетъ къ отмиранию. Въ своей замѣткѣ объ Антверпенскомъ этнографическомъ музеѣ Андрэ указалъ, напр., что въ знаменитомъ, воспѣтомъ Гейне, Кевелаэрѣ духовенствомъ уже запрещено продавать около церкви восковыя *ex-voto*, изображенія рукъ, ногъ, сердецъ и т. д. Серебряныя руки, ноги, глаза и пр., которые сравнительно недавно можно было видѣть на нашихъ чудотворныхъ иконахъ, въ большинствѣ церквей снимаются и хранятся. Но обычай вѣшать *ex-voto* на иконы вовсе не такъ мало былъ распространенъ въ Россіи, какъ можетъ казаться, не говоря уже о губерніяхъ съ католическимъ населеніемъ (припомнимъ часовню Островоротной (Остробрамской) Б. М. въ Вильнѣ, гдѣ икона и колонны около нея вплоть увѣшаны *ex-voto*). «Болитъ ли у него (жителя Минской губ.) рука или нога,—пишетъ Н. А. Янчукъ,—онъ жертвуетъ тому или другому святому слѣпокъ—рѣзное или шитое изображение

¹⁴⁾ Изъ частнаго письма.

болящаго члена; падаетъ ли скоть, онъ вѣшаетъ въ церкви изображеніе коровы» и т. п.¹⁵⁾ Въ Вологодской губ. дѣлаютъ деревянный зубъ и вѣшаютъ его на икону св. Антипія, цѣлителя зубной боли. Тамъ же въ ходу и серебряныя руки и ноги въ качествѣ ex-voto¹⁶⁾. Въ Кахетіи существуетъ обычай въ случаѣ болѣзни приносить къ священнымъ мѣстамъ модели больной части тѣла, въ большинствѣ случаевъ сдѣланныя изъ желѣза; шампуры, сдѣланныя по длинѣ больного мѣста»¹⁷⁾ У многихъ кавказскихъ народовъ женщины, молящія о нискосланіи дѣтей, приносятъ въ жертву модель колыбели или куклу¹⁸⁾. Эти и подобныя факты доказываютъ, что и собраніе ex-voto въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи можетъ представить значительный интересъ.

Позволимъ себѣ обратиться теперь еще къ одному отдѣлу Аятверпенскаго музея — отдѣлу *колдовства и чародѣйства*. Принадлежности, относящіяся къ колдовству, къ чтанію звѣздъ, къ вѣрѣ въ привидѣнія, вѣдьмъ, гаданью, волшебныя карты, вылитыя на Андрееву ночь фигуры изъ олова и ихъ толкованія, объясненія гаданія на кофейной гущѣ, восковыя сердца, проткнутыя иглами съ цѣлью извести врага, разнаго рода амулеты¹⁹⁾ и пр.—все собрано съ величайшею тщательностью и любовью къ народной жизни въ одномъ изъ самыхъ темныхъ и мрачныхъ ея проявленій.

Мы не можемъ не пожалѣть, что область колдовства, вѣры въ магнитическую силу, гаданья и пр. сравнительно мало раз-

¹⁵⁾ Янчукъ. По Минской губ. М. 1887, стр. 11—12; 14—16.

¹⁶⁾ Напр., записанная Н. А. Янчукъ молитва: „Лажуся спаць; Пречистая, приди ка мнѣ начеваць зъ двавадцатью ангѣлами, съ тринадцатымъ апостоломъ“ и т. д. Янчукъ. По Минской губ. М. 1887, стр. 13. Также слышанная мной отъ старой паян: „Спать ложусь, крестомъ кружусь. Крестъ со мной, крестъ предо мной“. Ср. Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ В. В. Витебскъ 1891 стр. 411—431.

¹⁷⁾ Янчукъ, *op. cit.*, стр. 31. Ср. обычай крестьянскаго населенія Германіи приносить въ жертву желѣзныя и другія изображенія домашнихъ животныхъ. Andree, *Votiveu Weihegaben*.

¹⁸⁾ Иванацкій. Матер. по этнографіи Вологодской г. Сб. свѣд. для изученія крест. населенія Россіи п. ред. Н. Харузина. В. II. М. 1890. стр. 127.

¹⁹⁾ Чурепинъ. Народ. обычай и вѣрованія Кахетіи. Тбились 1905. Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О. Кн. XXV. В. 2, стр. 10.

работана въ нашей этнографической литературѣ—и что мало обращено вниманія на собираніе предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ этой области. Прежде всего интересно было бы обратить вниманіе, при записываніи заговоровъ, сопровождающія ихъ со стороны вѣдуна, знахаря, знахарки дѣйствія—также и на тѣ средства, которыя подкрѣпляютъ силу заговора, на тѣ ладанки, которыя даютъ носить отъ разныхъ болѣзней или какъ предохранительное средство: начиная отъ ладанокъ съ зашитымъ въ нее, списаннымъ на бумагѣ псалмомъ 90-мъ, съ зашитыми головками чеснока отъ заразы, гривенника съ пробитымъ отверстіемъ отъ лихорадки и пр. Извѣстно, что нѣкоторые предметы, имѣющіе отношеніе къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, признаются обладающими опредѣленной силой по отношенію къ извѣстнымъ болѣзнямъ, напр., веревочка или снурокъ, на которыхъ завязаны были девять узловъ въ первый разъ, какъ весной были увидѣны молодые гусята—узлы даютъ развязать больному лихорадой (зап. въ Сибири); напр., руки растеревшія весной лягушачью икру, добытую изъ живой лягушки, сохраняютъ на цѣлый годъ силу излечивать рожу; стоитъ руки обтереть платкомъ или тряпкой и затѣмъ дать больному вытереть этимъ платкомъ или тряпкой больное мѣсто—рожа проидетъ (зап. отъ мѣщанки г. Юрьева-Повольскаго) *. Извѣстно, что въ обиходѣ колдуновъ и колдуній находится цѣлый рядъ «присушекъ» и средствъ отвести тоску и скуку,—которыми не брезгаютъ и низшіе слои городского населенія: напр., при желаніи отомстить «разлучницѣ», привлечь къ себѣ любимаго человѣка, затруднить ненавистной женщинѣ разрѣшиться отъ бремени и т. п., порошки, корешки, «лягушачьи кости», отпускаемые деревенскими «знающими людьми» и городскими гадалками, ворожеями и пр. Наконецъ, какъ интересно было бы знать и тѣ предметы, которымъ народъ приписываетъ иногда магическую силу въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, напр., чтобы мать не тосковала по умершемъ ребенкѣ, рекомендуется незамѣтно засыпать ей за воротъ песку отъ могилки ребенка (зап. въ Москвѣ *). Намъ казалось бы важнымъ съ этнографической точки зрѣнія собрать

*) Изъ соб. зап. кн.

*) Изъ соб. зап. кн.

различныя фигуры и изображенія, имѣющія магическую силу—напр., образцы: того «болванчика изъ глины или дерева, съ ногами и руками, на подобіе человѣка», котораго корелы кладутъ при началѣ постройки подъ первое бревно ²⁰⁾, вырѣзанныхъ изъ хлѣбныхъ корокъ разныхъ фигуръ «для лекарственныхъ и чародѣйскихъ цѣлей» у бѣлорусовъ ²¹⁾ фигуры «кикиморы», которую русскіе плотники злонамѣренно подкладываютъ подъ постройку, чтобы въ жильѣ было «неладно», самодѣльной фигуры «скрата» шведскаго (о. Рогэ) и эстонскаго домашняго духа деньгоносца, которая изготовлялась особымъ образомъ, изъ особаго матеріала—изображеніе «скрата» на дверяхъ въ свою очередь служило средствомъ обезопасить себя отъ воровскихъ нашествій чужого духа-деньгоносца ²²⁾, и многое тому подобное. Наконецъ, если мы коснемся области гаданья—не безынтереснымъ кажется намъ собраніе всего того, что служитъ для этой цѣли въ народѣ—не упуская изъ виду продающихся на улицахъ листиковъ съ «Соломономъ» и такъ-называемой гадательной карамели, бывшей въ обращеніи въ Москвѣ еще на святкахъ 1907 г.,—съ ликомъ солнца, какой имѣется на старинныхъ Соломонахъ и изреченіяхъ оттуда же (карамель эта идетъ между прочимъ, въ монастыри, гдѣ «старцы» пользуются ею для отвѣтовъ вопрошающимъ: они даютъ приходящимъ по одной, по двѣ карамели какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ) ²³⁾. Интересъ представляетъ и арсеналъ гадалокъ, начинающій съ простыхъ и другихъ картъ, бобовъ, кофейной гущи, мелкаго чая, и способы ихъ толкованія. Немаловажнымъ представляется намъ тотъ фактъ, что въ этой области, какъ и въ другихъ случаяхъ чародѣйства и леченія, извѣстная магическая сила признается за предметами священными. Одна московская гадалка гадала на водѣ, опуская въ стаканъ съ богоявленской водой

²⁰⁾ *Ib.*, стр. 11.

²¹⁾ Наше вниманіе обратили, помѣщенные вопр. въ отдѣлѣ относящіяся къ солдатской службѣ амулеты, употребляемые при выпутіи жребія: талеръ времени Маріи Терезіи, веревка, служившая при казни повѣшеніемъ, черепъ крысы. Интересно, что если молодому человѣку удастся вынуть счастливый номеръ, онъ иногда направляетъ его въ серебро и вѣшаетъ въ церкви въ качествѣ *ex voto*.

²²⁾ Майновъ, Поѣздка въ Обонежье и Корелу. Спб. 1877, стр. 288.

²³⁾ Нилѣоровскій, Оч. простонароднаго жителя-бытѣ въ Витебской Бѣлорусіи. Витебскъ. 1895, стр. 43.

тѣльный крестъ или кольцо гадающаго, на столъ клала «святость», напр., кусокъ богоявленской просфоры или артоса и т. п. ²⁴⁾. По Вологодской губ. Н. А. Иваницкимъ отмѣчено значеніе, которое придаютъ водѣ, въ которую опущена была просфорная печать—ею поятъ и моютъ дѣтей. Водой, которою скатили языкъ церковнаго колокола, поятъ ребенка, если онъ долго не начинаетъ говорить ²⁵⁾.

Въ этомъ перечнѣ мы коснулись только нѣкоторыхъ сторонъ народной жизни, и преимущественно русскаго населенія нашей родины. Подобная же тщательность, детальность въ собираніи, въ отмѣчаніи отдѣльныхъ явленій жизни, постоянно измѣняющейся, требуетъ и изученія всѣхъ многообразныхъ народностей широкой Россіи. Будемъ надѣяться, что стараніями многихъ людей, любящихъ народную жизнь, которые будутъ спасать исчезающее, уходящее, жертвовать «крупницами», создастся въ одномъ изъ нашихъ хранилищъ такой же блестящій, научно оборудованный музей, въ систематическихъ коллекціяхъ дающій полную картину жизни народной, какъ и новосозданный научный центръ въ Антверпенѣ, которымъ по справедливости можетъ гордиться маленькій фламандскій народъ.

В. Харузина.

²⁴⁾ О-во Б. и М. Рогз. Гевель. 1890, стр. 145--147.

²⁵⁾ Изъ собств. зап. книжки.

²⁶⁾ Изъ собств. зап. книжки.

²⁷⁾ Иваницкій, *op. cit.*, стр. 111.

СМѢСЬ.

Изъ свадебныхъ обрядовъ и повѣрій Ярославской губерніи.

І. Богомолье.

Во время «богомолья», которое бываетъ въ домѣ неvěсты, родители неvěстины снимаютъ съ божницы икону и ставятъ ее на лавку подъ божницей. Подъ икону подстилаютъ навины. Столъ, стоящій въ переднемъ углу, конечно, вынимается — на время богомолья, — неvěста до богомолья находится гдѣ-либо въ укромномъ мѣстѣ, т.-е. въ горенкѣ или въ чуланѣ, откуда ее мать и выводитъ въ избу. Поставивъ жениха и неvěсту рядомъ, посерединѣ избы, берутъ заранѣе приготовленныя двѣ восковыя свѣчки, которыя и ставятъ зажженными передъ назначенною для благословенія жениха и неvěсты иконою; но, надо замѣтить, что свѣчи не ставятъ просто, — а дѣлается такъ: мать неvěсты беретъ свѣчи и соединяетъ ихъ рядомъ, т.-е. слѣпляетъ одну съ одной, а наверху ихъ раздвояетъ. Затѣмъ начинается «благословеніе» жениха и неvěсты. Благословляютъ одни только родители неvěсты; родители же жениха только присутствуютъ, но въ «благословеніи» не принимаютъ участія, т.-к. жениха его родители благословляютъ дома передъ отъѣздомъ на «богомолье» къ неvěстѣ. Послѣ обряда благословенія — женихъ съ неvěстою три раза цѣлуются и тутъ же обмѣниваются кольцами. Поздравляетъ другъ друга новая родня, и начинается обычное угощеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «богомолье» называютъ еще «почесѣмъ», почему и говорятъ: «вечеръ мы на почесѣ были», т.-е. на «богомольѣ». За послѣднее время послѣ богомолья, молодые, женихъ съ неvěстою, катаются на лошади.

II. Столешники.

Весьма любопытный обычай сохранился въ Яр. губ. во время свадебнаго стола, а именно: всѣ скатерти или, какъ называютъ ихъ крестьяне, столешники» для столованія свадебнаго пира накрываются на столы — «наизнанку» или какъ говорятъ, «наопакъ», или какъ еще выражаются «на опакушу». Такая постилка столешниковъ имѣеть слѣдующее значеніе: вездѣ, гдѣ только во время свадьбы посланы столешники наизнанку, тамъ никакой глать, никакая порча не можетъ повліять на новобрачныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такая постилка столешниковъ имѣеть другое значеніе, а именно, — чтобы вновь пріѣзжая родня не могла отвести изъ дома жениха его благосостоянія во всѣхъ отношеніяхъ: въ скотоводствѣ, въ урожайности хлѣба, и вообще, чтобы не нарушилось благополучіе будущей семьи и съ вновь приведенной молодухой. Молодое поколѣніе не вѣрять такому обычаю и вышеупомянутые столешники уже начали постилать, какъ слѣдуетъ — на лицевую сторону.

III. Привозъ имѣнія невѣсты въ домъ жениха.

Привозъ имѣнія невѣсты или приданаго бываетъ наканунѣ свадьбы, — въ день стоворки. Лицъ, которыя привезли имѣніе отъ невѣсты, встрѣчаетъ женихъ у своего дома съ виномъ и съ закуской. Всѣхъ пріѣзжихъ т.-н. «коробейниковъ», угощаютъ въ домѣ жениха чаемъ и обѣдомъ. Богатые женихи даютъ коробейникамъ деньги, а особенно свахъ-коробейницѣ, которая привозитъ постель отъ невѣсты и еѣ раскладываетъ на кровати въ домѣ жениха. Привезшая постель женщина называется, — «постельной свахой», и она должна быть близкой родней невѣсты, сестрой, теткой и т. под. Но, что любопытно отмѣтить здѣсь изъ этого обычая, это то, что всё привезенное имѣніе отъ невѣсты должно быть уложено въ сундуки или короба — самой невѣстой и притомъ всякая вещь должна быть положена на лицевую сторону, но отнюдь не должна быть вывернутою, какая бы вещь ни была, что весьма строго соблюдается до настоящаго времени; такая аккуратность уклада приданаго свидѣтельствуетъ объ аккуратности невѣсты. Почему и говорятъ: «Невѣста-то всё свое имѣніе

уклала въ аккуратѣ, въ сундукахъ-то». (На дно сундуковъ и коробовъ мать невѣсты кладетъ сухари хлѣбные и деньги, преимущественно старинные рубли, о чемъ мною было сообщено въ «Этнограф. Обзорѣніи» LI, 137).

IV. Порошеніе.

На третій день брака бываетъ въ домѣ жениха «порошеніе». Въ «порошеніе» приходятъ въ домъ жениха сосѣди, особенно женщины, ряжеными, которыя дѣлаютъ всевозможныя, какъ говорится, причуды, за что невѣста ихъ угощаетъ виномъ, пивомъ и пирогами. Въ концѣ «порошенія», когда уже родня какъ женихова, такъ и невѣстина собирается уѣзжать по своимъ домамъ, то отецъ жениха садится на переднюю лавку и беретъ вѣнникъ. Въ это время молодуха, т.-е. вновь приведенная сноха, подходитъ къ своему свѣкру, который держитъ вѣнникъ зажатымъ въ своихъ кобняхъ, съ пивомъ и виномъ, а свекровь стоитъ съ закуской. Свекоръ выпьетъ вина, пива и, закусивъ, отдаетъ вѣнникъ молодухѣ. Молодуха, получивъ вѣнникъ, начинаетъ имъ мести избу. Во время метенія въ соръ всѣ гостившіе кидаютъ деньги. Первой кидаетъ деньги мать жениха, т.-е. свекровь, а затѣмъ всѣ присутствующіе. Деньги, накинанныя въ соръ, поступаютъ въ пользу молодухи. Послѣ метенія невѣста отъѣзжающихъ угощаетъ виномъ и пивомъ. Провожаютъ гостей молодые—на улицу. Остается съ невѣстою только самая близкая ея родня: сестра или тетка (она же и бывшая постельная сваха). Остается для того болѣе, чтобы быть свидѣтельницею, что выданная невѣста, теперь уже жена, вышла невинною, и что дѣвственность ея никѣмъ не была нарушена. Нарушеніе въ дѣвицахъ дѣвства считается большимъ позоромъ.

V. Свадебная постель.

Постель, по обыкновенію, привозятъ въ домъ жениха отъ невѣсты наканунѣ свадьбы. По привозѣ постели, послѣдняя вынимается изъ сундука или короба т.-н. «постельною свахою». Этою же свахою постель раскладывается, т.-е. прибирается въ надлежащій видъ—на указанномъ мѣстѣ, зимою, конечно, въ холодной горенкѣ или клѣтѣ. На кровать постельная сваха кладетъ, пер-

воначально, сѣмя льняное, какъ предохраняющее средство отъ порчи и глаза; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ подъ постель, т.-е. на стлань, кладутъ часть рыболовнаго невода,—тоже отъ порчи. Затѣмъ кладется перина, простыни; послѣднихъ кладутъ штукъ до 4—5 и даже болѣе. Все это закрывается одѣялами. Одѣяль полагается штуки 3—4; наверхъ кладется самое лучшее. На одѣяла кладутъ 4 подушки—въ приличныхъ, конечно, наволочкахъ. На верхнее одѣяло кладутъ невѣстину платье, которое надѣвается обязательно на другой день брака. Подушки накрываются сверху хорошимъ полотенцемъ, вышитымъ узорами. Къ стѣнѣ, подлѣ кровати, за послѣднее время стали прибывать, особенно богатые крестьяне, коверъ. Молодуха должна на кровати ложиться спать постоянно къ стѣнѣ, а мужъ всегда съ краю. На простыняхъ постельныя свахи, черезъ ночь, или двѣ, въ крайнемъ случаѣ черезъ 3, осматриваютъ слѣды крови послѣ нарушенія дѣвственности. Рубашку, въ которой она въ первыя ночи спала, молодуха долгое время хранить немытой.

Сообщ. **Ив. Вас. Ностоловскій.**

Праздникъ воскресенья до христіанства *)).

Праздникъ Пасхи, день Свѣтлаго Христова Воскресенія получилъ, какъ извѣстно, особое значеніе въ христіанскомъ мірѣ; онъ славословится какъ «царь дней», «праздниковъ праздникъ». Такое значеніе онъ приобрѣлъ, однако, не сразу, не съ 1-го вѣка по Р. Хр. Древнѣйшіе христіане на Востокѣ отмѣчали только годовщину дня смерти Христа, посвящая этотъ день воспоминанію о своемъ Учителѣ. За такой день принимался 14-й день мѣсяца нисана у евреевъ, соотвѣтствовавшій 25-му дню марта по юліанскому календарю. Отцы церкви Тертуллианъ, Ипполитъ, Августинъ свидѣтельствуютъ, что Христосъ былъ распятъ въ пятницу, 25-го марта 29-го года. Во второмъ вѣкѣ, кромѣ этого дня, стало праздноваться и 27-е марта, какъ день Воскресенія Христа. У евреевъ 14-й день нисана былъ начальнымъ днемъ ихъ Пасхи,—праздника, введеннаго въ воспоминаніе о чудесномъ избавленіи евреевъ отъ египетскаго рабства. Существенною частью этого праздника было закланіе и вкушеніе агнца (ягненка или козленка); христіане придали этой жертвѣ особое толкованіе, какъ прообразу Христа, принесшаго Себя въ жертву для спасенія человѣчества. Приуроченіе дня скорби—распятія Христа—къ 25-му марта и дня Воскресенія Его къ 27-му марта держалось долго на Востокѣ, но въ Римѣ уже во второмъ вѣкѣ праздновали Пасху послѣ еврейской, около времени весенняго равноденствія (приурочиваемаго къ 21-му марта), въ первое воскресенье послѣ полнолунія. Разногласія между отдѣльными христіанскими церквами были до извѣстной степени устранины постановленіемъ Никейскаго вселенскаго собора (325 г.), склонившагося на сторону римскаго епископа и уста-

*) Съ разрѣш. автора, перепечатывается изъ „Русс. Вѣдом“, 1908, № 87. Ред.

новившаго порядокъ празднованія Пасхи отдѣльно отъ еврейской, но въ нѣкоторыхъ восточныхъ церквахъ (и въ Галліи) еще въ V — VI вѣкахъ распятіе и Воскресеніе Христа продолжали праздноваться 25—27-го марта.

По одному свидѣтельству, въ Галліи Воскресеніе Христова праздновалось даже 25-го марта, а этотъ день ранѣе, въ эпоху языческаго Рима, считался днемъ весенняго равноденствія и посвящался празднованію воскресенія азіатскаго бога Атлгиса. Культъ этого бога возникъ во Фригіи (въ Малой Азіи), перенесенъ былъ затѣмъ, еще во времена республики, въ Римъ, и усилился тамъ въ послѣдующую эпоху императоровъ. Фрезеръ высказываетъ поэтому предположеніе, что долгое упорство христіанъ въ нѣкоторыхъ областяхъ праздновать годовщины смерти и воскресенія Христа около 25-го марта объясняется, можетъ быть, привычкой народа къ языческому празднику, совершавшемуся около того же времени... Въ подтвержденіе своей догадки онъ приводитъ тотъ фактъ, что многіе христіанскіе праздники заступили мѣсто бывшихъ ранѣе въ тѣ же дни языческихъ. Стремясь облегчить для народныхъ массъ переходъ къ новой вѣрѣ, христіанская церковь дѣлала уступки народнымъ религіознымъ обычаямъ, влагая только въ нихъ новое содержаніе. Такъ, празднованіе дня св. Георгія въ апрѣлѣ замѣнило древній языческій праздникъ *Parilia*; Ивановъ день (праздникъ Іоанна Крестителя) вступилъ на мѣсто языческаго празднества въ срединѣ лѣта, день Успенія Богородицы въ августѣ замѣстилъ собою праздникъ Діаны; наконецъ, праздникъ Рождества Христова заступилъ мѣсто праздника зимняго солнцестоянія или Рожденія «Непобѣдимаго Солнца» ¹⁾. Подобнымъ образомъ и праздникъ Воскресенія Христова могъ отчасти замѣститъ

¹⁾ Празднованіе 25-го декабря ведетъ свое начало изъ культа древняго персидскаго божества Митры, получившаго впоследствии широкое распространеніе въ Римской имперіи и бывшаго одно время серьезнымъ соперникомъ христіанству. Митра отождествлялся съ «Непобѣдимымъ Солнцемъ», причемъ принималось, что оно рождается ежегодно въ день зимняго солнцестоянія, съ какового времени день начинае ть прибывае. Рожденіе Спасителя праздновалось сначала на Востокѣ 6-го января и только въ IV вѣкѣ оно было перенесено на 25-е декабря, причемъ нѣкоторые отцы церкви поставили на видъ своей паствѣ, что праздновагъ нужно въ этотъ день не рожденіе Солнца, а Того, кто создалъ солнце и принесъ свѣтъ людямъ.

собою другіе аналогичные праздники дохристіанскаго міра, возникшіе отчасти въ весьма отдаленныя времена ²⁾).

Одно изъ явленій природы, которое должно было еще въ глубокой древности производить впечатлѣніе на человѣка въ странахъ умѣреннаго климата, заключалось въ смѣнѣ временъ года. Теплое время года постепенно смѣнялось холоднымъ, и соответственно съ этимъ происходило измѣненіе въ растительности, а отчасти и въ животномъ мірѣ. Принеся плоды, растенія замирали и засыхали, животныя также гибли или покидали свое мѣстожительство, наступало время дождей и холодовъ, вызывавшее усиленную борьбу человѣка за существованіе. Но вотъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ солнце начинало опять сильнѣе пригрѣвать, вся природа постепенно оживала, снова возраждалась растительность, расцвѣтали цвѣты, созрѣвали плоды, появлялись и множились животныя. Первобытный человѣкъ не могъ уяснить себѣ этой смѣны, но долженъ былъ считаться съ нею, такъ какъ она существенно отражалась на его жизни и питаніи. На ранней стадіи культуры, въ эпоху, предшествовавшую развитію религій, человѣкъ, вынужденный испытывать на себѣ неблагоприятныя вліянія силъ природы, изыскивалъ способы бороться съ ними. Гремѣлъ громъ, падали молніи,—онъ вооружался и пробовалъ бороться съ невидимыми врагами, пуская стрѣлы въ грозовыя тучи. Въ случаѣ затмѣнія онъ производилъ шумъ, кричалъ, грозилъ тому неизвѣстному чудовищу, которое, очевидно, думаетъ поглотить солнце. Имѣя извѣстныя желанія, онъ стремился осуществить ихъ, пытался излечить больного отъ болѣзни, привлечь дождь въ случаѣ засухи, вызвать на небѣ скрывающееся солнце, заставить расти земные плоды. Онъ пользовался для этого первобытной магіей, прибѣгалъ къ помощи тѣхъ изъ своихъ собратьевъ, которые вслѣдствіе своей большей нервности и впечатлительности сознавали себя болѣе способными «выходить изъ себя», узнавать неизвѣстное, извлекать или прогонять болѣзни, бороться съ таинственными врагами, осуществлять желаемое, къ помощи такъ-называемыхъ шамановъ, колдуновъ, знахарей. Сознаніе человѣкомъ своего мышечнаго чувства, своей внутренней «силы» имѣло слѣдствіемъ

²⁾ Нѣмецкое названіе Пасхи *Ostern* происходитъ отъ имени древнесаксонской богини весны *Ostara*.

надѣленіе подобной же силой и всѣхъ предметовъ и явленій природы, игравшихъ большую или меньшую роль въ жизни чело-вѣка. Постепенно развился такъ - называемый «анимизмъ», т. - е: признаніе внутренней силы, «духовъ» въ животныхъ, растеніяхъ, вѣтрѣ, лѣсѣ, грозѣ, потокахъ, лунѣ, солнцѣ, даже въ камняхъ, искусственныхъ предметахъ и т. д., — духовъ, сходныхъ по своей природѣ съ нашей «душой», которая можетъ жить и послѣ смерти, какъ бываетъ же она гдѣ-нибудь, выходя изъ тѣла во время обмо-рока и даже сна. «Духи» постепенно дифференцировались чело-вѣкомъ на добрыхъ и злыхъ, на менѣе и болѣе сильныхъ, при чемъ съ теченіемъ времени выработалось представленіе о «божествахъ», которымъ придавался извѣстный звѣринный или, чаще, чело-вѣко-образный видъ. Этимъ божествамъ стала приписываться и смѣна времяа года; создались мѣны о богахъ, съ жизнью которыхъ связана жизнь природы; возникло представленіе, что божества эти ежегодно рождаются и затѣмъ гибнутъ, убиваемые враждеб-ными силами, съ тѣмъ, чтобы потомъ снова воскреснуть. Рядомъ съ такимъ представленіемъ продолжало еще долго жить и болѣе раннее вѣрованіе въ возможность чело-вѣка вліять на этотъ циклъ явленій и при помощи колдовства, извѣстныхъ магическихъ дѣйствій или обрядовъ, помогать богу, олицетворяющему собою принципъ жизни въ его борьбѣ съ противоположнымъ ему началомъ смерти. Эти магическіе обряды сводились въ сущности къ драма-тическому воспроизведенію тѣхъ процессовъ природы, наступленіе или облегченіе которыхъ имѣлось въ виду, къ наивному предста-вленію, что для достиженія желаемаго эффекта достаточно подра-жанія ему. Такимъ складомъ мысли, далекимъ отъ логики, но вполне убѣдительнымъ даже для довольно развитыхъ стадій куль-туры, объясняются многіе виды религіозныхъ обрядовъ.

Широкое распространеніе мѣоовъ и культовъ, связанныхъ съ ежегоднымъ возрожденіемъ природы, мы встрѣчаемъ въ странахъ Востока, прилегающихъ къ Средиземному морю. Ежегодное увя-даніе и возрожденіе растительной жизни олицетворялось здѣсь, въ Египтѣ и Западной Азіи, въ образахъ Озириса, Таммуза, Адониса, Аттиса, которые ежегодно умирали и затѣмъ снова воскресали. Несмотря на различіе именъ, мѣоовъ, культовъ, эти образы сво-дились, въ сущности, къ одному, — къ представленію объ одномъ божествѣ, которое олицетворяло собою растительность, а у зем-

ледѣльческихъ народовъ—особенно культурныя растенія, оно было богомъ зерновыхъ хлѣбовъ, деревьевъ, плодородія вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ богомъ-отцомъ, богомъ небеснымъ, богомъ умершихъ (Озирисъ) и т. д. Всѣ эти боги связывались мифами съ другими божествами, женскими, которыя представлялись ихъ матерями, сестрами или супругами и которыя пользовались также большимъ почитаніемъ, какъ богини плодородія или матери боговъ. Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности, касающіяся болѣе сложнаго мифа и культа египетскаго Озириса, мы остановимся только на культахъ Адониса и Аттиса.

Культъ Адониса возникъ у семитическихъ народовъ Вавилоніи и Сиріи, откуда онъ былъ заимствованъ и греками въ VII вѣкѣ до Р. X. Главныя святилища этого бога находились въ Библусѣ, въ Финикіи и въ Паѳосѣ, на о-вѣ Кипрѣ. Собственное азіатское имя этого бога было Таммузъ, а Адонисъ было имя нарицательное, означавшее «Господинъ» «Господь», но у грековъ это нарицательное имя получило значеніе собственнаго. Почитаніе Адониса тѣсно связывалось съ почитаніемъ женскаго божества Астарты или тождественныхъ съ нею въ странахъ Востока богинь, у грековъ—Афродиты. По греческому мифу Адонисъ былъ прекрасный юноша, въ котораго влюбилась Афродита. По волѣ судьбы Адонисъ погибъ на охотѣ, растерзанный вепремъ (кабаномъ или своимъ соперникомъ Ареемъ, превратившимся въ кабана). Въ святилищѣ Паѳоса, какъ и въ Библусѣ, идоломъ Афродиты (Астарты) служилъ бѣлый каменный конусъ или пирамида (значеніе этой эмблемы не выяснено). Съ почитаніемъ этой богини связывалась религіозная проституція: дѣвушки и женщины отдавали себя за плату иностранцамъ и приносили затѣмъ эту плату въ храмъ богини. Въ Геліополисѣ или Бальбекѣ, въ Сиріи, такой храмъ Астарты былъ разрушенъ императоромъ Константиномъ, запретившимъ постыдный обычай и повелѣвшимъ построить на мѣстѣ языческаго храма христіанскую церковь. Такой же обычай религіозной проституціи существовалъ въ Понтѣ, Каппадокіи, Фригіи, Вавилоніи, Арменіи, въ связи съ культомъ однородныхъ богинь (Милитты, Ма, Анантисъ и т. д.).

При ежегодныхъ празднествахъ въ честь Адониса происходило оплакиваніе смерти бога, особенно женщинами. При этомъ дѣлалось изображеніе его, похожее на тѣло человѣка, несло въ процессіи

и бросалось затѣмъ въ море или въ потокъ. На слѣдующій день праздновалось воскресеніе бога. Въ Александріи выставялись изображенія Афродиты и Адониса, и около нихъ ставились разные спѣлые плоды, куличи, цвѣты въ горшкахъ. Одинъ день праздновалось брачное соединеніе любовниковъ, а на другой день женщины оплакивали смерть Адониса, и съ распущенными волосами и обнаженною грудью несли изображение его къ берегу для погруженія въ море. Еще днемъ позже праздновалось воскресеніе бога. Время, когда происходилъ этотъ праздникъ, неизвѣстно въ точности, но упоминаніе о спѣлыхъ плодахъ указываетъ на лѣто. Въ Библусѣ оплакиваніе Адониса происходило при жалобныхъ звукахъ флейтъ и сопровождалось всхлипываніями, ударами себя въ грудь и т. д.; но на слѣдующій день представляли себѣ, что богъ воскресъ и восходитъ на небо въ присутствіи его поклонниковъ. Женщины или приносили при этомъ въ жертву свои косы, или отдавались иностранцамъ во славу Астарты. Этотъ финикійскій праздникъ происходилъ, повидимому, весной, такъ какъ наступленіе его связывалось съ окрашиваніемъ рѣки Адониса (нынѣ Нахръ Ибрахимъ). Въ это время красная почва, вымывавшаяся въ горахъ дождями, окрашивала воду рѣки въ кроваво-красный цвѣтъ, въ которомъ видѣли кровь Адониса, растерзаннаго вепремъ въ горахъ Ливана. Въ это же время появлялись красныя анемоны, тоже окрашенныя кровью Адониса, а цвѣты эти расцвѣтаютъ въ Сиріи около времени весенняго равноденствія. Красный цвѣтъ розы также приписывали крови: сложился мнѣ, что Афродита, спѣша на помощь къ своему раненому любовнику, наступила на кустъ бѣлыхъ розъ; острые шипы прокололи ея нѣжное тѣло, и ея божественная кровь окрасила цвѣты навсегда. Въ Аттікѣ, однако, празднества въ честь Адониса происходили лѣтомъ. Фразеръ указываетъ на сходство въ нѣкоторыхъ подробностяхъ культа Адониса съ аналогичными празднествами въ Индіи и съ древними языческими весенними обрядами, сохранившимися кое-гдѣ въ Европѣ еще и теперь (напримѣръ, въ Сициліи, гдѣ они приурочиваются къ празднованію Пасхи, въ Россіи — обряды такъ-называемыхъ «Костромь», «Ярилы» и т. п.).

Во Фригіи культъ Адониса замѣнялся культомъ Аттиса. Объ этомъ богѣ рассказывалось, что онъ былъ красивый юноша, пастухъ и что въ него влюбилась Кибела, мать боговъ, великая

азиатская богиня плодородія. По другой легендѣ Аттисъ былъ сыномъ Кибелы, но по болѣе распространенному мнѣю онъ родился отъ дѣвы Наны, которая зачала его, положивъ зрѣлую миндалину или гранатное яблоко себѣ на грудь. Первоначальное происхожденіе такихъ мифовъ о чудесномъ зачатіи должно быть отнесено къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда человѣкъ еще былъ въ невѣдѣніи относительно причины зачатія и рожденія. Съ такимъ невѣдѣніемъ мы встрѣчаемся еще и теперь у австралійцевъ и другихъ примитивныхъ народовъ, которые не связываютъ акта зачатія съ актомъ полового общенія, а объясняютъ зачатіе другими причинами. О смерти Аттиса существовали двѣ версіи. По одной онъ погибъ такъ же, какъ и Адонисъ, т.-е. былъ растерзанъ вепремъ, по другой — онъ кастрировалъ себя подъ сосной и истекъ отъ этого кровью (еще по одной версіи, эта кастрація была произведена не имъ самимъ). Первой версіей объясняется воздержаніе его поклонниковъ отъ употребленія свинины; вторая даетъ объясненіе добровольной кастраціи его жрецовъ.

Почитаніе фригійской матери боговъ Кибелы было усвоено римлянами въ 204 г. до Р. Х., къ концу ихъ долгой борьбы съ Ганнибаломъ. Изъ священнаго города Фригіи Пессинуса была перенесена въ Римъ эмблема богини, небольшой черный камень, и помѣщенъ въ храмъ Побѣды на Палатинскомъ холмѣ. Перенесеніе это уже въ тотъ же годъ вознаградилось большимъ урожаемъ, а въ слѣдующій годъ — отступленіемъ Ганнибала въ Африку. Повидимому, мать боговъ принесла съ собой въ Римъ и культъ ея юнаго любимца Аттиса. Къ концу республики, по крайней мѣрѣ, жрецы-кастраты Аттиса въ ихъ восточныхъ одеждахъ были обычнымъ явленіемъ на улицахъ Рима. Они устраивали процессіи съ пѣніемъ и музыкой, при чемъ несли эмблему богини, а толпы народа осыпали ее цвѣтами.

Весенній праздникъ Кибелы и Аттиса происходилъ въ Римѣ такимъ образомъ. 22-го марта срубался въ лѣсу стволъ сосны (колода) и приносился въ храмъ; тамъ его обвивали, подобно тѣлу, шерстяными бандажами и украшали гирляндами фіалокъ, такъ какъ фіалки представлялись выросшими изъ крови Аттиса, подобно амонатамъ изъ крови Адониса. На эту колоду клали изображеніе юноши, очевидно, самого Аттиса, и привязывали его къ стволу. На другой день, 23-го марта, происходила главная

церемонія при звукахъ трубъ (подробности ея неизвѣстны). Третій день, 24-го марта, назывался «днемъ крови». Главный жрецъ (archigallus) пускалъ себѣ изъ руки кровь и приносилъ её въ жертву бога. Его примѣру слѣдовали и другіе жрецы, которые при звукахъ дикой музыки плясали до изступленія, наносили себѣ раны черепками или ножами и окропляли своей кровью жертвенникъ и священную колоду. Повидимому, въ этотъ же день происходило и самооскопленіе фанатиковъ, посвящавшихъ себя въ жрецы. Смыслъ этой крови и этихъ жертвъ заключался въ томъ, чтобы вызвать ими Аттиса къ жизни и способствовать тѣмъ общему возрожденію природы. День этотъ былъ днемъ скорби и поста. Но съ наступленіемъ ночи скорбь и плачь смѣнялись ликованіемъ. Внезапно появлялся въ храмъ свѣтъ, и представляли себѣ, что богъ воскресалъ; вѣрующіе подходили къ жрецу, который мазалъ ихъ губы бальзамомъ и шепталъ на ухо радостную вѣсть о спасеніи. Утромъ на слѣдующій день, 25-го марта, наступалъ день веселья, родъ карнавала. Толпы народа ходили переодѣтыми и позволяли себѣ всякаго рода шалости и вольности. Въ царствованіе Коммода шайка заговорщиковъ одѣлась въ этотъ день въ костюмы императорской гвардіи и едва не проникла во дворецъ, но была открыта и схвачена. Строгий Александръ Северъ допускалъ въ этотъ «день радости» умноженіе своей скромной трапезы блюдомъ изъ фазана. Празднества заканчивались 27-го марта процессіей черезъ *Posta Sarena* къ ручью Альмо, впадающему здѣсь въ Тибръ. На колесницѣ, влекомой быками, красовался серебряный идолъ богини съ лицомъ изъ чернаго камня. Ей предшествовали представители благородныхъ фамилій, слѣдовавшіе босикомъ, при шумномъ звукѣ трубъ и бубновъ. Достигнувъ ручья, процессія останавливалась, верховный жрецъ, одѣтый въ пурпуръ, обмывалъ колесницу, идола и другіе священные предметы въ водѣ ручья, и затѣмъ всѣ возвращались обратно, при чемъ колесница осыпалась цвѣтами.

Съ празднествомъ Кибелы и Аттиса соединялись еще разныя мистеріи, о которыхъ, впрочемъ, мало что извѣстно. Сущность ихъ сводилась, повидимому, къ вкушенію мистической пищи и къ крещенію кровью. Посвящаемый вкушалъ какого-то яства съ бубна и какого-то питья съ кимвала, употреблявшихся при священной процессіи. При крещеніи посвящаемый съ золотымъ укра-

шеніемъ на головѣ и съ повязкой вокругъ чреслъ спускался въ яму, огражденную деревянною рѣшеткою. Къ рѣшеткѣ подводили украшеннаго цвѣточными гирляндами быка и убивали его священнымъ копьемъ; горячая кровь лилась въ яму, покуда сидящій въ ней не покрывался весь кровью. Тогда онъ вылѣзаль, и его всѣ поздравляли, какъ омывшаго свои грѣхи кровью быка и какъ возродившагося тѣмъ къ вѣчной жизни. Послѣ того нѣкоторое время онъ долженъ былъ питаться, какъ новорожденный, только молокомъ. Этотъ обрядъ крещенія совершался въ Римѣ, повидимому на Ватиканскомъ холмѣ, вѣроятно, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ храмъ св. Петра. Такъ можно заключать изъ того, что многія надписи на камнѣ, относящіяся къ этому обряду, были найдены здѣсь при работахъ по расширенію храма въ 1608—9 годахъ. Изъ Рима этотъ варварскій обрядъ распространился въ Галлію и Германію, гдѣ тоже были найдены соответственныя надписи.

Распространеніе новой религіи, великаго ученія Христа положило конецъ всѣмъ этимъ древнимъ религіямъ и культамъ. Но человечество, воспитанное на древнихъ вѣрованіяхъ, привыкшее къ древнимъ обычаямъ не могло сразу переродиться. Новые догматы, новые нравственные принципы, новые религіозные обряды прививались къ народамъ, проникнутымъ древними міровоззрѣніями, свыкшимся съ извѣстными религіозными образами и представленіями. Въ результатѣ возникало смѣшеніе представленій, проникновеніе старыхъ воззрѣній новыми или усвоеніе новыхъ на основѣ старыхъ. Отсюда — слѣды «двоевѣрія», пережитки язычества въ средѣ христіанства, сляніе христіанскихъ образовъ съ ихъ языческими предшественниками, возрожденіе отголосковъ древнихъ вѣръ въ сферѣ новаго ученія. Процессъ усвоенія новой религіи любви шелъ медленно и сопровождался многими искаженіями и отступленіями въ сторону язычества; съ другой стороны, и самый духъ новаго ученія отступилъ постепенно на задній планъ передъ догматичностью, культомъ, обрядовою виѣшностью, церковной организаціей. Христіанство, въ томъ видѣ, какъ оно есть теперь, представляетъ собою сложное явленіе, выказывающее слѣды различныхъ культурныхъ наслоеній, различныхъ міровоззрѣній и культовъ. Великое внутреннее зерно ученія облечено въ покровы различной древности и различныхъ культурныхъ стадій. Многіе глубоко-религіозные

умы пытались въ разныя времена отбросить эти оболочки и очистить отъ примѣсей внутреннее зерно, но это привело только къ распаденію церкви и образованію сектъ. Сознаніе религіозной неудовлетворенности продолжаетъ сказываться въ соотвѣтственно настроенныхъ кружкахъ культурнаго общества и проявляется время-отъ-времени въ новыхъ философскихъ и религіозныхъ ученіяхъ. Необходимо, однако, особо благопріятное сочетаніе условій среды и времени, дѣятельной религіозной жизни въ обществѣ, нравственнаго авторитета и высоты личности учителя, чтобы въ результатѣ такого духовнаго движенія могла возникнуть новая міровая религія...

Д. А.

Нѣскольکو пѣсенъ лиро-эпическаго характера.

Въ архивѣ Этнографическаго Отдѣла хранится рукопись, составленная вскорѣ послѣ 1838 г. и заключающая въ себѣ сборникъ пѣсенъ, краткое описаніе свадебнаго обряда и два заговора. Сборникъ составленъ въ Олонецкой губерніи и перешелъ въ Отдѣлъ изъ бумагъ С. Раевского. Въ настоящей замѣткѣ я извлекаю изъ этой рукописи двѣ пѣсни эпическаго характера.

Пѣсни эти принадлежатъ къ тому же отдѣлу великорусской народной поэзіи, въ составъ котораго пѣвцы включаютъ и былины, и старыя историческія пѣсни. По терминологіи акад. Соболевскаго, это — низшія эпическія пѣсни. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былины значительно распространены, такого рода произведенія называются старинами; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ терминъ «старина» неизвѣстенъ, онѣ причисляются къ пѣснямъ. Судя по тому, что въ нашемъ сборникѣ эпическія пѣсни ничѣмъ не выдѣлены изъ лирическихъ, онѣ составленъ, надо думать, въ южныхъ частяхъ Олонецкой губерніи, гдѣ былины очень рѣдки или вовсе неизвѣстны.

Низшія эпическія пѣсни представляютъ значительный интересъ въ томъ отношеніи, что, принадлежа къ одному разряду съ былинами, пользуются широкою распространенностью и извѣстны въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былинная традиція изсякла. Былины сохранились преимущественно въ сѣверныхъ новгородскихъ колоніяхъ и дошли до насъ большею частью въ тѣхъ версияхъ, въ которыя они отлились въ области повгородскаго культурнаго вліянія. Это вліяніе сказывается какъ въ метрикѣ, такъ и въ содержаніи. Судить о тѣхъ версияхъ былинъ, которыя нѣкогда существовали въ районахъ, гдѣ теперь былины не извѣстны, мы до извѣстной степени можемъ на основаніи изученія сохранившихся тамъ низшихъ эпическихъ пѣсенъ. Это изученіе, кромѣ того, можетъ дать любопытныя данныя для сужденія о прежнемъ географическомъ распространеніи былинъ.

Привожу пѣсню о молодцѣ и королевнѣ литовской, находящуюся въ рукописи подъ № 1 на листѣ съ водяными цифрами «1838».

- Ты крапива ли моя, крапивушка, зелье лютое!
 Одолѣла та крапивушка поле чистое,—
 Что ни конному, ни пѣшему проходу нѣтъ.
 Проходилъ тутъ, проѣзжалъ добрый молодець:
5. Загулялъ-то я, молодчикъ, во ину землю,
 Къ королю въ Литву.
 Какъ король-то молодца любилъ, жаловалъ;
 Дочь короля съ молодцемъ во любви жила.
 Ужъ я молодець пьянъ напиваться сталъ,
10. Небылыми словесами похваляться сталъ.
 Ужъ какъ были на молодчика злы-лихи люди,
 Доложили-донесли самому королю.
 Какъ король-то на молодчика прогнѣвался;
 Приказалъ онъ палачамъ казнить-вѣшати.
15. Ужъ самъ палачамъ по червонцу дать:
 «Не ведите вы меня позади двора,
 Поведите вы меня впереди дворца».
 Запоемте, братцы, пѣсню новую:
 «Ахъ вы сѣни мои, сѣни новыя!
20. Ужъ какъ знать, что мнѣ по вамъ, сѣни, не ходить!»

Пѣсня въ значительной мѣрѣ искажена. Прежде всего, она не окончена: обыкновенно рассказъ кончается смертью обоихъ любовниковъ. Искаженіе основного эпического характера старины-былины проявляется въ стремленіи къ разсказу отъ перваго лица, благодаря чему молодець обращается къ палачамъ: «Запоемте, братцы»—вмѣсто словъ въ другихъ пересказахъ:

А запѣлъ молодець да пѣсню новую ¹⁾).

Это позднѣйшее стремленіе ввести лирику въ эпосъ наблюдается въ пѣсняхъ, записанныхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ исчезли старины, какъ особый видъ пѣсни. Конечно, оно не имѣетъ ничего общаго съ лиро-эпическимъ характеромъ древнихъ историческихъ и обрядовыхъ пѣсенъ.

¹⁾ *Соболевскій*, Вр. нар. пѣсни I, № 9—*Гильфердингъ*, № 314.

Мелкое искаженіе представляет выраженіе «небылыми словесами» (ст. 10), не идущее къ мѣсту потому, что похвальба молодца соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ записи XVIII в. молодецъ хвалится «буйными словесами»²⁾; но слово «небылыми», быть можетъ, искажено изъ слова «гнилыми»—ср. въ Повѣсти о «Горѣ-Злосчастіи»: «а всегда *гнило* слово похвальное» (ст. 248).

Пѣсня о молодцѣ и королевнѣ широко распространена по всей Россіи. Но нашъ пересказъ имѣетъ значительное сходство лишь съ одною записью, сдѣланной въ Вологодскомъ уѣздѣ (*Соболевскій* I, № 15). Только въ этой записи молодецъ говоритъ о сѣняхъ, какъ о мѣстѣ свиданій съ королевной:

«Что вечеръ-то я, братцы, на сѣняхъ былъ,
Цѣловалъ я, миловалъ королеву дочь!»

Но здѣсь эти слова отнесены къ похвальбѣ молодца, тогда какъ въ нашемъ пересказѣ молодецъ поетъ о сѣняхъ, идя передъ дворцомъ. Другое сходство представляетъ запѣвъ вологодскаго варианта:

Ужъ ты крапива ли, крапивишка живучая!
У тебя сѣмечка, крапивишка, стрекуція!

Запѣвъ этотъ встрѣчается очень рѣдко и составляетъ исключительную принадлежность эпическихъ пѣсней.

Замѣчательно, что въ былинныхъ районахъ онъ совершенно неизвѣстенъ. Изъ пересказовъ пѣсни о молодцѣ и королевнѣ имъ начинается пересказъ, записанный въ Тульской губ. (*Соболевскій* I, № 20):

Ты крапива ли, крапива зла-стрекучая!
Одолѣла ты, крапива, поле чистое,—
Что ни конному, ни пѣшему пройтить нельзя,
Что ни мнѣ ли, доброму молодцу, проѣхати!

Подобнымъ же запѣвомъ открывается близкій по содержанию къ тульскому пересказу, неизвѣстно гдѣ записанный (тамъ же, № 18). Оба эти пересказа отличаются отъ нашего введеніемъ въ пѣсню эпизода о томъ, какъ королевна украдкою впускала къ себѣ молодца. Наконецъ, тотъ же запѣвъ фигурируетъ въ пѣснѣ о Добрынѣ и Звѣрѣ Скименѣ, записанной въ Новгородѣ:

²⁾ *Соболевскій* I, № 11, стр. 34.

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая!
 Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридцать лѣтъ;
 Обломилъ ли ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи.
 Охъ ты поле, мое поле, поле чистое!
 Зарастало мое полюшко крапивушкой,—
 Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ ¹⁾).

Итакъ, мы видимъ, что пѣсня, записанная въ южной части Олонецкой губ., болѣе имѣетъ сходства съ пересказами, записанными въ Вологодской, Новгородской и Тульской губ., нежели съ пересказами, записанными въ былинныхъ краяхъ той же Олонецкой губ. ²⁾.

Далѣе привожу пѣсню о морской битвѣ, находящуюся въ концѣ рукописи.

- Собирайтесь-ка вы, ребятушка, на зеленый лугъ,
 Становитесь-ка вы, молодья, во единый кругъ,
 Загѣвайте-тко вы, ребятушка, пѣсню новую,
 Мы которую вечеръ пѣли на синемъ мори,
 5. Что на батюшкѣ, да на Соколѣ черномъ караблѣ.
 Мы не пѣсенку вечеръ пѣли — горе мыкали,
 Спотѣшали-то молоденького своего полковничка.
 Не бываль-то нашъ полковничекъ на синемъ морѣ,
 Не видаль-то нашъ полковничекъ страсти-ужасти,
 10. Страсти-ужасти, да пальбы пушечной!
 Еще есть ли то, ребятушка, на семъ свѣтѣ такова лодья,
 Чтобы, по морю ходила, она не шаталася?
 Еще есть ли то на семъ свѣтѣ такова трава,
 Чтобъ безъ корешка травка выросла и безъ цвѣтовъ цвѣла?
 15. Еще есть ли то да на семъ свѣтѣ таковая мать,
 Чтобъ, отпускала бы своего сына, сама не плакала,
 Во ту ли то во службу царскую,
 Во царскую да государеву?

Эта прекрасная, лиро-эпическая пѣсня очень рѣдко встрѣчается въ сборникахъ. Мнѣ извѣстно лишь пять пересказовъ ея,

¹⁾ Куршевскій, II, 1.

²⁾ См. у Соболевскаго I, №№ 1—10.

записанныхъ въ Олонецкой, Архангельской и Томской губ. ¹⁾. Наибольшее сходство съ приведеннымъ текстомъ представляетъ пересказъ, записанный въ Олонецкой же губ. (*Собол.* I, № 261), но этотъ пересказъ искаженъ прибавленіемъ посторонней пѣсни ²⁾, а также тѣмъ, что вторая лирическая часть очень неудачно вложена въ уста попавшаго въ воду полковника. Этотъ пересказъ записанъ въ области бытованія былинъ. Поэтому въ немъ мы замѣчаемъ процессъ, противоположный отмѣченному выше стремленію къ лиричѣ въ пѣснѣ о молодцѣ и королевнѣ. Лиро-эпическую пѣсню сказитель стремился облечь въ форму старины (былины). Но матеріала она давала слишкомъ мало. Чтобы увеличить размѣры пѣсни, онъ прибавляетъ къ ней подобную же лиро-эпическую пѣсню, а чтобы затушевать чисто-лирической конецъ пѣсни, онъ влагаетъ его въ уста полковника. Приведенный пересказъ, такимъ образомъ, даетъ неискаженный лиро-эпическій прототипъ другого пересказа, записаннаго въ области бытованія былинъ и потому приближеннаго къ этому виду пѣсень.

А. Марковъ.

¹⁾ *Соборскій*, I, №№ 261, 431; VI, № 116; Этнографическій Сборникъ, VI, ст. *Потанина*: «Юго-зап. часть Томской губ.», стр. 111; *Истомина и Дюшанъ*. Пѣсни русскаго народа, 216.

²⁾ См. ее въ отдельномъ видѣ у *Соборскаго* I, №№ 254—260.

Б а к с ы .

Слово *баксы* происходит от джагатайского *бахши*, что означает: лекарь, шаманъ, ворожея, колдунъ и т. д. Баксы называются преимущественно тѣ киргизскіе лекаря, которые имѣютъ сношенія съ духами и даже власть надъ ними. Въ наше время уже баксы не имѣетъ того значенія, какимъ онъ обладалъ прежде. Тѣмъ не менѣе дѣло рѣдко обходится безъ него; его можно встрѣтить и у постели трудно-больного, и на свадебныхъ пиршествахъ; у перваго онъ является въ качествѣ лекаря, а у послѣднихъ присутствуетъ какъ жрецъ или колдунъ, предсказывающій будущность молодыхъ. Въ обоихъ случаяхъ баксы прибѣгаетъ къ помощи бѣсовъ и духовъ. А чтобы пациенты безусловно вѣрили связи его съ нечистыми, каждый баксы имѣетъ нѣкоторую ловкость въ магическихъ фокусахъ, напр., пропускаетъ смычокъ своего кобыза сквозь ребра, или вонзаетъ себѣ ножъ въ животъ, глотаетъ иглы и т. д. Въ Перовскомъ уѣздѣ намъ пришлось встрѣтить баксы, который поразительно хорошо зналъ чревовѣщаніе; когда онъ приступилъ къ вызыванію духовъ своихъ и уже находился почти въ изступленіи, до насъ явственно стали доноситься хрюканіе свиней, рычаніе и лай собакъ, блеяніе ягнятъ и т. п.

Во время сеанса баксы не перестаетъ играть на своемъ кобызѣ, и призывъ его прерывается только при наступленіи полного изнеможенія. Онъ тогда напоминаетъ связаннаго сумасшедшаго буйнаго характера: глаза покрываются кровью; ему чудится, какъ постепенно къ нему являются духи и бѣсы. Къ каждому изъ нихъ онъ обращается отдѣльно, называя его по имени и описывая наружность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Затѣмъ уже баксы въ изступленіи теряетъ всякую способность не только говорить, но даже издать голосъ.

Ниже мы приводимъ самый призывъ въ подстрочномъ переводѣ съ киргизской рукописи, доставленной намъ Ишмухамедомъ Букинымъ, киргизомъ Перовскаго уѣзда. Вотъ онъ:

Я начинаю именемъ Твоимъ, Боже,
 О ты, Создатель создающихъ!
 Поддержи насъ подъ руки,
 На скользкомъ пути и узкой дорогѣ...
 О, Пресвятый! не откажи намъ въ убѣжищѣ, въ золотомъ
 Твоемъ сундукѣ,

Когда мы будемъ искать у Тебя приюта.
 О, дарующій всѣмъ и каждому *нравственность и честь!*
 Не откажи и намъ въ Твоей помощи,
 Какъ существующимъ силою Твоего могущества!...

О, Мухаммедъ, защитникъ ислама,
 Прошу и твоей поддержки!
 О, Сулейманъ, пребывающій у воды ¹⁾.
 Питая надежду и на твою помощь!

О, святые, обитающіе въ безчисленномъ множествѣ въ
 Сайрамѣ,
 О, Арыстанъ-бабъ, величайшій изъ 40 тысячъ святыхъ
 Туркестана ²⁾!

О, святые всей вселенной и святые востока и запада,
 О, святой, пребывающій въ горахъ и каменистой пустынѣ,
 О, святой, странствующій въ безводныхъ степяхъ,
 О, святой, путешествующій на озерахъ,—
 У всѣхъ васъ прошу помощи и поддержки!!

Обращеніе къ духамъ:

Наконецъ, явился *Чара-басъ*... ³⁾

¹⁾ Тронъ пророка Сулеймана (Соломона), по преданію, постоянно висѣлъ надъ водою.

²⁾ Арыстанъ-бабъ жилъ за 2—3 столѣтія до Тимура и былъ наставникомъ по химіи Азретъ-султана Яссавійскаго, великаго мистика. Гробница Арыстанъ-баба находится вблизи развалинъ знаменитаго гор. Отрара, при впаденіи р. Арысъ въ Сыръ-Дарью, а мавзолей Азретъ-султана въ гор. Туркестанѣ.

³⁾ Чаръ-басъ, имя одного изъ главныхъ духовъ. Имя это состоитъ изъ двухъ словъ: «Чаръ»—большая котлообразная деревянная чашка, вмѣщающая иногда въ себѣ около двухъ ведеръ бульона, и «басъ»—голова.

О, Чарà-басъ! для головы твоей не скроили шапки
 Изъ шестидесяти бараньихъ шкуръ.
 О, Чарà-басъ! для рукавовъ твоей шубы
 Не хватило семидесяти бараньихъ шкуръ.
 О, Чарà-басъ! на шубу, предназначенную тебѣ,
 Оказалось недостаточно девяносто бараньихъ шкуръ... ⁴⁾
 Ба! и ты явился большой демонъ...
 А вотъ предсталъ и *дневной* демонъ,
 Пожаловалъ и *водяной* демонъ.
 Вотъ явился владѣлецъ *луны*,
 Предсталъ также владѣлецъ *дня*...
 Пожаловалъ сейчасъ и *рыжій* (демонъ);
 Прошу тебя, надави мнѣ крѣпче плечи ⁵⁾.
 Вотъ появился и *Теньге-тай* (кругленькій духъ),
 Пришли и десять обладателей *ущелей*,
 Явились и сорокъ обладателей *стеней*...
 Вотъ и обладатель *блеска*! Поклоняюсь я предъ тобой.
 Наконецъ, появился и *рыжій жеребенокъ*,
 За нимъ послѣдовали и прочіе духи,
 Всѣ верхами на жеребятъхъ...
 Уфъ!! при такомъ моемъ усердномъ зовѣ,
 Какъ долго заставили вы (духи) ждать себя
 И какъ утомили меня призывомъ!!

А. Диваевъ.

⁴⁾ Чарà-басъ обладалъ сказочнымъ ростомъ.

⁵⁾ Баксы во время своего сеанса неизменно дергаетъ плечами и сидя подпрыгиваетъ.

Вотъ почему онъ здѣсь обращается къ рыжему (дежону), чтобы онъ крѣпко надавливалъ ему плечи.

Критика и библиографія.

Weissenberg, S. *Das neugeborens Kind bei den südrussischen Juden.* («Globus». В. XCII, № 6).—*Krankheit und Tod bei den südrussischen Juden.* (ib. В. XCI № 23).—*Palästina in Brauch u. Glauben der heutigen Juden.* (ib. В. XCII, № 17).

Три интересныхъ этнографическихъ очерка обычаевъ и вѣрованій евреевъ южной Россіи. Въ первомъ изъ нихъ, посвященномъ обрядамъ, связаннымъ съ рожденіемъ ребенка и первыми днями его жизни, намъ показали интересными: вѣра, что ребенокъ неотходно оставляетъ тѣло матери, т. к. знаетъ до своего рожденія всѣ тайны міра, которыя онъ забываетъ при рожденіи на свѣтъ (ангелъ касается его рта, отъ чего и происходитъ выемка на верхней губѣ); родильница и новорожденный до дня обрѣзанія находятся въ опасности отъ злыхъ духовъ — отсюда обычай класть подъ подушку родильницы ножъ, молитвенникъ и священное писаніе, также прибавать къ стѣнамъ, окнамъ и дверямъ его комнаты писанные амулеты (изображеніе приложено); опусканіе въ воду при первомъ купаніи ребенка золотого или серебрянаго предмета, чтобы ребенокъ былъ счастливъ въ жизни, осыпаніе новорожденнаго сладостями съ той же цѣлью при положеніи его въ колыбель, надѣваніе на ребенка ожерелья изъ коралловъ при желтухѣ для восстановленія естественной окраски тѣла (симпатическая магія); различія между обрядами при рожденіи и дачѣ имени дѣвочки и мальчика; привѣтствованіе родильницы и поворожденнаго дѣтми, посѣщающими хедеръ, родственниками и друзьями; обрядъ обрѣзанія и выкупа первенца. Въ очеркѣ, касающемся представленій о болѣзни и смерти, мы встрѣчаемъ мало интересныхъ данныхъ. Евреи на югѣ Россіи обращаются за медицинской помощью чаще, чѣмъ русское крестьянское населеніе; однако, они пользуются также лѣченіемъ со стороны русскихъ знахарей, которые приносятъ падъ ими русскіе заговоры; отъ падучей и разныхъ и психическихъ заболѣваній болѣе всего помогаютъ будто бы татары и ихъ заговоры. Болѣе всего боятся южно-русскіе евреи глаза, отъ котораго есть средства, въ видѣ плеванія во слѣдъ входящаго подозрительнаго гостя. Во время повальныхъ болѣзней справляютъ свадьбу на кладбищѣ (примѣры были часто во время холерной эпидеміи 1892 и 1893 гг.) Интересны амулеты и прочіи предохранительныя противъ болѣзни средства: пошеніе

на шеѣ чеснока, перца, гвоздики, волчьихъ зубовъ, иголокъ (отвращающихъ или пугающихъ болѣзнь?); ношеніе противъ зубной боли желѣзныхъ колець отъ найденной подковы (чтобы сдѣлать зубъ вѣрнымъ, какъ желѣзо, предполагаетъ Вейосенбергъ); противъ шума въ ушахъ—шумящихъ раковинъ,—красной нитки, чтобы остановить распространеніе красноты, золотыхъ вещей—противъ желтухи (симпатическая магія?). Отъ ревматизма, опухоли, горбатости помогаетъ будто бы поглаживаніе рукой покойника, при чемъ какъ будто бы проглядываетъ мысль, что покойникъ унесетъ съ собой болѣзнь. Чахоточныя женщины позволяютъ себѣ ѣсть запрещенную свиному и свиной жиръ. Интересна переимѣна имени у тяжело больного, что совершается торжественно въ синагогѣ (мужчинѣ дается, напр., имя Хаимъ—жизнь, женщинѣ—Хайя, жизнь). Если больной выздоровѣетъ, новое имя остается за нимъ, прежнее скрывается. Здѣсь проглядываетъ стремленіе обмануть болѣзнь. Тоже имѣется въ виду, когда на шею надѣваютъ свернутую треугольникомъ бумажку, на которой написано неразборчиво: «Такой-то дочери (имя рекъ) нѣтъ дома». Въ случаѣ тяжкаго заболѣванія обращаются съ молитвою къ умершимъ, посѣщаютъ ихъ могилы. Въ вѣрованіяхъ, относящихся къ покойникамъ, интересно представленіе, что покойникъ до погребенія все видитъ и знаетъ, что дѣлается вокругъ него. Ему покрываютъ лицо, напримеръ, чтобы не пришлось краснѣть, если кто-нибудь изъ окружающихъ поступитъ несообразно. Въ комнатѣ, гдѣ онъ лежитъ, не ѣдятъ, потому что считается большой обидой не пригласить къ столу присутствующаго. Очень подробно описаны заботы о тѣлѣ покойника—его обмываніе, обтираніе груди и живота яйцомъ, его одѣваніе (тахрихимъ—одежда, въ которой хоронятъ покойника; интересно, что лоскутки отъ нея являются желанными для матерей, у которыхъ дѣти болѣзненны; изъ лоскуткѣвъ этихъ шьется дѣтямъ платье). На могилу ребенка ставятъ пустую колыбель—подобныя колыбели считаются также полезными для больныхъ дѣтей—въ нихъ они снятъ покойно. Если въ домѣ находятся два покойника, погребеніе совершается сначала надъ женщиной, т. е. трупъ женщины будто бы ранѣе подвергается тлѣнію, чѣмъ трупъ мужчины. Мать несутъ къ кладбищу ея сыновья, тогда какъ они не могутъ нести тѣло отца. По возвращеніи съ кладбища родственники и друзья приносятъ съѣстное, оставшееся послѣ покойника, по непременно круглые предметы. Душа, по представленіямъ южно-русскихъ евреевъ, въ первые семь дней часто посѣщаетъ домъ; въ домѣ въ эти дни горитъ свѣча и на окно ставятъ стаканъ съ водою, чтобы душа могла очищаться. По прошествіи семи дней отправляются «провождать душу»—идутъ по направленію къ кладбищу на нѣкоторое разстояніе и затѣмъ возвращаются другой улицей. Судьба покойника послѣ погребенія представляется такая: едва закрыта могила, является ангелъ Дитозъ (тишина, покой) и спрашиваетъ у покойника его имя. Праведный помнитъ его и направляется прямо въ рай. Грѣшникъ забываетъ имя—тогда ангелъ ударяетъ его желѣзнымъ прутомъ, тѣло рассыпается на куски или же стѣнки гроба сдвигаются и раздавливаютъ мертвеца. Являются другіе ангелы,

составляютъ снова тѣло и ведутъ покойника передъ лицо Всевышняго. Покойника судятъ за сѣдѣнное при жизни въ теченіе года; за это время къ нему не обращаются за помощью. Въ день субботній всѣ грѣшныя души свободны отъ мукъ, ихъ пускаютъ въ преддверіе рая. Каждую ночь души покойниковъ собираются въ главную синагогу мѣстечка или города, и служитель, приходя въ синагогу утромъ, стучитъ сначала въ дверь три раза ключемъ, предвѣряя покойниковъ, что день наступилъ и имъ пора удалиться. Надъ могилой устанавливаютъ какой-нибудь памятникъ, обозначающій мѣсто погребенія—на югѣ Россіи чаще всего они имѣютъ видъ деревяннаго домика, въ которомъ продѣлываютъ отверстіе для опусканія внутрь при посѣщеніи могилы травы или другихъ предметовъ: камешковъ и пр. Это, по мнѣнію Вейссенберга, не остатокъ жертвоприношенія, но только знакъ памяти; кладя на могилу предметъ, обыкновенно говорятъ: «Вотъ я кладу знакъ, что я былъ у тебя». — Въ третьемъ своемъ очеркѣ Вейссенбергъ говоритъ о трогательной привязанности евреевъ къ Святой Землѣ, объ ихъ чаяніяхъ, ихъ любви къ своей прежней родинѣ, которая проявляется даже въ мелкихъ чертахъ ихъ быта, въ наивныхъ вѣрованіяхъ. Женщины, ожидающія перваго своего ребенка, носятъ бусы, привезенныя изъ Палестины, во избѣжаніе несчастнаго разрѣшенія стъ бремени; такія бусы переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и высоко цѣнятся. Больному или единственному ребенку даютъ носить амулетъ въ видѣ круглага ибѣднаго диска съ буквою П, двѣжды встрѣчающейся въ имени Бога. Этотъ амулетъ будто бы тоже привезенъ изъ Святой Земли. Еврей, строя себѣ домъ, оставляетъ на восточной стѣнѣ небѣленное мѣсто, называемое: воспоминаніемъ о разрушеніи храма (Secher lechurbon). Больному кладутъ подъ руки ибѣшечки съ землей изъ Палестины; покойнику подъ голову подкладываютъ подушку, наполненную той же землей: отъ этого тѣло не подвергается будто бы гниенію, а этимъ обезпечивается воскресеніе. Богомольцы, отправляющіеся въ Палестину, привозятъ съ собой этой земли для себя и друзей.

Мы остановились на нѣкоторыхъ данныхъ, показавшихся намъ особенно интересными, въ содержательныхъ очеркахъ елизаветградскаго этнографа. Развитие національнаго чувства въ евреяхъ за послѣднія десятилѣтія способствовало и изученію исторіи, литературы и этнографіи евреевъ. Это движеніе, какъ извѣстно, выразилось и въ возникновеніи нѣсколькихъ періодическихъ изданій, посвященныхъ изученію еврейства. Назовемъ: «Magazin f. die Wissenschaft des Judenthums», «Mitteilungen der Gesellschaft f. jüdische Volkskunde», «Zeitschrift f. Demographie u. Statistik d. Iuden», «Monatschrift f. die Wissenschaft d. Judenthums», «Zeitsch. f. alttestamentliche Wissenschaft», «Zeitsch. f. hebräische Bibliographie», «Revue des études juives», «Hebraïces», «Hebrew Quarterly» и др.; отмѣтимъ также такія изданія, какъ «The Jewish Encyclopedia» изд. въ 1901 г., «Encyclopaedia Hauck'a», «Encyclopaedia Biblica» съ 1899 г. Мы не можемъ не радоваться такому движенію, вносящему къ всестороннему изученію

народности. Что касается до этнографических свѣдѣній объ еврейскомъ населеніи разныхъ странъ, мы желали бы, чтобы лица, близко стоящія къ этому населенію, входящія въ его составъ, изучали его съ той детальною и съ той же горячей любовью, какъ дѣлалъ и дѣлаетъ это г. Вейссенбергъ *).

X. В—на.

Handbook of American Indians north of Mexico. Edited by Frederick Webb Hodge. Part I. (Bureau of American Ethnology. Bulletin 30.) Washington 1907, pp. IX+972.

Настоящая книга плодъ многолѣтняго труда цѣлаго ряда ученыхъ. Начало ей было положено еще въ 1873 г. профессоромъ Отисомъ Т. Мэзономъ, затѣмъ надъ ней работали Г. Маллеръ и Дж. Музей, пока возникшее въ 1879 г. при Смитсоновскомъ институтѣ Бюро американской этнологіи не взяло печатнаго дѣла въ свои руки. Первый директоръ Бюро покойный Пауэль, Г. В. Геншау, Ф. В. Годжъ послѣдовательно были главными руководителями этой работы, къ сотрудничеству же въ ней были привлечены почти все сколько-нибудь крупныя этнологи. И результаты вполне оправдываютъ такую колоссальную затрату труда; только многолѣтняя коллективная работа могла создать такую превосходную книгу.

Въ сравнительно небольшомъ объемѣ (вся книга разсчитана на 2 тома, около 1000 страницъ убористой печати каждый) «Handbook» представляетъ изложенную въ словарной формѣ энциклопедію относящихся къ сѣверо-американскимъ индѣйцамъ свѣдѣній географическихъ, историческихъ, статистическихъ, антропологическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ. Здѣсь есть связныя статьи, небольшія изслѣдованія, характеризующія всѣхъ, вообще, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ въ томъ или другомъ отношеніи: Adoption, Agriculture, Anatomy, Antiquity, Architecture, Art, Artificial Head Deformation, Arts and Industries, Axes, Basketry, Bone-work, Captives, Clan and Gens, Clothing, Confederation, Dry painting, Education, Ethics and Morals, Face painting, Family, Food, Games, Linguistic Families, Missions, Music and Musical Instruments и т. д. и т. д. Статьи эти, написанныя очень толково, читаются съ интересомъ, но конечно, не въ нихъ главное значеніе книги, не онѣ придаютъ ей исключительную важность. Самая большая изъ подобнаго рода статей «Missions» занимаетъ 35 страницъ, все же прочіе гораздо меньше по своимъ размѣрамъ; понятно, что на нѣсколькихъ страницахъ нельзя дать исчерпывающей характеристики, и не надо боль-

*) Мы позволяемъ себѣ упомянуть другіе очерки того же автора: „Kinderfreud u. Leid bei d. südrusschen Juden“. Globus. LXXIII. „Die Fest u. Fasttage d. südruss. Juden“. ib. LXXXVII. „Das Feld u. das Keijwermessen“. Mit. z. jüd. Volkskunde. 1906. „Südrussische Amulette“ (кот. употребляются какъ русскими, такъ и евреями) Verh. d. Berl. anthrop. Ges. 1897.

ного труда, чтобы найти болѣе обстоятельныя характеристики, напр. антропологическаго типа сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, чѣмъ это даетъ статья «Anatomy». Главное значеніе книги въ томъ, что она даетъ свѣдѣнія обо всѣхъ племенахъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ; здѣсь приведены всѣ лингвистическія семьи, всѣ отдѣльные племена, иногда болѣе мелкія дѣленія и даже отдѣльные пункты, населенные индѣйцами. Относительно каждаго племени указаны его принадлежность къ той или другой лингвистической группѣ, всѣ его подраздѣленія территориальныя и родовыя, его географическое положеніе, населенныя имъ деревни, его исторія и прежнія миграціи, нѣкоторые статистическія и этнографическія данныя и, наконецъ, подробный перечень названій, подъ которыми данное племя фигурируетъ у разныхъ авторовъ.

Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой работы и въ то же время ея громадную трудность, надо помнить, насколько запутанны вообще племенные отношенія въ Сѣверной Америкѣ. Здѣсь насчитывается 56 самостоятельныхъ лингвистическихъ семей, многія изъ которыхъ состоятъ изъ десятковъ отдѣльныхъ племенъ; такъ, въ Алгонкинской семьѣ насчитывается 36 племенъ, въ Атапаскской — 53, въ Колегской (Corehan) — 22, въ Эскимосской — 70, въ Прокезской — 13, въ Куланаран (Kulanaran) — 30, въ Мокелюмской (Moquelumpan) — 36, въ Салинской — 64, въ Сіуской — 68 и т. д. и т. д., такъ чт. общее число самостоятельныхъ племенъ достигаетъ до 800, если не значительно больше. Разобраться въ этой массѣ племенъ и расклассифицировать ихъ, — вообще, задача довольно трудная, но трудности ея увеличиваются почти до невѣроятныхъ размѣровъ, благодаря запутанности и неустойчивости номенклатуры. За три вѣка своихъ сношеній съ бѣлыми рѣдко какое изъ племенъ не мѣняло своего мѣстоимательства подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и очень часто одно и то же племя, извѣстное въ одной мѣстности подъ однимъ именемъ, фигурируетъ въ другой подъ совершенно другимъ названіемъ. Далѣе; одни путешественники, познакомившіеся съ какимъ-нибудь племенемъ чрезъ посредство однихъ изъ его сосѣдей, называютъ его такъ, какъ называютъ эти сосѣди, другіе заимствуютъ названіе у другихъ сосѣдей. Къ этому присоединяются трудности передачи европейскими буквами американскихъ именъ и разнообразіе, вносимое въ транскрипцію названій англійскими, французскими, испанскими, русскими и другими авторами. Нѣкоторую роль играли, наконецъ, и прямыя ошибки; смѣшеніе части племени съ цѣлымъ и наоборотъ и т. д. Благодаря всему этому, получилась такая запутанная номенклатура, что, напр. для племени Dakota, въ книгѣ указано 260 различныхъ именъ, прилагаемыхъ въ книгѣ разными авторами, для Chipewa — 180 синонимическихъ названій, для Cree — 150 и т. д. Многія изъ этихъ названій отличаются другъ отъ друга лишь второстепенными различіями въ транскрипціи, но зато другія не имѣютъ между собой ничего общаго; напр., къ Dakota прилагались, между прочимъ, такія названія: Abboin-ug, Ba-akush', Bewanacs, Boines, Bwoirnung, Chah'-ra-rat, Dawta, Cruel, Guerriers, Hand Cutters, Nadowessi (множество ва-

риантовъ), Nord öicsts, Ochente Shakoan, Pambizimina, Sáhagi, Schapanu, Siou, Tsaba'koshi, Wanak и т. д. Наряду съ такимъ разнообразіемъ именъ для одного и того же племени, мы имѣемъ почти тождественныя названія для племенъ совершенно различныхъ, напр., Chiprewa и Chiprewyan; Cree (иначе Crees, Criqs, Criques) и Creeks. Смѣшеніе подобныхъ названій уже давало поводъ къ различнаго рода недоразумѣніямъ, а между тѣмъ, избѣжать ихъ, въ концѣ-концовъ, трудно. Давая полный перечень всѣхъ этихъ названій, указывая, подъ какимъ именемъ фигурируетъ данное племя у того или иного автора, сообщая всѣ нужныя свѣдѣнія о каждомъ племени, «Handbook», дѣйствительно, даетъ надлежащую опору для того, чтобы разобраться во всѣхъ этихъ трудностяхъ и потому является необходимой справочной книгой не только для специалистовъ по американской этнологии, но и для лицъ, занимающихся общими этнологическими вопросами, а обширныя библиографическія указанія дѣлаютъ эту книгу еще болѣе цѣнной. Въ общемъ, «Handbook» является примѣромъ въ высшей степени достойнымъ подражанія, и если бы мы имѣли аналогичныя работы для другихъ расъ и частей свѣта, это значительно бы подвинуло впередъ всѣ этнологическія работы.

Единственнымъ недостаткомъ или, точнѣе, практическимъ неудобствомъ при пользованіи этой книгой является то, что всѣ синонимическія названія, иногда даже очень употребительныя, не внесены въ общій алфавитъ съ ссылками на главное названіе, а просто перечислены въ концѣ статьи, посвященной данному племени. Такимъ образомъ, получилась экономія въ мѣстѣ, но зато наведеніе справокъ требуетъ иногда времени. Напр., довольно часто встрѣчающееся имя Knistenenux или Knistenaux въ общемъ алфавитѣ отсутствуетъ и, не зная, что это синонимъ названья Cree, можно совсѣмъ не найти свѣдѣній о данномъ племени.

Издана книга, какъ и всѣ изданія Бюро, хорошо. Въ текстѣ много иллюстрацій, а въ концѣ дана лингвистическая карта, составленная Пауэлемъ и нѣсколько исправленная. Первый томъ включаетъ въ себя статьи отъ А до М.

А. Максимовъ.

Dr. H. F. Feilberg. *The corpse-door: a Danish Survival.* «Folk-Lore» Vol. XVIII. № 4.

Эта весьма интересная статья касается нѣкоторыхъ обычаевъ, соблюдаемыхъ при похоронахъ на полуостровѣ Ютландіи и имѣющихъ себѣ подобныя въ сѣверныхъ частяхъ Европы и Америки. Обычаи эти въ настоящее время постепенно исчезаютъ, а остающіеся до сихъ поръ должны быть разсматриваемы, какъ полузабытыя переживанія когда-то распространенныхъ вѣрованій. Авторъ названной статьи, посѣтившій въ 1907 г. Данию, въ которой онъ провелъ дѣтство, имѣлъ случай отмѣтить нѣкото-

рые народные обряды, еще кое-гдѣ сопровождающіе погребеніе. Прежде всего, онъ обратилъ вниманіе на существованіе въ нѣкоторыхъ старыхъ домахъ заложенныхъ дверей, которыя открываются лишь тогда, когда нужно бываетъ вынести изъ дома покойника; эти двери узки и невысоки, такъ что для пользованія обычнаго не пригодны. Передъ тѣмъ, какъ вынести умершаго изъ дома, на грудь ему кладутся раскрытыя ножницы, а на саванъ нѣсколько расположенныхъ крестообразно соломиннокъ; большіе пальцы на ногахъ связываются вмѣстѣ. Когда гробъ вынесутъ, всѣ вещи умершаго въ домѣ переворачиваются и перестанавливаются, вокругъ дома разбрасываются сѣмена льна; умершаго выносятъ ногами впередъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дверцы калитокъ перевѣшиваются для того, чтобы отворять ихъ въ противоположную сторону. Кроме того, въ моментъ смерти человѣка открывается окно. Всѣ эти подробности въ нѣкоторыхъ семьяхъ соблюдаются весьма строго, хотя значеніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, уже не ясно и тѣмъ, кто ихъ соблюдаетъ. «Такъ дѣлалось всегда», отвѣчаютъ спрошенные, вмѣсто разъясненія своихъ обычаевъ.

Пытаясь разъяснить смыслъ перечисленныхъ, уже исчезающихъ обычаевъ при погребеніи мертваго, авторъ разбираемой статьи останавливается на томъ, что человѣкъ, на какой бы ступени культурности онъ ни стоялъ, не вѣритъ въ полное умираніе человѣка; часть его—душа, духъ, жизненное начало—продолжаетъ свое существованіе и по смерти тѣла. Эта не умершая часть человѣка стремится вернуться въ ту обстановку, въ которой она жила вмѣстѣ съ тѣломъ. Этотъ возвратъ не желателенъ живымъ людямъ, даже порою опасенъ, и потому принимаются мѣры предосторожности: закладываютъ двери, перевѣшиваютъ калитки, перестанавливаютъ вещи—все это для того, чтобы умершій не нашелъ дороги домой; связываются ноги, кладутся раскрытыя ножницы и крестообразныя фигуры изъ соломы—все это съ тѣмъ, чтобы удержать мертваго въ могилѣ.

Приведенные обычаи при похоронахъ весьма древни, авторъ статьи указываетъ на упоминаніе ихъ во многихъ старинныхъ сагахъ, отмѣчаетъ ихъ существованіе въ средніе вѣка и ихъ бытованіе до нашего времени въ Даніи, Швеціи, Гренландіи и на многихъ сѣверныхъ островахъ, наконецъ, авторъ находитъ параллельные обычаи у индійцевъ Сѣв. Америки, у славянъ, инородцевъ Сибири, китайцевъ и др. народовъ и расъ, причемъ, замѣчаетъ, что въ Европѣ и въ частности въ Даніи, гдѣ онъ и наблюдалъ описываемые обычаи, они, какъ и связанныя съ ними вѣрованія, быстро исчезаютъ.

Несмотря на краткость и сжатость, приведенная статья представляется весьма интересной по содержащимся въ ней свѣдѣніямъ и безполезной для выясненія народныхъ воззрѣній на смерть и состояніе души послѣ нея.

Е. Е.

Anthropological Essays presented to Edward Burnett Tylor in Honour of his 75-th Birthday oct. 2 1907. Oxford, at the Clarendon Press. 1907, pp. VIII + 416.

Многочисленные друзья и ученики великаго англійскаго изслѣдователя достойнымъ образомъ ознаменовали 75-лѣтнюю годовщину его рожденія, издавъ къ этому времени посвященный ему сборникъ статей. Сборникъ представляетъ превосходно изданную книгу, въ составленіи которой приняли участіе почти всѣ выдающіе англійскіе ученые, работающіе въ области этнографіи и антропологіи. Начинается сборникъ статьей Андрью Лэнга, дающей общую характеристику Тейлора, заканчивается библиографическимъ указателемъ трудовъ Тейлора, составленнымъ Барбарой В. Фрейръ-Марресо (этотъ указатель содержитъ 262 номера, указаны, между прочимъ, и русскіе переводы сочиненія Тейлора, но не всѣ). Остальные статьи не связаны непосредственно съ личностью Тейлора, но, конечно, во многомъ носятъ слѣды вліянія его идей и метода. Вотъ перечень этихъ статей:

H. Balfour, The Fire-Piston.—A. E. Crawley, Exogami and the Mating of Cousins.—D. J. Cunningham, The Australien Forehead.—L. R. Farnell, The place of the «Sonder-Götter» in Greck Polytheism.—J. G. Frazer, Folk-lore in the Old Testament.—A. C. Haddon, The Religion of the Tarres Straits Islanders.—E. S. Hartland, Concerning the Rite at the Temple of Mylitta.—A. Lang, Australian Problems.—R. R. Marrett, Is Taboo a Négative Magic?—Ch. S. Myers, The Ethnological Study of Music.—J. L. Myres, The Sygunnac of Herodotus: An Ethnological Problem of the Earbi Iron Age.—C. H. Read, A Museum of Anthropology.—J. Rhys, The Nine Witches of Gloucester.—W. Ridgeway, Who were the Darians?—W. H. R. Rivers, On the Origin of the Classificatory System of Relationships.—C. G. Seligmann, On Prehistoric Object in Britisd New Guinea.—N. W. Thomas, The Origin of Exogamy.—A. Tomson. The Secret of the Verge Watch: A Study in Symbolism and Design.—E. Westermarck, L'är, or the Transference of Conditional Curses in Morocco.

Было бы совершенно непосильной задачей дать въ небольшой замѣткѣ надлежащую оцѣнку подобнаго сборника. Въ немъ затронуто столько разнообразныхъ и широкихъ темъ, нѣкоторыя статьи представляютъ настолько солидные изслѣдованія, что одно изложеніе ихъ потребовало бы значительнаго мѣста. Да подобный разборъ былъ бы и бесполезенъ, потому что имена авторовъ и названія ихъ статей достаточно говорятъ за себя. Сборникъ въ должной мѣрѣ отразилъ разнообразіе умственныхъ интересовъ самого Тейлора и его пристрастіе къ широкимъ темамъ. Тутъ есть статьи по физической антропологіи, по археологіи, по вѣрованіямъ, по социальному быту, по искусству некультурныхъ народовъ и т. д., и всѣ эти статьи трактуютъ достаточно широко и общія темы. Это разнообразіе, содержаніе и обработка, преимущественно общихъ темъ, являются главнымъ достоинствомъ сборника и придаютъ

ему особый интересъ. Тутъ найдете для себя цѣнное всякій, съ какой бы стороны онъ ни интересовался вопросами этнографіи.

Издана книга, по внѣшности, превосходно. Къ ней приложено 15 таблицъ рисунковъ, не считая иллюстрацій въ текстѣ и два прекрасныхъ портрета Тэйлора въ возрастѣ 51 года и 67 лѣтъ. Новѣйшій портретъ Тэйлора былъ приложенъ къ первой половинѣ *Journal'a of the Anthropological Institute* за прошлый 1907 годъ.

А. Максимовъ.

Э. А. Вольтеръ. *Латышскіе отрывки.* «Изв. Отд. русск. языка и слов. И. Ак. Наукъ». 1907, томъ XII, кн. 3, стр. 163—175.

Приведены два документа XVII в., хранящіеся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ, открытые И. Я. Спрогисомъ и имъ переведенные. Къ нимъ съ объясненіями добавилъ Э. А. Вольтеръ нѣсколько наговоровъ и нашептываній латышскихъ вѣдьмъ (*ragge*) изъ XVI и XVII вв. Документы и добавленія имѣютъ интересъ для изученія латышскаго языка, но служатъ также матеріаломъ для народной психики и для процессовъ вѣдьмъ. Одна женщина, напр., лечила вывихъ у людей и скота слѣдующими словами: «Крестъ преподносится крестъ, крестъ, крестъ, потокъ да идетъ прочь крестъ, крестъ кость сросется». Она призналась, что «спрогносила благословеніе Господне на соли и употребляла при нашептываніи еще слова: солнце, мѣсяцъ, день и ночь». Сатана являлся къ ней въ образѣ нѣмца, и она была избита за то, что она не слушалась его (164). Духъ, посѣщающій лицъ, мнившихъ себя колдунами, былъ нѣя безымяннымъ или носилъ имя, напр., *Nadoms* (или *Stradoms*, *Stnedoms*?) (165). Одинъ колдунъ остановилъ однажды «летающую» вѣдьму, «связавъ» ее слѣдующими словами: «Божинька, ударь о землю, божинька, да будетъ эта вѣдьма черезъ розги связана, другую проруби» (?); другими словами онъ «развязалъ» ее (166). Приведены такъ называемыя и желѣзныя слова, лишаютія силы оружіе (167), наговоръ отъ волосатика (167—168).

В. Х—на.

А. Ветуховъ. *Заговоры, заклинанія, обереги и др. виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова.* (Изъ исторіи мысли). Вып. I—II. Варшава. 1907 г. 522 стр. † VII.

Вышеназванный трудъ г. Ветухова въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1901, 2, 3, 6, 7) печатался на страницахъ «Русск. Филологич. Вѣстника», и промежутки времени, раздѣлявшіе части работы, значительно нарушали цѣльность впечатлѣнія. Въ настоящее время, имѣя въ рукахъ работу г. Ветухова въ полномъ видѣ, значительно легче сдѣлать за мыслію автора и уяснить себѣ планъ его работы.—Въ небольшомъ введеніи авторъ указываетъ на связь между медицинскою теоріей внушенія и заговоромъ, въ которомъ элементъ внушенія играетъ немаловажную

роль и, исходя из этой точки зрения, старается выяснить психологическую основу заговоров разных видов. Посвятив 1-ю главу изложению мнений ученых исследователей о заговорах, автор воздерживается от критической и сравнительной оценки разобранных теорий и приступает к дальнейшему изложению, наметив отправной точкой историю языка в связи с историей мысли. Стараясь выяснить психологические основания возникновения заговоров, автор рассматривает целый ряд верований человека на различных ступенях культурного развития (вѣру в двойниковъ, в самостоятельную жизнь тѣни, в демоновъ, духовъ и т. п.) и указывает на то, что человеческая рѣчь, слова играли немаловажную роль в этих верованиях. Слово было орудиемъ воздѣйствія на природу и на сверхъестественныя существа; в словѣ заключалась сила, вліявшая на дѣйствіе. Свое значеніе человеческое слово не утратило и в христіанскомъ мірѣ, съ его помощью желали измѣнить ходъ событій, направить его къ другой цѣли. Наконецъ, слово, какъ могучее воздѣйствіе на человеческую психику, было признано медицинскою наукою и стало употребляться ею съ большимъ успѣхомъ. Какъ нужно было расположить слова для скорѣйшаго воздѣйствія ими на явленія и предметы окружающаго міра, иначе сказать, какова должна была быть формальная сторона заговора и почему, это г. Ветуховъ подробно излагаетъ въ 3-й главѣ, привлекая для подтвержденія своей мысли многочисленныя цитаты изъ статьи акад. А. Н. Веселовскаго: «Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля». Кратко указавъ на способы классификаціи заговоровъ, авторъ переходитъ къ 2-й части своей работы, въ которой даетъ богатый заговорный матеріалъ: въ 5 главахъ приводятся заговоры противъ разныхъ болѣзней, причемъ дается краткій очеркъ народныхъ воззрѣній на тотъ или другой недугъ. Въ концѣ приложенья списокъ источниковъ и пособій, использованныхъ авторомъ при его работѣ. Въ виду большого интереса, который возбуждаютъ заговоры какъ съ психологической, такъ и литературной стороны, нельзя не привѣтствовать трудъ г. Ветухова, какъ серьезную попытку разобраться въ обширномъ сыромъ матеріалѣ и сдѣлать сводку тѣмъ мнѣніямъ и воззрѣніямъ, которыя выражались учеными исследователями на основаніи знакомства съ разнообразнѣйшими сборниками и записями заговоровъ.

Е. Е.

Лоренцъ, Ф. *О померельскомъ (древне-кошубскомъ) языкѣ до половины XV-го столѣтія. II. Къ изученію балтійско-вендскихъ нарѣчій.* «Изв. Отд. русск. языка и словесности И. Акад. Наукъ», 1906, томъ XI, кн. 1, стр. 53—117.

Въ области, заключенной между р. Вислой и Эльбой, Билей и Траевой, въ началѣ VI-го вѣка жили, какъ извѣстно, славяне, граничившія на западъ съ саксонцами; позднѣе они передвинулись къ западу и заняли теперешнія провинціи: Ганноверъ и Саксонію по Эльмену и Ору

и Грльстинію—по Траву и Швентину. Авторъ перечисляетъ слѣдующія славянскія племена и народы: 1) ободриты, дѣлвшіеся на вагровъ, полабянъ, ободритовъ или ререговъ и варнавоъ, 2) бетенцы и смольдинги, 3) липоны, дѣлвшіеся на шелетицевъ, брижанъ и сѣмчицъ и лисицъ, 4) древяне и глиняне, 5) морачане, 6) стодоране, 7) спревяне, 8) десеры, 9) моричане, 10) лютицы, дѣлвшіеся на хижанъ, чрезпѣнцъ, толесауъ и редарей, 11) руяне, 12) укры, 13) рѣчане, 14) любуси, вулицы и поморяне. Поморяне жили на восточномъ берегу р. Одера, по Варту, Нецу и Вислѣ. Поморяне, предполагаетъ авторъ, дѣлились на западныхъ и восточныхъ. Западные поморяне обитали въ теперешней провинціи Помераніи, исключая восточные ея уѣзды: Стольпскій, Лауенбургскій и Бытовскій (Stolper, Lauenburgers и Büttower Kreise) и въ Новой Маркѣ; восточные въ Зап. Пруссіи и трехъ восточныхъ уѣздахъ Помераніи. Этихъ послѣднихъ г. Лоренцъ называетъ померелянами (нѣм. употребляетъ названіе для этого края: pomorellen) и языкъ ихъ померельскимъ; западныхъ померянъ и языкъ ихъ померальскимъ. Авторъ предполагаетъ, что у каждаго племени было особое нарѣчіе; сходства ихъ и различія онъ старается выяснитъ сравненіемъ различныхъ собственныхъ именъ лицъ и мѣстностей, выписанныхъ имъ изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, лѣтописей, грамотъ, актовъ и пр. отъ X—XVI в. Имена расположены въ алфавитномъ порядкѣ входящихъ въ нихъ корней: напр., вадъ, видъ, воль, воль gněvъ, гравъ, ljubъ и пр. Продолженіе статьи слѣдуетъ. Началъ ея помѣщено въ томъ же изданіи. Томъ X, кн. 3, стр. 69—209.

В. X—на.

Д. А. Сперанскій. *Изъ литературы древняго Египта. Вып. I. Рассказъ о двухъ братьяхъ.* (Первоисточникъ сказаній о кощѣ, равно какъ и многихъ другихъ сюжетовъ народнаго словеснаго творчества. Текстъ древняго египетскаго сказа въ русскомъ переводѣ и его историко-литературное значеніе). Спб. 1906.

На этой книгѣ не стоило бы и останавливаться, если бы она не давала новаго перевода извѣстной египетской сказки, въ свое время переведенной на русскій языкъ Стасовымъ. Переводъ сдѣланъ съ текста по изданію Масперо.

Что касается приложеннаго къ переводу изслѣдованія, то оно носитъ вполне диллетантскій характеръ. Достаточно сказать, что авторъ идетъ вслѣдъ за Аванасевымъ—и не только Аванасевымъ, издателемъ сказокъ, но и Аванасевымъ, авторомъ „Поэтическихъ воззрѣній“ (стр. 33). Авторъ не знаетъ о томъ, что сборникъ Кириши Данилова изданъ вновь Академіей Наукъ (стр. 65); авторъ увѣренъ въ томъ, что сборникъ составленъ въ первой четверти XVIII в. (стр. 69); былинну о Суханѣ считаетъ вариантомъ былинны о Дунаѣ (стр. 73); не знаетъ о томъ, что слово *кощей* перешло въ русскій языкъ изъ половецкаго (стр. 121—2);

совершенно произвольно утверждает, будто бы изъ былины о Добрынь и Маринкѣ у Рыбникова находятся одинъ только отрывокъ (стр. 125, прим. 1); не знаетъ того, что Сартакъ былъ сыномъ Батыя (стр. 169); единственную догадку г. Сперанскаго можно принять безусловно: что прозвище Кошея „Трипѣтый, Трипѣтовичъ“, слѣдуетъ писать черезъ *ъ*, а не черезъ *е*, какъ дѣлали собиратели былинь (стр. 201). Часто цитируя сборники былинь, авторъ въ то же время обнаруживаетъ свое полное незнакомство съ изслѣдованіями: не говоря о второстепенныхъ трудахъ—ему остались неизвѣстны работы акад. Веселовскаго, проф. В. Ѳ. Миллера, акад. Жданова и др.

Въ заключеніи своей книги (стр. 262) г. Сперанскій говоритъ: „Въ русской народной словесности главнѣйшими причинами ослабленія или постепеннаго вымирания древнихъ сюжетовъ, т.-е. элементовъ первоисточника, нужно считать принятіе христіанства, татарское иго и распространеніе книжнаго ученія“. Пожелаемъ автору послѣдняго.

А. М.—рковъ.

Тахтаревъ, К. М. *Очерки по исторіи первобытной культуры.* Съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. М. 1907. Изд. „Польза“. „Народный Университетъ“.

Мы позволяемъ себѣ усиленно рекомендовать эту книгу интересующимся этнографіей. Составленная изъ ряда лекцій, читанныхъ авторомъ въ Русской Высшей школѣ Общественныхъ Наукъ въ Парижѣ, къ сожалѣнію сильно сокращенная по требованію популярнаго изданія, эта работа, которая должна была появиться въ «Научномъ Обзорѣ», представляетъ въ русской этнографической литературѣ нашего времени желательное явленіе. Главное значеніе ея заключается въ томъ, что авторъ основываетъ свои положенія преимущественно на данныхъ объ австралійцахъ, какъ то Хоунтта, Спенсера и Гиллена. Какъ извѣстно, изслѣдованія Спенсера и Гиллена: *The Native Tribes of Central Australia*. L. 1899 и *The Northern Tribes of Central Australia*. L. 1904 были однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій въ этнографіи за послѣдніе годы; они дали сильный толчекъ этнографической мысли, заставили измѣнить нѣкоторыя теоріи или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть существующіе взгляды серьезной критикѣ. Книги Спенсера и Гиллена, къ сожалѣнію, по недоступности широкимъ кругамъ иностранной литературы, мало извѣстны въ Россіи, что отмѣчаетъ въ своемъ предисловіи и М. М. Ковалевскій. Однако, эти превосходныя, можно сказать, образцовыя изслѣдованія необходимы всякому научно занимающемуся этнографіей. Книга г. Тахтарева знакомитъ русскаго читателя съ нѣкоторыми данными, представляемыми Спенсеромъ и Гилленомъ; характеръ настоящаго изданія не далъ автору возможности остановиться на всемъ разнообразіи фактовъ, такъ детально собранныхъ австралійскими этнографами; но благодаря труду г. Тахтарева русская читающая публика познакомится и съ вѣрованіями австралійцевъ о перевоплощеніи душъ, въ свя-

щенные, каменные и деревянные чуринги, съ обрядами интихиума (знакомство съ которыми повліяло на теоріи Фрэзера о происхожденіи тотемизма), съ интересными обрядами посвященія, съ организаціей общественной власти, первобытнымъ правомъ и пр. Книга иллюстрирована нѣсколькими снимками съ книги Спенсера и Гиллена.

В. Х—на.

Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ. Часть IX. *Нарѣчія урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагосовъ. Тексты, собранные и переведенные Н. Θ. Катановымъ. Переводъ.* Спб. 1907. стр. VI+XXV+658. Ц. 4 р. 50 к.

Настоящее изданіе пользуется преимущественно среди специалистовъ столь заслуженною извѣстностью, что не нуждается въ особой рекомендаціи съ нашей стороны. Начатое болѣе сорока лѣтъ тому назадъ—въ 1866 году, когда вышла I часть собранныхъ самимъ академикомъ В. В. Радловымъ образцовъ литературы алтайскихъ племенъ,—оно постепенно охватило народную литературу самыхъ разнообразныхъ племенъ тюркскаго происхожденія, живущихъ въ Сибири, сѣверной и южной, и Джунгарской (Джунгарской) степи, занявъ 7 компактныхъ томовъ. Ч. VIII посвящена нарѣчіямъ османскимъ (тексты собраны П. Куношемъ), а ч. X, вышедшая въ 1904 г.,—нарѣчіямъ бессарабскихъ гагаузовъ (тексты собраны и переведены В. Мошковымъ).

Въ лежащую предъ нами часть IX вошли, въ переводѣ проф. Н. Θ. Катанова, записанныя имъ среди урянхайцевъ, абаканскихъ татаръ и карагосовъ пѣсни, загадки, толкованія сновъ, отдѣльныя предложенія (фразы), сказки, рассказы, преданія, легенды, шаманскія молитвы и благословенія, описанія обычаевъ и пр., такъ что книга даетъ обильный матеріалъ для ознакомленія съ устной литературою и, чрезъ нее, съ міросозерцаніемъ названныхъ народностей. Къ сожалѣнію, цѣльность впечатлѣнія при чтеніи книги нарушается разбросанностью матеріала, такъ какъ переводъ текстовъ данъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они записывались изо дня въ день, и разнообразные роды народной литературы чрезвычайно перемѣшаны между собою. Отсутствие систематическаго и предметнаго указателя также не мало затрудняетъ пользованіе столь цѣнною во всѣхъ другихъ отношеніяхъ книгою.

Э. П.

Зачиняевъ, А. *Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губ.* Изв. Отд. русск. яз. и словесности Им. Акад. Наукъ, т. XI, кн. I. Спб. 1906.

«Вопросъ о географическомъ распространеніи былевой поэзии до сихъ поръ еще не можетъ считаться вполне выясненнымъ и рѣшеннымъ окончательно», начинаетъ свою замѣтку авторъ. Вопреки принятому взгляду объ отсутствіи былинной традиціи въ южныхъ великорусскихъ

губерніяхъ, онъ надѣется, что, быть можетъ, слѣды ея можетъ открыть тщательное изслѣдованіе. Былины объ Ильѣ-Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ, о боѣ Ильи-Муромца съ сыномъ, о Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и др. слышались, по его завѣренію, еще не такъ давно въ Елецкомъ у., Орловской губ. и въ Задонскомъ у. Воронежской губ. Въ Воронежской губ. встрѣчаются варианты сказокъ съ эпическими сюжетами, напр., объ Ильѣ Муромцѣ. Преданія о «богатыряхъ», какъ о людяхъ, обладающихъ немовѣрной силой, о богатырскихъ заставахъ еще вполне живы среди населенія. Главными героями этихъ заставъ являются Кудеяръ, Стенька Разинъ, Гришка Отрепьевъ и Алешка, Ванька Каинъ. Авторъ указываетъ, что одна былина изъ Воронежской губ., Землянского у. была даже напечатана, а именно, въ «Воронежскомъ Литературномъ Сборникѣ» 1861 г., вып. I и перепечатана Кирѣевскимъ въ III вып. его труда, въ приложеніи. Эта былина о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, кончающаяся благополучно узнаваніемъ Ильей сына и радостнымъ по сему случаю пированіемъ у кн. Владиміра, отличается вся смягченнымъ характеромъ и религіознымъ духомъ—что можетъ быть объясняется вліяніемъ на нее пѣвцовъ духовныхъ стиховъ—которыхъ и донынѣ можно встрѣтить въ губерніи, на сельскихъ и городскихъ ярмаркахъ, такъ какъ былины были рѣдки уже въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Къ статьѣ г. Зачиняева приложены четыре духовныхъ стиха.

В. X—на.

Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императ. Русскаго Географическаго Общ. Т. VIII, в. I. 1905.

Отмѣчаемъ приведенную Я. С. Смолевымъ «Легенду о началѣ буддизма въ Халкѣ и объ основаніи Урги». Название Урга сводится къ слову урга—котомка, потому что таинственный незнакомецъ, освятившій невидимо первые дацаны и бурханы на этомъ мѣстѣ (самъ Далай-Лама), явился строителю—хану въ видѣ странника въ ветхой одеждѣ и съ огромной котомкой. «Такое объясненіе названія города Урга,—пишетъ Я. С. Смоленъ въ примѣчаніи,—впервые появляется въ литературѣ... Оно могло возникнуть только среди неграмотныхъ бурятъ, такъ какъ названіе «Урга»—русское и ни одному монголу неизвѣстно. Бурятская народная этимологія, какъ всякая другая! Слово урге—котомка имѣетъ у (долгое). Объясненія происхожденія слово Урга отъ örgö—княжеская ставка см. А. М. Позднѣева «Монголія и монголы» Т. I, стр. 63». —2, сооб. Н. Н. Кондаковымъ бурятскую сказку: «Сильный и смѣтливый». Мотивъ о хитрецѣ, обманывающемъ царя и др. и на этомъ основывающемъ свое благосостояніе. «Сильный» играетъ роль старшаго брата, родной дочери, неудачно повторяющаго удавшееся другому брату, падчерницѣ и др. Такимъ образомъ, въ сказкѣ совмѣщаются два мотива: о хитрецѣ и завистникахъ.—3. Сравнительно антропологическій очеркъ Ю. Д. Талько-Грынцевича: «Древніе аборигены Забай-

каля въ сравненіи съ современными инородцами». Талько-Гринцевичемъ были изслѣдованы могильники четырехъ разныхъ типовъ въ зап. части Забайкальской области и произведены антропометрическія работы надъ найденными костяками и черепами. Добытые результаты онъ сравнилъ съ антропометрическими данными о современныхъ инородцахъ, пытаясь найти родственныя черты между современнымъ и древнимъ населеніемъ области. «При весьма запутанныхъ историческихъ свѣдѣніяхъ, какія намъ даютъ источники китайскіе, мусульманскіе и европейскіе о народахъ изслѣдованнаго нами района, пишетъ Талько-Гринцевичъ, мы не беремъ на себя смѣлости возстановлять по этимъ неполнымъ археологическимъ и антропологическимъ даннымъ принадлежность изучаемыхъ народовъ къ тому или другому историческому прошлому; однако, мы не можемъ не высказать нѣкоторыхъ своихъ предположеній, а именно, что среди населенія въ трехъ типахъ погребенія нельзя не усмотрѣть извѣстной расовой отличительной разницы... Тогда какъ первые представляютъ нѣкоторое сходство съ ургинскими мѣтисами, похороненные внѣ гробовъ приближаются къ калмыкамъ и сѣвернымъ китайцамъ, тогда какъ похороненные въ гробахъ—къ бурятамъ; халхасы занимаютъ переходную ступень между двумя послѣдними группами». Это даетъ поводъ автору высказать нѣкоторыя догадки о прошлой исторіи области. Въ заключеніе Талько-Гринцевичъ напоминаетъ о томъ, что надо спѣшить съ изученіемъ древнихъ могилъ, такъ какъ «время не ждетъ, древніе памятники гибнутъ ежедневно, враждебныя стихіи разрушаютъ не только могилы, но и ихъ содержимое, предавая такимъ образомъ прошлое человечества вѣчному забвенію».

В. Х—ан.

Дм. Зеленинъ. *Русская соха, ея исторія и виды. Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры.* Изданіе Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Вятка, 1908. 8°. 189 + VI стр. + таблицы рисунковъ.

Авторъ использовалъ обширную литературу (хотя и самъ сознается, что далеко не всю) для своего кропотливаго и въ высшей степени интереснаго труда.

Много помогла ему и огромная личная освѣдомленность—опытнаго, наблюдательнаго и подвижнаго этнографа.

Слѣдя за эволюціей русской сохи, г. Зеленинъ разработалъ обширное сравнительно-этнографическое изслѣдованіе, давъ при этомъ такую массу матеріала и указаній по нему, что его работа ужъ и сама по себѣ можетъ служить для другихъ хорошимъ справочнымъ источникомъ.

Останавливаясь на трехъ главныхъ типахъ русской сохи (соха безъ полицы, соха съ полицей и плугъ или орудіа плужнаго типа), авторъ приводитъ свѣдѣнія о первобытномъ плугѣ у разныхъ народовъ. Затѣмъ идетъ подробное описаніе всѣхъ видовъ и частей сохи. Наконецъ, гл. VII-я

дасть исторію сохи, а VIII-я «географическое распространение различных видов сохи». Такъ какъ матеріалъ очень обилень и пестритъ техническими терминами, то къ нему даны указатели: 1) видовъ сохи, 2) частей сохи и 3) этимологическаго объясненія словъ и названій.

Въ результатѣ своего изслѣдованія авторъ отмѣчаетъ неточность терминологіи въ нашей сельскохозяйственной литературѣ, затѣмъ—зависимость вида отъ почвы, экономическаго положенія населенія и этнографическихъ традицій,—этнографическій принципъ особенно рѣзко сказался въ различіи пахотныхъ орудій великорусскихъ и бѣлорусскихъ; были, конечно, и новѣйшія культурныя вліянія, но именно «новѣйшія».

Обращаемъ серьезное вниманіе на книгу г-на Зеленина и пожелаемъ ей побольше заинтересованныхъ сохой читателей.

Вл. Б.

Ив. Абрамовъ. *Старообрядцы на Вѣткѣ.* Этнографическій очеркъ. Спб. 1907. 8°. 34 стр. (Изъ «Живой Старины», 1907, III).

Наше желаніе, неоднократно высказанное на страницахъ «Этнографическаго Обзорія», объ этнографическомъ (а не миссіонерскомъ) изученіи старообрядчества и сектанства, понемногу осуществляется, и, быть можетъ, скоро наберется солидный матеріалъ, который позволитъ объективнѣе подойти къ рѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ упомянутыми предметами.

Небольшая работа г-на Абрамова не проникаетъ глубоко въ духовную и матеріальную жизнь старообрядцевъ на Вѣткѣ, но работа эта проста, даетъ большія, но точныя данныя—въ видѣ записей творчества, толковъ, описанія характерныхъ покрововъ одежды, промысловъ, обычаевъ, хороводовъ, дѣвишниковъ, свадьбы, образа жизни келейницъ-мастерицъ съ ихъ завѣтными думами, дух. стихами, рукописями и т. д.; приведены также и образцы говора.

Дѣлать опредѣленныхъ выводовъ изъ этихъ матеріаловъ никакъ нельзя; можно только дѣлать сравненія, прслѣдить нѣкоторые культурные пути и вліянія, отмѣнить нѣкоторыя историческія грани. Для этого работа г-на Абрамова даетъ не мало интереснаго.

Вл. Б.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

Естествознание и географія, подъ ред. *М. И. Вараввы*. 1907. 9. *Виноградскій, А. В.* Таранчи. Очеркъ. 1908. 1. *Богоявленскій, Н. В.* По Нилу (продолж. въ №№ 2, 3 и слѣд.). 2. Музей сравнительнаго страновѣдѣнія въ Лейпцигѣ. Перев. съ нѣм.

Живая Старина. Період. изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О., подъ ред. *В. И. Ламанскаго* и *Н. Н. Виноградова*. 1907. Вып. III. *Абрамовъ, И. С.* Старообрядцы на Вѣткѣ (см. здѣсь отдѣлъ критики и библіографіи).—*Сергѣево-Путовскій А. К.* Очерки Бѣлоруссін. 1. Сябрына. 2. Бонда (149—152 стр.). На 3½ страницахъ краткѣ описанъ обычай духовнаго родства, назыв. «сябрыно», и еще другой обычай, кот., какъ думаетъ авторъ, подтверждаетъ существованія общности имущества въ родовомъ стрѣ, это обычай, называемый «бѣндой»: даютъ соеѣдая бѣнду, часть убитой на охотѣ дичи, зарѣзанной дома живности, взятаго меда, снятыхъ плодовъ и т. п.—*Лавровъ П.* Югославянскія древности въ изложеніи Индерле. 1 ч. II т. Слав. древн. (оконч.).—*Даниловъ, В.* Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа въ зависимости отъ ихъ культуры. (Продолж.). Омерякъ.—*Макаренко А.* Сибирскія пѣсенныя старины. (Продолж.).—*Каринскій, Н.* Образецъ говора с. Большая Можары.—*Ончуковъ, Н.* Печорскіе стихи и пѣсни. (Продолж.).

Землевѣдѣніе. Періодич. изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е. А. и Э., подъ ред. *Д. Н. Анучина*. 1907. Кн. III—IV. *Ратцель*, Земля, общество и государство. Эта статья распадается на пять главъ: 1) земля и общество, 2) жилище и пища, 3) земля и семья, 4) земля и государство и 5) земля и прогрессъ.—*Анучинъ, Д.* Археологическая Экспедиція въ Восточномъ Туркестанѣ (остатки индійской, буддійской, древне-христіанской манихейской, мусульманской и другихъ культур).—Географическій обзоръ: IX международный географическій конгрессъ (заявлены доклады: *Guido Cora* (Римъ), Новыя изслѣдованія пады цыганами; *Онъ же*, О вышнемъ распространѣніи южныхъ славянъ по отношенію къ этнографіи Балканъ; *Онъ же*, Этнографія

Балканскаго полуострова и прилегающих къ нему острововъ); Экспедиція Клаача (въ Австраліи, гл. обр., антропол. задачи); население Австраліи (общ. количество: 2.153,119 мужч. и 1.982,298 женщ.).

Русскій Антропологическій Журналь. Подъ ред. *А. А. Иванова-Скало.* 1907. №№ 1 и 2. *Д. Л. Лохельсонъ-Бродская,* Къ антропологии жепцинь племень крайняго съверо-востока Сибири (съ 21 рис. и 14 диагр.).—*К. Н. Малининъ,* Терскіе казаки (съ 2 рис.).—*К. Г. Прохорозъ,* Къ антропологии населенія (великорусскаго и малорусскаго) Коротолскаго уѣзда, Воронежской губ.—*А. А. Спиридовъ,* Велико-руссы Переяславскаго у., Владимирской губ.—*П. А. Бѣльскій,* Къ антропологии молдаванъ.—*А. А. Ивановскій,* Енисейскіе инородцы (съ 15 рис.).—*А. А. Ивановскій и Э. А. Элькинъ,* Памяти В. В. Воробьева (съ портр.).—*Д. Н. Анучинъ,* Антропологическій музей Московскаго университета.—Критика и библиографія.—Извѣстія и замѣтки.

Сибирская жизнь. 1908. 3. *Г. Г. Алтай.* Плачь алтайца на чужбинѣ. Это стихотвореніе въ прозѣ. Авторъ его, природный китаецъ, подражая народной алтайской пѣснѣ, сложенной въ XVIII вѣкѣ, издѣлъ всю тоску, охватывавшую его при мысли о родномъ Алтай, подвергшемся опустошительнымъ набѣгамъ китайцевъ съ юга и киргизовъ съ сѣвера.

Bulletin de la Société de Géographie de Toulouse. 1907. 3. *Castagné, M. I.* (professeur à Piatigorsk); Tscherkesses ou Circasiens. Tatares-Koumouiks-Avares.—*Ео же,* Kabardie et Kabardiens.—*Ео же:* Les Russes au Caucase.—*Aymard:* Le Soudan Français. Notices géographiques, historiques, topographie, statistiques.—*Guénot,* Compte rendu du Congrès National des sociétés françaises de géographie à Bordeaux.—4. *Guénot, Felix,* Idées religieuses et superstitions des Sakalaves du Menabe.

Sifkungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. 1908. I. *Eduard Meyer:* Das erste Auftreten der Asier in der Geschichte.—*H. Diels:* Der Schlüssel des Artemistempels zu Lusoi (Hierzu Taf. I).—II—III. *Max Rubner:* Das Wachsthumproblem und die Lebensdauer des Menschen und einiger Säugethiere vom energetischen Standpunkte aus betrachtet.—IV. Помѣщены академическіе отчеты за минувшій годъ. Есть свѣдѣнія о вышедшихъ изданіяхъ; напр.: Ibn Saad Ausgabe: Band VI: Biographien der berühmtesten Männer des ältesten Islams, welche aus der Stadt Kufa in Westbabylonien gebürtig waren. Herausgegeben von *Prof. Dr. K. Zettersteen;* Band IV, 2 Abteil.: Biographien derjenigen Muslims, welche sich nach der Schlacht am Berge Ohad im Jahre 627 Muhammed angeschlossen haben. Herausgegeben von *Prof. Dr. I. Lippert.* Готовится также къ изданію «Wörterbuch der ägyptischen Sprache».—VIII—IX—X. *E. Sieg:* Neue Bruchstücke der

Sanskrit-Grammatik aus Chinesisch-Turkistan (hierzu Taf. II).—
XVII—XVIII—XIX. *A. von le Coq*: Ein manichäisch-nigurisches Frag-
ment aus Idikut-Schachri.—XXIII. *R. Pischel*: Ins Gras beissen.

Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. Journal de la Societé
Finno-Ougrienne. XXIV. 1907 (Helsingissä).

G. I. Ramstedt, Ueber die Zahlwörter der altaischen Sprachen.—
G. I. Ramstedt, Ueber den Ursprung der sog. Jenisej-ostjaken.

Новости этнографической литературы.

Абрамовъ, Ив. Старообрядцы на Вѣткѣ. Этнографическій очеркъ. Спб. 1907. 8°. 34 стр. (Изъ «Жив. Стар.», 1907, III).

Алеленовъ, А. Н. (сост. при участіи врача Н. И. Яльмова) Исторія Московскаго Военнаго Госпиталѣ въ Россіи къ 200-лѣтнему юбилею (1707—1907 гг.). М. 1907. Больш. 8° XVI + 719 стр. съ рисунками и фототипіями. (Въ главѣ I-й есть: описаніе пѣмецкой слободы, ея населенія, нравовъ и обычаевъ; положеніе иностранцевъ въ Россіи. Въ дальнѣйшихъ главахъ есть свѣдѣнія о бытѣ больныхъ, призрѣваемыхъ и т. п.).

Амфитеатровъ, А. В. Македонскіе евреи. Спб. 1907.

Аниіевичъ, К. Т. Сынценьскій уѣздъ, Могилевской губерніи. Опытъ описанія въ географическомъ, историческомъ, этнографическомъ, бытовомъ, промышленномъ и статистическомъ отношеніяхъ. Изд. Мог. Губ. Стат. Ком. Могил.—губ. 1907. 148 стр. (Приложено нѣсколько рисунковъ этнографическихъ типовъ).

Ахмарозъ, Г. Свадебные обряды казацкихъ татаръ. («Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн.», XXIII, 1) Каз.

Бараць, Г. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. Вып. I. Кіевъ, 1907.

Буличъ, С. А. Очеркъ исторіи языкознанія. Т. I (XIII в.—1825). Спб. 1907. 8°. XI + 1248 стр.

Гидульновъ, П. В., проф. Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти. Восточные патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Ярославль. 1908. Больш. 8°. IV + 774 стр. Ц. 4 р.

Державинъ, Н. Болгарскія колоніи Новороссійскаго края. Херсонская и Таврическая губерніи. (Отг. изъ № 41 «Изв. Тавр. Учен. Архив. Комиссін»). Симферополь. 1908. 8°. 237 стр.

Зачиняевъ, А. Былныи. Посobie при изученіи словесности. Спб. 1907. 8°. XIX + 71 стр.

Зеленинъ, Архангельская губернія въ началѣ XIX вѣка (Пам. Книжка Арх. губерніи на 1907 гадъ). Арх. 1907. 8°. 9 стр.

Зеленинъ, Дм. Русская соха, ея исторія и виды. Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры. Вятка, 1908 (1907?) 8°. 189 + VII стр. + 1 таблица рисунковъ.

Ивановъ, П. В. Жизнь и повѣрья крестьянъ Купянского уѣз., Харьковской губ. («XVII Сборникъ Харьк. П.-Филол. О-ва»). Харьковъ. 1907. 8°. 216+II+IX стр.

Извѣстія на Этнографическія музеи въ Софія. Книжка I. 1907 г. Редактировать се отъ *Д. Мариновъ*, директоръ на сущія музеи.

Марковъ, Д. Частушки, собранныя въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. Каз. 1907. 8°. 24 стр. (Отт. изъ XXIII т. «Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн.»).

Мельгуновъ, Ю. Н., Коршъ, Ф. Е. и Кашинъ, Н. Д. Матеріалы по музыкальной ритмицѣ. («Труды Музык.-Этн. Комиссіи, состоящей при Этнографическомъ отдѣлѣ П. О. Л. Е., А. и Э.», т. III, вып. I). М. 1907. 4°. XXII+133 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Молчановъ. Крестьянская свадьба въ южной части Шенкурскаго уѣзда. («Пам. Книжка Арх. губ.» на 1907 г.). Арх. 1907. 8°. 41 стр.

Новоселовъ, Ю. (издалъ): Природа и люди Россіи. Рига. (Великолѣпно исполненныя фототипии даютъ наглядное представленіе о деталяхъ костюма, бытовой обстановки и т. п. у нѣкоторыхъ народностей, живущихъ въ Россіи).

Орловъ, А. Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ. 1907. IV+430 стр.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1906 г. М. 1907. 4°. 146 стр. съ фототипіями.

Ржига, В. Ф. И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка. Съ приложеніемъ сборника его сочиненій. Изд. Имп. О-ва Ист. и Древн. Рос. при М. Ун-тѣ. М. 1908. 8°. 84 стр. Ц. 75 к.

Страховичъ, І. В. и Полѣновъ, А. Л. (при участіи другихъ врачей, подъ редакцій-руководствомъ *В. И. Исаева*) составилъ: Чума, Астраханскаго края, по даннымъ поголовнаго осмотра населенія и матеріаламъ, собраннымъ въ эпидемію 1900—1901 гг. Спб. 1907. 4°. V+II+203+172+120 стр. + карты. (Много свѣдѣній о хозяйственномъ, семейномъ и религіозномъ бытѣ киргизовъ).

Указатель общаго трудовъ по русскому языку и трудовъ по діалектологіи русскаго языка, составленный Московской Діалектологической Комиссіей. Изданіе предварительное (литографированное въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ). М. 1907. XXX+160 стр., формата школьной тетради in 8°.

Эйнгорнъ, Виталій. Къ исторіи иноземцевъ въ Старой Малороссіи. Изд. Имп. О-ва Ист. и Древ. при М. Ун-тѣ. М. 1908. 8°. 53 стр. (Отзывъ объ изслѣдованіи М. М. Плохискаго: Иноземцы въ Старой Малороссіи, ч. I. Греки, цыгане, грузины. М. 1905, 235 стр. in 4°, отд. отт. изъ II т. «Трудовъ XII Археол. Съѣзда»).

Янобій, П. И. Вятичи Орловской губерніи. Съ предисловіемъ пастора Я. Гурта и указателями. Спб. 1907. 8°. XI+196 стр. + 11 таблицъ + XLIX стр. указателя («Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этнографіи, томъ XXXII»).

Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Материалы для библиографіи обычнаго права. *Выпускъ третій*. М. 1908. IV+546 стр. Ц. 2 р. (Выпускъ I: Обычное право русскихъ шпородцевъ. М. 1899. II. 1 р. 50 к. Вып. II: Обычное право. Ярославль, 1896. Ц. 2 р. 50 к.).

Янчукъ, Н. Къ вопросу объ отраженіи апокрифовъ въ народномъ творчествѣ. Спб. 1907. 8°. 18 стр. (Отт. изъ «Изв. Отд. р. л. и сл. Н. А. Н.»).

Янчукъ, Н. Н. Щербина, какъ этнографъ. 8°, съ 72—98 стр. (изъ «Жури. Мн. Нар. Просв.», 1907, № 7).

Янчукъ, Н. А. Литературныя замѣтки. (Въ томъ числѣ: этнографическія занятія Кольцова). Спб. 1908. 8°. 57 стр. (изъ «Изв. Отд. р. л. и сл. Н. А. Н.»).

Caland, W. et Henry, V. L'Agnistoma. P. Lerux, 1906. 8.

Chervin, D.-r. Conférence sur l'anthropologie bolivienne. Congrès de Reims—1907. Paris. 8°. 20 pp.

Gressmann, H. Der Ursprung der israelitisch-judischen Eschatologie. Göttingen. 1905 (касается древне-евр. мѣологій).

Harris, J. R. The Cult of heavenly swins. Cambridge. 1096. 8.

Hrdlička, Aleš. Skeletal remains suggesting or attributed to early man in North America («Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology». Bulletin 33). Washington. 1907. 8°. 113 page.

Kollmann, I., D.-r., Prof. Handatlas der Entwicklungsgeschichte des Menschen. I, II Theile, Jena, 1907.

Lunet de Lajonquière, E. Ethnographie du Tonkin septentrionale. P. Leroux.

Pușcariu, Sextil, D.-r. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprache. I. Lateinisch Element mit Berücksichtigung aller romanischen Sprachen Heidelberg. 1905.

Reinhardt, L. D.-r. Der Mensch zur Eiszeit in Europa. Mit 185 Abbildungen. München. 1906. VI+504 стр. (это полезное и серьезное популярное сочиненіе по древней доисторической эпохѣ Европы).

Sébillot, T. Le Folk-lore de France. T. II. La Mer et les Eaux douces. Paris. 1905. III. La Faune et la Flore. Paris. 1906.

Stern, B. Geschichte d. öffentlichen Sittlichkeit in Russland. B. II. Berlin. Barsdorf. 1908. (интересны этнограф. материалы).

Thomas, N. W. Kinship Organisation a. Group Marriage in Australia. Cambridge. 1906.

Thomas, N. W. The Native Races of the British Empire. Natives of Australia. London. 1906.

Weissenberg, S., D.-r. Das neugeborene Kind bei den südrussischen Juden. («Globus», Band XCIII, W 6. 85—88 S.).

Его же. Palästina in Brauch und Glauben der heutigen Juden. (Тамъ же, В. XCII, № 17, 261—264 S.).

Его же. Krankheit und Tod bei den südrussischen Juden. (Тамъ же, В. XCI, № 23, 357—363 S.).

Х Р О Н И К А.

† **В. Б. Антоновичъ**, профессоръ кievскаго университета, скончался въ концѣ марта, въ возрастѣ 74 лѣтъ. Родился онъ въ 1834 г. въ Киевской губ. въ польской семьѣ, по душею и научною дѣятельностью весь принадлежалъ малорусскому народу. Проф. Д. П. Анучинъ въ „Русск. Вѣдом.“ (№ 60) посвятилъ «памяти покойнаго» обзоръ его научныхъ заслугъ.

В. Б. Антоновичъ былъ не только историкъ (Литвы, малороссійскаго казачества), но и этнографъ и археологъ, посвящавшій много трудовъ и времени изученію прошлаго и современнаго населенія южно-русскаго края. Въ молодости онъ много странствовалъ по Украинѣ, записывалъ пѣсни и преданія, и плодомъ этой дѣятельности явился между прочимъ изданный имъ совместно съ проф. Драгомановымъ сборникъ южно-русскихъ пѣсень. Съ 70-хъ годовъ онъ сталъ особенно работать въ области археологій и былъ усерднымъ помощникомъ покойнаго графа А. С. Уварова въ устройствѣ нѣсколькихъ археологическихъ съѣздовъ въ южныхъ городахъ Россіи. Имъ были произведены многочисленныя раскопки кургановъ, могильниковъ, городищъ въ Юго-западномъ краѣ, а отчасти и на Кавказѣ, въ Осетіи. Благодаря этимъ раскопкамъ, ему удалось установить различныя типы погребеній и нѣкоторыя особенности культуры полянъ, древянъ и другихъ славянскихъ племенъ, отличія могилъ тюркскихъ кочевниковъ, а отчасти и опредѣлить границы поселеній различныхъ племенъ въ начальную эпоху русскои исторіи. Имъ собрано было также много археологическихъ данныхъ по бронзовому и каменному вѣкамъ на Югѣ Россіи. Въ „Трудахъ“ различныхъ археологическихъ съѣздовъ (бывшихъ въ Киевѣ, Тифлисѣ, Одессѣ, Вильнѣ и т. д.) разсѣяно немало его статей по различнымъ древностямъ и раскопкамъ. Имъ былъ значительно пополненъ, можно сказать, образованъ заново, музей древностей при кievскомъ университетѣ, нѣкоторыя собранія котораго были имъ самимъ описаны и изданы. Одно время В. Б. читалъ въ кievскомъ университетѣ лекціи по археологій, при чемъ могъ привлечь и подготовить рядъ лицъ къ дальнѣйшей разработкѣ этой отрасли знаній. Въ Киевѣ этотъ успѣвшійся интересъ къ иѣстной старинѣ имѣлъ слѣдствіемъ созданіе новаго городского музея искусствъ и древностей, успѣвшаго уже собрать цѣльныя археологическія коллекціи, начиная съ древнѣйшей эпохи каменнаго

вѣка (когда человекъ былъ современникомъ мамонта и другихъ вымершихъ животныхъ) и кончая стариной запорожскаго казачества. Другіе музеи возникли въ Екатеринославѣ (основой этого музея послужили коллекціи г. Поля, описанныя ученицей В. Б—ча г-жей Мельникъ, ставшей впоследствии его супругой), въ Херсонѣ и другихъ южно-русскихъ городахъ. Въ послѣдніе годы, на 7-мъ и 8-мъ десяткѣ лѣтъ, В. Б. уже не былъ въ состояніи работать такъ, какъ прежде, но онъ не переставалъ интересоваться древностями и, живя, напримѣръ, зимой въ Италіи, знакомился съ древностями Сициліи, Рима, Неаполя. Въ области археологіи и этнографіи Южной Россіи заслуги В. Б—ча, несомнѣнно, весьма крупныя, и имя его сохранится надолго въ исторіи археологической науки.

† Валтазаръ Божишичъ на пути изъ Вѣны въ Дубровникъ (Рагузу) къ себѣ на родину внезапно скончался въ Фіумѣ. Божишичъ—знаменитый славянскій юристъ-этнографъ и кодификаторъ Черногоріи. Среднее образованіе онъ получилъ въ Венеціи, а высшее—въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Работая сначала въ Австріи, Божишичъ занялъ въ 69 г. катедру исторіи славянскихъ законодательствъ въ повороссійскомъ университетѣ, который потомъ поднесъ ему почетный дипломъ доктора государственнаго права.

Божишичъ занялъ первое мѣсто въ исторіи славянской науки своими трудами по разработкѣ обычнаго права славянъ. Онъ собиралъ матеріалы вездѣ, гдѣ живутъ славяне. Къ однимъ изъ первыхъ его трудовъ принадлежатъ: „Pravni običaji u Slovena“; раньше онъ напечаталъ статью «О важности собранія свѣдѣній по народному обычному праву» и программу для собранія этихъ свѣдѣній. Позднѣе, въ 1872 г. Божишичъ былъ на Кавказѣ, гдѣ изучилъ бытъ народностей Абхазіи, Самурзаканы, Грузіи и Сванетіи. Также имъ изучены народныя обычаи Черногоріи, Герцеговины и Албаніи.

Въ результатъ всѣхъ этихъ изслѣдованій имъ изданы обширныя матеріалы въ его «Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena», обнимающемъ народное право всѣхъ сербохорватскихъ земель и отчасти Болгаріи. Другой его же сборникъ «Народне pjesne» богатъ между прочимъ, старинными записями XVII—XVIII вѣка.

Но славнѣйшую страницу въ жизни Божишича составляютъ его труды по созданію кодекса законовъ для княжества Черногорскаго. Этого его «Закоvníкъ», напоминающій кодексъ Юстиніана, по мнѣнію В. Д. Спавича,—замѣчательный образецъ кодификаціоннаго искусства.

† Л. Файсонъ и В. Гауитъ. Почти одновременно скончались два изслѣдователя, имена которыхъ часто назывались вмѣстѣ. 29 декабря 1907 года умеръ Лоримеръ Файсонъ, а 8 марта 1908 года Алфредъ Вильямъ Гауитъ (Howit), авторы извѣстной книги „Kamilaroi and Kurpai. Group-marriage and relationship, and marriage by

elopement“; вышедшей въ свѣтъ въ 1880 г. и сыгравшей извѣстную роль въ исторіи изученія австралійцевъ—съ одной стороны, въ дѣлѣ изученія первобытной семьи, съ другой. Файсонъ родился въ 1832 г. въ Англіи, но въ молодости переселился въ Австралію, гдѣ сдѣлался миссіонеромъ. Изъ Австраліи онъ перѣѣхалъ на острова Фиджи, гдѣ провелъ долгое время и имѣлъ возможность превосходно ознакомиться съ бытомъ мѣстнаго населенія. Онъ былъ корреспондентомъ Моргана, и его сообщенія о родственной номенклатурѣ фиджійцевъ были использованы американскимъ ученымъ въ его „Systems of Consanguinity“. Вернувшись въ Австралію, Файсонъ сошелся съ Гауитомъ, и плодомъ ихъ совмѣстной работы и явилась книга „Kamilaroi and Kurnai“, въ которой Файсономъ написано три главы: бракъ, филіація и родство у Камиларои; групповой бракъ и родство; теорія системы курнаи. Въ этой книгѣ Файсонъ раздѣляетъ взгляды Моргана на исторію семьи и въ частности придерживается теоріи группового брака, но въ послѣдствіи онъ значительно смягчилъ свои прежнія мнѣнія. Обладая очень обширными знаніями, Файсонъ, къ сожалѣнію, очень мало писалъ и потому не далъ всего, чего отъ него можно было бы ожидать. Кромѣ указанной книги, имъ издано въ 1904 г. „Tales of old Fiji“ и помѣщено нѣсколько статей въ „Journal of the Anthropological Institute“, преимущественно о фиджійцахъ: „Notes on Fijian Burial Customs“ (1881 г.), „Land Tenure in Fiji“ (1881 г.), „Nanga, or Sacred Enclosure of Wainimala Fiji“ (1885 г.) и др. Нѣсколько статей Файсона помѣщено также въ изданіяхъ Австралязійской Ассоціаціи наукъ; въ этой ассоціаціи онъ былъ президентомъ секціи антропологів.

Гауитъ былъ немного старше Файсона; онъ родился въ 1830 г. и тоже смолodu переселился въ Австралію и служилъ въ Викторіи по горному дѣлу и по общей администраціи. Въ книгѣ „Kamilaroi and Kurnai“ ему принадлежитъ описаніе обычаевъ племени Курнаи и заключительная глава. Высказанные здѣсь взгляды Гауитъ защищалъ потомъ въ длинномъ рядѣ статей, напечатанныхъ преимущественно въ «Journal of the Anthropological Institute», и послѣдняя книжка этого журнала (вторая за 1907 г.) содержитъ двѣ статьи Гауита, изъ которыхъ одна посвящена излюбленному имъ вопросу о групповомъ родствѣ у австралійцевъ. Состоя почетнымъ членомъ Антропологическаго Института Великобританіи и Ирландіи, Гауитъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ этого учрежденія и, начиная съ 1883 г., помѣстилъ въ его изданіяхъ большое число своихъ статей. Вотъ названія нѣкоторыхъ этихъ статей, по которымъ можно судить о преобладающихъ интересахъ автора:

Notes on the Australian Class Systems (J. A. I. vol. XII); On some Australian Beliefs (J. A. I. vol. XIII); Ceremonies of Initiation (vol. XIII); The Jeraeil, or Initiation Ceremonies of the Kurnai tribe (vol. XIV); On the Migrations of the Kurnai Ancestors (vol. XV); Notes on Songs and Song-makers of some Australian Tribes (vol. XVI); On Australian Medicine Men (vol. XVI); Notes on Australian

Message Sticks and Messengers (vol. XVIII); Further Notes on the Australian Class Systems (vol. XVIII); The Dieri and Other Kindred Tribes of Central Australia (vol. XX); The Native Tribes of South-East Australia (vol. XXXVII); Australian Group-Relationships (vol. XXXVII).

Изъ отдѣльно изданныхъ работъ Гаута назовемъ статьи „Native Tribes of South East Australia“ (1904 г.). Сотрудничество его съ Файсономъ не ограничивалось одной книгой „Kamilarai and Kurnai“. Совѣстному ихъ труду принадлежатъ также статьи „From Mother-right to Father-right“ (J. A. I. XII) и „On the Deme and the Horde“ (J. A. I. XIV). Кроме „Journal of the Anthropological Institute“ статьи Гаута разбѣяны и по другимъ изданіямъ: „Journal of the Geological Society“, „Transactions of the Royal Society of Victoria“, „Proceedings of the Australasian Association for the Advancement of Science“.

† М. К. Дезеуль. Серьезной потерей для науки вообще и для этнографіи въ частности является смерть Морриса К. Дезеуля, скончавшагося 22 января 1908 г. въ преклонномъ возрастѣ (родился въ 1830 г. 21 іюня), Дезеуль самъ не былъ ученымъ, но онъ любилъ науку и умѣлъ ей покровительствовать. Онъ принадлежалъ къ лучшимъ представителямъ того нерѣдкаго въ Америкѣ типа дѣльцовъ, которые, живя финансовыми операціями большое состояніе, употребляютъ его затѣмъ на поддержку различнаго рода ученыхъ предпріятій и учрежденій. Онъ былъ нѣкоторое время президентомъ и главнымъ благотворителемъ Сирійской коллегіи въ Бейрутѣ, предсѣдательствовалъ въ Арктическомъ клубѣ Пири (Peary Arctic Club) и много сдѣлалъ для изслѣдованія полярныхъ странъ, но больше всего ему обязанъ Американскій музей Натуральной исторіи, во главѣ котораго онъ стоялъ въ теченіе 27 лѣтъ. Изъ отдѣльныхъ предпріятій, которыя всецѣло ему обязаны своимъ осуществленіемъ, наиболѣе важнымъ, конечно, является Дезеульская сѣверо-тихоокеанская экспедиція, быть-можетъ, наиболѣе крупное предпріятіе въ исторіи этнографіи послѣдняго времени. Экспедиція эта, въ которой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работали не только американскіе, но и иностранные ученые (изъ русскихъ В. Г. Богоразъ и В. Н. Юхельсонъ), ставила себѣ очень широкую задачу—изученіе племенъ сѣверо-западной Америки и сѣверо-восточной Азіи съ цѣлью выясненія культурныхъ отношеній между старымъ свѣтомъ и новымъ. Труды экспедиціи еще не всѣ изданы, итоги имъ окончательно не подведены, но что она обогатила науку громаднымъ количествомъ новаго матеріала, это уже теперь выяснилось, и длинный рядъ изданій трудовъ экспедиціи, составляющихъ небольшую библіотечку, навсегда сохранитъ въ наукѣ память объ ея инициаторѣ.

Congrès préhistorique. Въ августѣ 1908 г. между 24 и 30 числами предполагается въ Шамбери (Chambéry-Savoie) конгрессъ, посвященный вопросамъ доисторической археологіи (Congrès préhistorique). Предыдущія три сессіи имѣли мѣсто въ Перигѣ (Périgueux) въ 1905, въ Ваннѣ (Vannes) въ 1906 и въ Отанѣ (Autun) въ 1907 г. Въ текущемъ году выборъ палъ на Шамбери, въ виду того, что тамъ находятся интересныя музеи, ученые общества, и окрестности этого города удобны и привлекательны для экскурсій.

Засѣданія конгресса начнутся 24-го августа и продолжатся до 30-го включительно. Первые 3 дня: 24, 25 и 26 августа будутъ посвящены ученымъ сообщеніямъ, преніямъ, посѣщеніямъ музеевъ и собраній археологическихъ находокъ. Остальные дни: 27, 28, 29 и 30 будутъ употреблены на ученые поѣздки въ Эксъ-ле-Банъ (Aix-les-Bains) и Аннеси (Annecy), на озера, лежащія въ окрестностяхъ, при чемъ будетъ организована рыбная ловля съ лодки, имѣющая цѣлю изобразить таковую же доисторической эпохи (une pêche préhistorique); будутъ устроены поѣздки и въ нѣкоторыя окрестныя селенія и долины.

Между предполагаемыми докладами возбуждаютъ особый интересъ тѣ, которые касаются именно той мѣстности, гдѣ будетъ происходить конгрессъ. Напр.:

1. Палеолитическій періодъ въ Савойѣ и его отношенія къ распространенію ледниковъ.

2. Неолитическій періодъ въ Альпахъ.

3. Обломки камней съ доисторическими изображеніями.

Участники конгресса раздѣляются на дѣйствительныхъ членовъ и соревнователей. Первые вносятъ 12 франковъ и имѣютъ право на полученіе отчетовъ засѣданій; вторые, по взносу 6 франковъ, имѣютъ право участвовать въ засѣданіяхъ, поѣздкахъ и т. д., но не получаютъ отчетовъ и не принимаютъ участія въ голосованіяхъ.

Последними могутъ быть лишь родственники дѣйствительныхъ членовъ. Предсѣдателемъ конгресса выбранъ г. Шервэнъ (Dr. Chervin). Желающихъ участвовать въ вышеназванномъ конгрессѣ просить обращаться къ главному секретарю г. М. Бодуэну (à Mr. le Dr. Marcel Baudouin, sec. gen. du C. à Paris rue Linne 21). Заявленія о желаніи присутствовать на конгрессѣ должны быть присылаемы за 2 мѣсяца до его открытія (точно такъ же, какъ и заглавія предполагаемыхъ докладовъ). Рефераты должны быть рассчитываемы на десять минутъ чтенія; сокращенное изложеніе докладовъ и рѣчей необходимо доставлять секретарю въ теченіе двадцати четырехъ часовъ для помѣщенія его въ отчетѣ.

Подробности, касающіяся организаціи засѣданій и экскурсій, могутъ быть получаемы у г. секретаря.

Научныя экскурсіи и занятія финскихъ ученыхъ представляютъ большой интересъ для русскихъ этнографовъ, особенно въ области финскихъ и угрофинскихъ народностей.

Д-ръ Сиреліусъ въ прошломъ 1907 г. провелъ полгода среди зырянъ, вотяковъ и черемисовъ. Имъ собраны богатые коллекціи по матеріальной культурѣ.

М-ръ Каннисто въ теченіе пяти лѣтъ безвыѣздно прожилъ среди вогуловъ, изучая ихъ языкъ, бытъ и вѣрованія. Готовитъ теперь диссертацию по вогульскому языку.

М-ръ Гэмэлайненъ (Hämäläinen) въ 1908 г. ѣдетъ къ вотякамъ и черемисамъ, главн. обр., для изученія языка и вѣрованій.

Д-ръ Ояису, ѣздившій по Сѣверной Финляндіи, въ этомъ году ѣдетъ къ эстонцамъ, для изученія діалектовъ эстонскаго языка.

Д-ръ Гаккманъ и изучавшій въ прошломъ году въ Сѣверной Финляндіи рѣзные календари м-ръ Сойккеле ѣдутъ этимъ лѣтомъ для археологическихъ изслѣдованій въ Сѣверную Финляндію.

Д-ръ Фридманъ собирался этимъ лѣтомъ ѣхать къ финскимъ лонарямъ, гл. обр., для антропологическихъ изслѣдованій.

Д-ръ Вихманъ, года три занимавшійся и теперь занимающійся въ Венгріи изученіемъ венгерскаго и зырянскаго языковъ, въ будущемъ году собирается въ поѣздку къ зырянамъ для изученія языка.

Д-ръ Аксель Гейкель собирался этимъ лѣтомъ поѣхать на острова Швеціи для изученія матеріальной культуры.

Д-ръ Паасоненъ готовитъ монографію по черемисамъ.

Д-ръ Рамстедъ занятъ изслѣдованіемъ фонетики калмыцкаго языка.

При участіи зырянина В. П. Налимова и корела Лазарева, проф. Сетеле, проф. Паасоненъ, д-ръ Карьяланенъ и лекторъ Шуарэ занимались экспериментальной фонетикой финскаго, корельскаго и зырянскаго языковъ.

Черемисинъ учитель Евсѣевъ приглашается въ Гельсингфорсъ, гдѣ, научившись приемамъ по собранію и зарисовыванію предметовъ матеріальной культуры, получать командировку къ черемисамъ съ тою же цѣлью.

Группа финскихъ студентовъ и студентокъ, занявшихся подъ руководствомъ д-ра Сиреліуса по матеріальной культурѣ, этимъ лѣтомъ ѣдутъ для изслѣдованій по тому же вопросу въ Сѣверную Финляндію.

Зырянинъ В. П. Налимовъ 4 мѣсяца прожилъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ, пользуясь радушнымъ приемомъ и руководствомъ мѣстныхъ профессоровъ и ученыхъ, изучалъ финскій языкъ, какъ матеріалъ для своихъ будущихъ этнологическихъ занятій и какъ необходимое орудіе для антропологическихъ изслѣдованій среди финновъ.

По частной инициативѣ и при содѣйствіи частнаго лица, предполагалось организовать въ Гельсингфорсѣ оригинальный этнографическій музей, который долженъ былъ бы помѣщаться подъ открытымъ небомъ на одномъ изъ острововъ въ окрестностяхъ Гельсингфорса и представить эволюцію матеріальной культуры (особенно жилищъ) финскихъ и финноугорскихъ народовъ. Къ этой идеѣ сочувственно отнесся Финляндскій Сеймъ и, ассигновавъ солидную сумму, поручилъ д-ру Сиреліусу и м-ру Айлію разработать проектъ этого музея. Оба вышеупомянутыя лица были для ознакомленія съ организаціей такого музея въ Швеціи и Норвегіи, а также

поѣдутъ въ Лондонъ и въ германскіе города для осмотра коллекцій по матеріальной культурѣ.

Еще одна интересная идея, касающаяся этнографіи, возникла среди финскихъ ученыхъ: устроить курсы по этнографіи для учителей-иностранцевъ, которые, получивъ соответствующія этнографическія познанія на этихъ курсахъ, могли бы работать по этнографіи каждый среди своей народности. Такъ предполагалось пригласить учителей-пермяковъ, вотяковъ, зырянъ, черемисовъ и друг.

Наконецъ, осуществляется одна изъ прежнихъ идей финно-угорскаго общества, а именно, пмъ предпринято издаііе этнографической карты финно-угорскихъ народностей.

Новыя работы Л. Я. Штернберга, готовящіяся къ печати, представляютъ большой интересъ для этнографа. Въ маѣ выйдетъ томъ I, выпускъ I-й «Матеріаловъ по изученію пародіи словесности гилиакъ о Сахалина и низовьевъ Амура. Эпосъ. Героическія поэмы и сказанія: транскрибированные тексты съ переводомъ и подробными сравнительно-этнографическими и фольклорными примѣчаніями по каждому тексту и общимъ введеніемъ о поэзіи гилиакъ». — Готовится къ печати на англійскомъ языкѣ въ изданіи «Jesup Expedition» въ Нью-Йоркѣ монографическая работа: «The Giliaks and their neighbours». Также готовится болѣе мелкая работа: «Орнаменты изъ оленьихъ волосъ и иглъ дикобраза въ связи съ общей теоріей генезиса орнамента» (въ изданіяхъ музея).

Ленціи по русской исторической географіи, читанныя *С. К. Кузнецовымъ* въ Московскомъ археологическомъ институтѣ, въ настоящее время печатаются. Первые семь листовъ заключаютъ въ себѣ: объемъ и методъ русской исторической географіи, обзоръ извѣстій начальной лѣтописи о финнахъ с.-в. Россіи, обзорѣніе прочихъ лѣтописей, сборниковъ историческихъ актовъ и справочныхъ словарей, обзоръ извѣстій восточныхъ и западно-европейскихъ путешественниковъ о с.-в. Россіи, методъ изученія хорографическихъ названій, анализъ хорографическихъ названій Мерянскон земли, результаты этого анализа, результаты раскопокъ въ Мерянской землѣ, Мещера и Мещерская страна. Къ изданію будутъ приложены карты.

«О средневѣковомъ армянскомъ городѣ Ани» прочелъ три лекціи проф. Н. Я. Марръ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ 21 февр. 1908 г. *Лекція I: Исторія Ани до раскопокъ*: Городище Ани. О литературныхъ источникахъ исторіи города Ани. О реаліяхъ города и европейскихъ путешественникахъ, посѣщавшихъ Ани. Книжно-историческая школа съ традиціонною національною (армянскою) точкою зрѣнія и реальныя теченія исторической жизни Арменіи. Предѣлы исторіи Ани. Объ историкахъ Ани. Арменовѣдѣніе и научное востоковѣдѣ-

ніе Среда возникновенія мысли о раскопкахъ въ Арменіи. Начало систематическихъ раскопокъ въ Ани. *Лекція II: Раскопки въ Ани.* Первые раскопки (1892 г.): расписанная фамильная церковь св. Григорія XII—XIII в. Вторыя раскопки (1893 г.): двѣ церкви, одна Богоматери-госпожи hОромы (1217 г.), другая Богоматери—рода Хамбушенцъ, времени царей, и древнія городскія стѣны Ани, построенныя царемъ Ашотомъ Багратидомъ. Третьи раскопки (1904 г.): жилые дома рабочаго населенія. Изъ четвертыхъ и пятыхъ раскопокъ (1905—1906 г.): о раскопкѣ холма съ круглымъ храмомъ Гагика I-го, о кругломъ храмѣ изъ раскопокъ, о предметахъ, открытыхъ въ храмѣ и вокругъ него, о жилыхъ помѣщеніяхъ бѣдняковъ, о зданіи съ узорчатымъ мозаичнымъ фасадомъ перешей, откопанной у Гагикова храма св. Григорія. Частичныя раскопки около храма апостоловъ. Шестыя раскопки (1907 г.): вышгородъ Ани съ остатками дворца Багратидовъ. *Лекція III. Исторія Ани въ освѣщеніи раскопокъ и вообще реаліи.* Наблюденія надъ остатками памятниковъ, сохранившимися на поверхности земли. Пещерныя помѣщенія и ихъ разнообразное назначеніе. Халкедонитская церковь св. Григорія, построенная Тиграномъ hОненцомъ, въ 1215 г.; ея фрески и архитектура. Солидарность армянскаго народа съ сосѣдними народами въ XII—XIII вв. и духовно-матеріальный расколъ внутри самого армянства (павликіанство) въ XI в. Идейное сродство и общеніе армянъ съ сосѣдями въ освѣщеніи памятниковъ искусства. Объ армянскомъ вліяніи на сельджукидское зодчество. Ани въ вопросѣ объ архаическомъ армянскомъ искусствѣ. Культурный прогрессъ аййцевъ послѣ паденія армянскихъ Багратидовъ въ связи съ вопросомъ о соучастіи различныхъ національностей въ этомъ прогрессѣ. Соціальное перерожденіе аййцевъ. Значеніе аййскихъ раскопокъ. Резюмѣ.

Этнографическое отдѣленіе Кавказскаго музея. Въ настоящее время приступлено къ полному обновленію этнографическихъ группъ музея. Старыя манекены были приготовлены тогда, когда техника въ Тифлисѣ стояла еще не высоко, а для заказовъ въ другомъ мѣстѣ не было средствъ. Поэтому, представленные тамъ типы различныхъ кавказскихъ народностей мало отвѣчаютъ дѣйствительности и очень грубого технического исполненія. Теперь нашелся въ Тифлисѣ художникъ, г. Кильчевскій, и послѣ долгихъ опытовъ музеемъ была выработана масса для приготовленія головъ и рукъ манекеновъ, дающая полную иллюзію челоуѣческаго тѣла. Первый опытъ постановки приготовленныхъ пѣзъ манекеновъ далъ такіе результаты, что принципиально рѣшено замѣнить всѣ старыя фигуры, но скорость исполненія этой работы будетъ зависѣть отъ средствъ, которыя на нее нужны.

Рѣшено каждую народность представлять въ видѣ группы, окруженной своей оригинальной обстановкой, при чемъ всѣ предметы утвари должны быть настоящими, по возможности уже бывшими въ употребленіи. Чтобы предметы, особенно костюмы, не портились отъ пыли, каждая группа должна быть помѣщена въ особомъ шкапу.

По этому типу уже поставлена группа караногаевъ, кочевого народа Ставропольской губерніи, изображенная въ своей юртѣ, при чемъ всѣ предметы, кромѣ самой юрты, съ точностью приготовленной въ Тифлисъ, привезены директоромъ музея изъ ногайской степи, а костюмы, богато отделанные серебромъ, подарены караногайскимъ народомъ.

Теперь готовится къ постановкѣ большая группа по хевсурской этнографіи. Богатая коллекція костюмовъ, оружія и утвари этого племени была собрана еще покойнымъ Г. И. Радде, фигуры же заказаны г. Кильчевскому.

Несмотря на малыя средства музея, за послѣднее время удалось собрать много интересныхъ этнографическихъ предметовъ, особенно типичныхъ старинныхъ костюмовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже вышли изъ обихода. Таковъ, на примѣръ, представляющій много оригинальнаго костюмъ арданучской армячки, нынѣ уже совершенно оставленный.

Откликнулось на призывъ директора музея и туркменское кочевое общество Ставропольской губерніи, и, подобно ногайскому, пожертвовало интереснѣйшую серію оригинальныхъ, богатыхъ національныхъ костюмовъ, стоимостью свыше трехсотъ рублей.

На дняхъ въ музей поступила очень полная коллекція по этнографіи Карачая (свыше сорока нумеровъ), подаренная ему тамошнимъ уроженцемъ г. Миссономъ Бучуковичемъ Абаевымъ.

Минувшею зимою директоромъ музея была привезена изъ Абхазіи довольно полная коллекція домашняго обихода абхазцевъ, во многомъ поражающаго своею архаичностью.

(Кавказъ 1908 г., № 96).

Этнографія Алтая обогатилась недавно рядомъ картинъ художника Г. И. Гуркина, который на святкахъ 1907—8 г. въ Томскѣ устроилъ богатую ихъ выставку. Судя по замѣткамъ Г. И. Потанина и г-жи Базановой въ «Сиб. Жизни» (№№ 198, 199 и 2) г. Гуркинъ имѣлъ большой успѣхъ въ мѣстной публикѣ.

Выставка была особенно богата пейзажемъ, но многія картины посвящены быту и быту алтайцевъ. Г. И. Гуркинъ въ области жанра работалъ всего только 1½ года, и въ такое короткое время не могъ овладѣть технич. приемами, но, владея хорошо рисункомъ, онъ далъ полныя жизни и движенія эскизы.

Этнографическія картины г. Гуркина относятся къ племени, населяющему алтайскія долины; племя это говоритъ тюркскимъ языкомъ, но культуру усвоило монгольскую, а не туркестанскую, какъ киргизы, за что русскіе ошибочно называютъ это племя калмыками. Къ этому тюркскому племени принадлежитъ и самъ художникъ Гуркинъ.

На этюдѣ № 6 представленъ Камъ (шаманъ) Бачіякъ, который живетъ въ вершинахъ рѣки Аноса, на его притоцѣ Акъ-Апры; принадлежитъ къ поколѣнію Ирхитъ. Отъ роду имѣетъ слишкомъ 50 лѣтъ. Камлаетъ (шаманитъ) около 25 л. Во время послѣдняго религіознаго дви-

женія среди алтайцевъ бурхашисты, т.-е. сторонники ученія Чета Чепанова, сожгли его бубень и заставили его прекратить свои камланья. Но послѣ трехлѣтняго перерыва онъ возобновилъ ихъ. Бачиягъ пользуется большимъ почетомъ у инородцевъ.

Онъ одѣтъ въ шаманскую мантию, которая увѣшена жгутами и ремнями. Эти жгуты представляютъ змѣй. Воротникъ мантии усаженъ совиными перьями; на головѣ кама повязка, верхъ которой, усаженный совиными перьями, падаетъ на спину. Въ лѣвой рукѣ кама бубень, внутри котораго двѣ поперечны: деревянная—вертикальная и желѣзная—горизонтальная; на послѣдней навѣшены желѣзные погремушки и разноцвѣтныя ленты. Вертикальная поперечная служитъ вмѣсто рукоятки; на верхнемъ концѣ ея изображеніе человѣческаго лица. Эта поперечина изображаетъ духа бубна.

Картина № 5 (камланіе) изображаетъ обрядъ «устюгу», приношеніе жертвы высшему божеству Ульгеню. Для этого обряда можно приглашать только мужчину-кама; женщина-камъ совершать подобныя жертвоприношенія не можетъ. Къ этому обряду приглашаются родственники; они привозятъ вино (аракы); сосѣди съѣзжаются безъ приглашенія. Колютъ двѣ или три лошади. Камланіе продолжается два или три дня. Картина срисована съ обряда, который былъ совершенъ по желанію жены одного кама. Она бездѣтна, и потому она просила у Ульгена дѣтей, а также урожая, приплода скота, благополучія и удачи въ охотѣ. Картина изображаетъ моментъ, когда жертва уже заколота и повара уже варятъ мясо. Привезенное гостями вино хозяйинъ дома паливаетъ въ «чечій», чашку, и камъ, омокнувъ въ вино березовую вѣтку, кропитъ ею въ воздухъ, чувствуя горныхъ духовъ («алкапιάтъ»), наприкладъ, духа горы Адычана. Послѣ кама, каждый гость, привезшій вино, такъ же кропитъ въ честь духовъ.

Намѣло на картинѣ видны повара около котла; за ними двѣ березки, къ которымъ на ночь была привязана лошадь, обреченная въ жертву. На березкѣ натянутъ шнуръ съ «яламой», лентами. Эти березки называются «бай—гаинъ». Направо видѣны навѣсъ на четырехъ столбахъ, «тасхакъ»; на этотъ тасхакъ потомъ будутъ сложены кости убитаго и съѣденнаго коня; надъ тасхакомъ поднимается шесть, на который продѣта шкура, «байдара», убитой лошади. Передъ тасхакомъ производится либація; вторая фигура съ праваго края держитъ чечій съ виномъ, а крайняя фигура-камъ съ березовой вѣткой. При обрядѣ «устюгу» камъ не надѣваетъ мантии со змѣями, а имѣетъ только три ленты: одна прикреплена къ шапкѣ, двѣ висятъ съ плечъ.

На эскизѣ № 197 изображено опять камланіе, на картинѣ видны тасхакъ и бай-гаинъ. Вдали—юрты, шестигранныя деревянные и коническія, крытыя корой. Камъ кропитъ въ воздухъ мяснымъ отваромъ съ крошками мяса.

На эскизѣ № 198 изображена либація жиромъ, «усъ урупіятъ», совершаемая внутри юрты. Когда мясо коня, заколотога къ обряду «устюгу», сварится, камъ и хозяйка идутъ въ юрту, гдѣ сидятъ жен-

щины, не имѣющія права присуствовать при обрядѣ, и приносятъ имъ жертвенное мясо. Камъ навѣшивается на таганъ жиръ, наръзанный лентами, обходить вокругъ очага и лить на огонь растопленный жиръ; жировыя ленты загораются, жиръ, пролитый на огонь, вспыхиваетъ и пламя поднимается до потолка, какъ это видно на картинѣ. Во время обхода вокругъ очага за камомъ идутъ хозяинъ съ мясомъ и его родственники. На правой половинѣ картины находится кухонный уголь; тутъ видна бадья «чапчагъ» съ «чигеномъ», кипящимъ молокомъ, изъ котораго потомъ будутъ курить вино. На лѣвой половинѣ видна шаманская мантия, брошенная на ящикъ; на нее поставленъ бубенъ шаманки, хозяйки юрты, и виситъ полотенце, безъ котораго бубенъ не вывозится изъ дома. Это полотенце называется «эльчи» — носолъ. Когда камъ получить приглашеніе прѣхать въ какой-нибудь домъ, то впередъ посылаются туда это полотенце. Вправо отъ бубна видна зашавъсъ «кожого» надъ кроватью.

На этюдѣ № 202 изображено высыживание араки; для этого въ котелъ наливается сквашенное молоко. Котелъ покрывается деревянной крышккой въ видѣ шлема, въ которой три отверстія. Одно изъ нихъ заткнуто затычкой, которая вынимается для регулированія температуры: въ два другія вставляются деревянные дугообразныя трубы «чорго», по которымъ внѣшній паръ отъ молока проходитъ въ холодильники.

Эскизъ № 10 — «Первый лучъ христіанства на Алтаѣ». Первый алтайскій миссіонеръ отецъ Макарій Глухаревъ проповѣдуетъ передъ толпой, собравшейся на камланіе. Передъ нимъ сидитъ камъ «Сюръмэй», когорый жилъ въ то время около Уламы на горѣ, носящей теперь его имя. Объ этомъ камѣ разсказываютъ, что онъ однажды, когда шуга мѣшала переправѣ, перелетѣлъ черезъ Катунь по воздуху; въ другой разъ онъ былъ запертъ въ юртѣ и вылетѣлъ изъ нея черезъ дымовое отверстіе. Отецъ Макарій не могъ убѣдить его креститься.

Эскизъ «Юрта» тоже типиченъ. Въ окрестностяхъ Чемала юрты бываютъ двухъ родовъ: одна юрта деревянная срубчатая шести—или восьмиугольная, по-алтайски «керече—айлъ»; верхъ юрты покрытъ или корой лиственницы или берестой, пригнетенной жердями; другой видъ — «сеелты—айлъ» — коническая юрта, безъ сруба, состоитъ изъ однихъ жердей, покрытыхъ берестой или корой. Отверстій въ юртахъ только два: дверь и отверстіе вверху для выхода дыма; это послѣднее служить и вмѣсто окна. На картинѣ передъ юртой къ коновязи «чаки» привязаны двѣ лошади, на которыхъ прѣехали гости. По лошадямъ можно узнать, что прѣехали мужчина и женщина, потому что правая лошадь имѣетъ на уздѣ и на поводьяхъ кисти, а сѣдло покрыто синимъ бязевымъ чанракомъ съ красными углами. Съ такимъ убранствомъ сбруи ѣздятъ только женщины. На первомъ планѣ идетъ женщина съ ведромъ или подойникомъ. Около юрты два алтайца колютъ «торбока» (годовалого теленка) для угощенія гостей.

На эскизѣ № 20 изображенъ богатырь Сартакнай, легенды о которомъ распространены отъ Катуня до Зайсана. Ему приписываются раз-

ныя инженерныя работы: постройки мостовъ, рытье каналовъ, прокладываице дорогъ и т. п. Одна изъ легендъ рассказываетъ, что съ цѣлью перекинуть мостъ или запрудить рѣку, богатырь Сартакпай и его младшій братъ подняли цѣлую гору и повесили ее, чтобы положить поперекъ рѣки; они не чувствовали тяжести горы благодаря тому, что соблюдали условіе не прикасаться во время пути къ женщинамъ; но младшій братъ на одномъ ночлегѣ не соблюлъ заповѣди и гора задавила обоихъ братьевъ. Жители Средней Азіи убѣждены, что великія дѣла совершаются только человекомъ съ дѣвственнымъ сердцемъ; всякое серьезное предприятие для своего успѣха требуетъ нравственной дисциплины; для этого нуженъ духъ, очищенный отъ всякихъ дурныхъ мыслей.

Картина «Хань-Алтай» № 1 не представляетъ въ своемъ цѣломъ снимка съ опредѣленной мѣстности; это композиція по этюдамъ, сдѣланнымъ среди вѣчныхъ снѣговъ Алтая. Художникъ хотѣлъ въ этой картинѣ дать синтезъ впечатлѣній, которыя воспримчивый человекъ уноситъ съ собой, постраствовавъ между алтайскими бѣлками, тѣхъ настроеній, которыя породили въ первобытномъ жителѣ Алтая релігіозное чувство къ его бѣлкамъ, живущее и въ нынѣшнемъ поколѣніи обитателей этихъ горъ.

Алтай-кижи, т.-е. алтайскій природодецъ, одухотворяетъ Алтай: въ его глазахъ это не мертвый камень, а живой духъ. Продукты горной природы онъ принимаетъ какъ дары, которыми Алтай сознательно осыпаетъ своихъ обитателей; поэтому человекъ выражается, что у пустыни длань сжата въ кулакъ, а длань щедрого Алтая раскрыта. Онъ проникается благодарностью и уваженіемъ къ своей горѣ, а величіе снѣжныхъ вершинъ внушаютъ ему и боязнь передъ горой. Онъ не можетъ называть гору иначе, какъ хань Алтай, т.-е. «царь Алтай» или «царственный Алтай». Мистическій страхъ передъ снѣжными вершинами распространенъ не только въ сибирскихъ горахъ, но и въ Монголіи и Тибетѣ. По всей центральной Азіи разсѣяны «поклонныя горы», которымъ жители поклоняются, какъ могущественнымъ богамъ. Иногда обрядъ поклоненія состоитъ въ томъ, что священную вершину обходятъ кругомъ по опаснымъ тропинкамъ: совершая этотъ кругъ, паломники идутъ съ опущенными въ землю глазами и молча, опасаясь, чтобы во время разговора не вырвалось какое-нибудь банальное слово, которое можетъ оскорбить гору; величественному спокойствію и тишинѣ бѣлковъ соответствуетъ только чистое непорочное мышленіе. Культъ горы имѣетъ для жителей Азіи этическое значеніе. Обитатели Азіи вѣрятъ даже, что ужасъ альпійскихъ пустынь охватываетъ и животныхъ; иногда случается, что въ караванѣ, проходящемъ между бѣлками, верблюды начинаютъ дрожать всѣмъ тѣломъ, падаютъ на землю, и никакими средствами нельзя заставить его подняться и идти далѣе; туземцы говорятъ, что онъ неосторожно взглянулъ на вѣчные снѣга, и ужасъ пустыни парализовалъ его нервы.

Мистическое содержаніе альпійскихъ пейзажей художникъ тѣмъ удачнѣе можетъ передать, чѣмъ онъ ближе къ народному наивному чувству, чѣмъ онъ менѣе оторванъ отъ народнаго легковѣрія.

О напѣвахъ алтайскихъ инородцевъ и монголовъ былъ сдѣланъ интересный докладъ 22 марта А. В. Анохинымъ въ Томскомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества.

Вопросъ, затронутый докладчикомъ—совершенно новый вопросъ. Музыкальное творчество многочисленныхъ сибирскихъ инородцевъ еще ждетъ своихъ изслѣдователей. Что касается въ частности музыкальнаго творчества инородцевъ Алтая, то его вскользь касался протоіерей Вербицкій въ своихъ этнографическихъ трудахъ, а также извѣстный миссіонеръ протоіерей Чевалковъ, который пытался даже примѣнить алтайскіе напѣвы къ церковнымъ пѣснопѣніямъ. Этими, кажется, и ограничиваются всѣ попытки къ изученію музыкальнаго творчества сибирскихъ инородцевъ. Въ виду этого докладъ г. Анохина представляетъ особую цѣнность.

Докладъ раздѣленъ на двѣ части. Въ первой докладчикъ коснулся происхожденія алтайскихъ и монгольскихъ пѣсней, указавъ на характерныя ихъ черты и на значеніе въ дѣлѣ изученія быта и нравовъ алтайскихъ инородцевъ и монголовъ. Во второй части г. Анохинъ сдѣлалъ подробный анализъ мотивовъ съ музыкально-теоретической точки зрѣнія. Въ качествѣ иллюстраціи къ докладу П. А. Шадринъ пропѣлъ нѣсколько монгольскихъ былинъ и киргизскихъ пѣсней, а также буддійскихъ молитвъ, а затѣмъ двѣ алтайскихъ пѣсни, передавая пѣше произношеніемъ текста, передаваемого въ русскомъ переводѣ. Г. Шадринъ поетъ, какъ настоящій инородецъ, и производитъ полную иллюзію. Наибольшее впечатлѣніе произвели монгольскіе напѣвы; нѣкоторые изъ нихъ положительно доставляютъ наслажденіе даже для музыкально развитаго уха. Такова, напримѣръ, монгольская пѣсенка: «Тоска по родиѣ». Многіе монгольскіе напѣвы по своей ширинѣ, размаху, напоминаютъ мотивы русскихъ пѣсней.

Совершенно другой характеръ имѣютъ напѣвы алтайцевъ. Они заунывные, дикіе. Въ нихъ ясно отражается дикая, первобытная природа Алтая.

По словамъ докладчика, старинные народные мотивы у алтайскихъ инородцевъ слышатся все рѣже и рѣже. Ихъ смѣняютъ напѣвы, заимствованные у русскихъ. Въ виду этого было бы весьма важно, пока не ушло время, организовать систематическое изученіе музыкальнаго творчества алтайцевъ и вообще сибирскихъ инородцевъ.

Томское отдѣленіе Р. М. О., по инициативѣ предсѣдателя Е. Л. Зубашева, рѣшило продолжать дальнѣйшія изысканія инородческихъ пѣсней въ Сибири.

(«Голосъ Томска», № 70 и «Сиб. Жизнь», № 63).

Народности о-ва Майотты. (Коморскіе острова). Г. Ами (Пату) прочелъ въ Антропологическомъ Обществѣ въ Парижѣ докладъ, осно-

важный на сообщении губернатора острова г. Фуру, относительно населения Майотты. Здесь господствует сильное смешение рас. Коренное население Майотты—полинезийского происхождения и его представители продолжают носить название *mahogé*. На остров наблюдаются смесь *mahore* с малгашами, анджанами, коморцами и макайцами (макуассама). Последний термин относится к чернокожим, иммигрировавшим, или привезенным сюда работниками, с материка и принесшим в местный диалект суахели, употребляющийся на Коморских островах, много слов из своего языка. (Из принесенных слов наиболее типично слово *piata*, означающее «мясо», единственное слово, употребляющееся в своем первоначальном значении. Арабский элемент почти вовсе отсутствует на Майотте, незначителен на о. Анхуань (Иоханна), зато на остров Большой Коморо (Анасия) большинство населения—чистокровные арабы, меньшинство—метисы от смеси *mahogé* и *makais* (макайцев) с арабами.

Язык повсеместно арабский, с некоторыми легкими различиями на разных островах, но в него входит большое количество арабских слов, иногда искаженных местным произношением. Все население Коморских островов считает по-арабски, пользуется арабскими цифрами, а пишущие на языке суахели пользуются арабским алфавитом с обозначением при этом всех гласных. Туземцы в громадном большинстве мусульмане; благодаря хорошему знанию арабских букв, они легко читают Коран, разумеется, не понимая его, Обычай, суеверия, высшие проявления жизни—все проникнуто арабским влиянием. На запрос г. Ами относительно признаков китайского влияния на Майотте, г. Фуру ответил, что не имел случая их наблюдать. В «*Les instructions nautiques sur Madagascar*» (1885 г.) приведены подробности по поводу открытия на острове Мандза в бухте Магаймба важных арабских развалин. На узком и глубоком своде молельни найден был прикреплённый прочным цементом китайский сосуд (находится в музее Троаде в Париже). По сведениям некоторых исследователей, подобные сосуды встречаются на о. Большой Коморо в большом количестве и очень дорого ценятся туземцами. Cf. Max Leclerc. *Les peuplades de Madagascar. Origines. Rev. d'Ethnogr. t. VI, p. 6—7, 1887*). Эти фарфоровые изделия (французское типичное название—*celadon*) принесли арабы, торговавшие в относительно давние времена с китайцами в залив Мартаван (откуда название *mer-tabani*, которым еще поныне обозначают эти изделия). Этими образцами изобилуют арабские развалины на Бенадирском побережье (Mogadixo), где они фигурируют в качестве декоративного мотива в старинной мечети (находятся в музее Троаде и в Северском Керамическом музее). Однородные предметы встречаются и на о. Большой Коморо, но на Майотте их до сих пор не было, и это объясняется различием в отношении арабизации на этими островами Коморского Архипелага, на кото-

(Bull. et mé

Игра въ веревочку продолжаетъ обращать вниманіе фольклористовъ. Одинъ изъ рецензентовъ англ. журнала «Folklore», W. Rivers отмѣчаетъ выходъ книги Mrs. Coroline Furness Jayne, *String Figures. et Study of Cat's—cradle in many Lands.* (New-York. 1906). Игра веревочкой, состоящая въ томъ, что при посредствѣ веревочки, накинутой на пальцы, руки, пальцы ногъ и т. п. стараются изобразить различныя фигуры, распространена во всѣхъ частяхъ свѣта: у народовъ Европы, индѣйцевъ, эскимосовъ, пауа, полинезийцевъ и австралийцевъ, у народовъ Африки (въ книгѣ г-жи Джайнъ приведена одна фигура, зарисованная у пигмеевъ Африки; эту же игру наблюдалъ у племени вакама Краусъ, см. *Globus* V. XII. № 14. 1907)¹⁾. Въ своей книгѣ г-жа Джайнъ представила 97 различныхъ фигуръ изъ веревочки изъ разныхъ странъ. Для каждой показаны въ рисункахъ (ихъ всего 900) послѣдовательныя сплетенія веревки посредствомъ которыхъ достигается желаемая фигура. Введеніе въ книгу г-жи Джайнъ описано въ книгѣ г-на Haddon'омъ; къ концу книги приложена библиографія. На интересъ къ этой игрѣ указываетъ изученіе игры съ веревочкой, указывали не разъ западные этнографы. Какъ указываетъ Haddon въ своемъ введеніи, въ свѣтъ можно, быть можетъ, усмотрѣть переживанія магическихъ обрядовъ, въ которыхъ играли роль веревка и узлы. Интересно, что при дѣланіи фигуръ или при окончаніи ихъ иногда произносятся или поются фразы, которыя какъ бы наводятъ на слѣдъ религиозныхъ или социальныхъ обрядовъ.

(Folk-lore).

Указатель къ «Онежскимъ былинамъ», собраннымъ А. Гильердингомъ, общающій отдѣленіемъ русск. яз. и слов. И. А. Н. еще въ 1904 г., въ скоромъ времени появится въ свѣтъ. Предметный и именной указатели составлены Н. В. Васильевымъ (вмѣсто А. А. Фомина), и въ настоящее время уже отпечатано 6 листовъ; всего будетъ около 8, которые составятъ вып. II тома 61 «Сборника II отдѣленія И. А. Н.».

Премія по этнографіи, имени в. к. Сергѣя Александровича въ 1908 году можетъ быть присуждена лицу (русскому подданному), представившему свои труды, печатныя или рукописныя, а также коллекціи, въ Этнографическій Отдѣлъ И. О. Л. В., А. и Э. Премія выдается: 1) за самостоятельныя научныя монографическія изслѣдованія, 2) за научныя этнографическія труды руководящаго и методологическаго характера, 3) за собранія новыхъ матеріаловъ по этнографіи, а также за систематическія и болѣе полныя коллекціи предметовъ. Срокъ представленія трудовъ не позднѣе 15 мая, а коллекцій—1 сентября 1908 года.

161: Дѣтская игра lufambo.

25
138/vi-40 ✓

GNI
.E85
V.19

DO NOT REMOVE FROM POCKET

